

П.Ф. Шевчик

Воспоминания

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
АСТРАХАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

П.Ф. Шевчик

Воспоминания

Литературно-художественное издание

Издательский дом «Астраханский университет»
2009

ББК 84Р7

Ш37

Рекомендовано к печати редакционно-издательским советом
Астраханского государственного университета

Шевчик, П. Ф. Воспоминания [Текст] : литературно-художественное издание / П. Ф. Шевчик. – Астрахань : Издательский дом «Астраханский университет», 2009. – 199 с.

Вниманию читателей предлагаются воспоминания участника Великой Отечественной войны, педагога, преподавателя иностранных языков в Астраханском государственном университете.

ISBN 978-5-9926-0183-1

© Издательский дом
«Астраханский университет», 2009
© П. Ф. Шевчик, 2009
© В. Б. Свиридов, дизайн обложки,
2009

Думи мої, думи мої,
Лихо мені з вами!
Т.Г. Шевченко

Не дают спать думы беспокойные, будоражат душу, давно просятся на бумагу, да смелости не хватает. Боишься, что соврёшь, перепутаешь что-нибудь ненароком, ибо многое из памяти выпало, затёрлось, рассеялось; остались лишь осколки, которые ой как трудно собрать.

Не думал я в молодости, что наступит когда-то время воспоминаний, не собирал документов, статей, исследований и сейчас остался один на один с памятью. Может, и впрямь не стоит браться за перо, противостоять искущению... Хотя, с другой стороны, выскажешься, и легче станет. Как говаривали древние: *Dixi et animam meam levavi* (Я выказался и облегчил душу свою).

Итак, первое слово о лемках.

О лемках

Я – лемко. Лемко-карпаторосс. Один из потомков тех русичей, которые издревле населяли земли, расположенные по обоим склонам Карпатских Бескидов от верхнего течения реки Сан до верхнего течения Попрада и Дунайца. В конце X столетия эти земли вошли в состав Киевской Руси.

Три этнических группы, корни которых восходят к Древней Руси, населяют Карпатские Бескиды: гуцулы в восточной части, затем – бойки и лемки. Последние сосредоточены на словацкой и польской стороне в верховьях Попрада и Дунайца. Западнее, в Татрах, проживают гурали (*górale*) – польская этническая группа, народ удивительной храбрости, сохранивший свой язык, заметно отличающийся от литературного польского языка, обычаи, песни, особенности

быта и одежды. В 1930-е гг. мне приходилось встречаться с гуральми, и меня поражала их физическая красота. Они как на подбор стройные, преимущественно голубоглазые, светловолосые. В 1939 г. они здорово потрепали немецкую горную дивизию *Edelweiß*, и удивительно, что немцы не наказали их. Для меня это было загадкой. Но однажды развернул газету «*Krakauer Zeitung*», немецкую, издаваемую в Кракове, и наткнулся на статью “*Goralen – Nachkommen der alten Germanen*” («Гурали – потомки древних германцев»). Автор нашел у этого народа все признаки германской расы. Стало ясно, почему немцы простили его.

Однако вернемся к лемкам. Обозначить точно границы их проживания не представляется возможным: На западе от Криницы ее условно можно обозначить по селам Ростички (Ростичка мала), Сваристе, Мацьова, Крыльова; где-то на юго-западе – Шляхтова, Била Вода; к юго-востоку от Кракова, примерно в 100 км, расположены Пивнична, Криница, Мушина (почти вплотную к границе со Словакией). На востоке от Кракова находятся Горлицы и Грибов (Грибів). Дальше на востоке вплоть до реки Сан встречаются отдельные сёла, населенные лемками. Численность лемковского населения определить трудно: при переписи они проходили по графе «русин», куда зачастую заносились и другие этнические народности, вышедшие из недр Руси.

Существует предположение, что вплоть до VIII в. местность, где сейчас расположен г. Краков, была заселена русичами. Основой для такого мнения явилось происхождение слова «Краков». Некоторые исследователи предполагают, что это название произошло от слова «кряк» или «крак», что означает «куст». Отсюда делается вывод: селение, из которого вырос г. Краков, возникло на местности, заросшей кустарником, что вполне вероятно, поскольку го-

род находится на реке Висле. Из этого предположения делается следующий вывод: название г. Кракова – русинского происхождения. По-польски город должен бы называться Krzaków, так как в польском языке слово «куст» – krzak [кшак], а не «кряк». На этой этимологии базируется гипотеза о том, что в районе г. Кракова жили когда-то русичи. Разумеется, основа для такой гипотезы – весьма шаткая.

Поляки называли лемков «русины» (Rusini), немцы и австрийцы – Ruthenen (Rutenen), хотя употреблялись также слова Lemkowie у поляков и Lemken – у немцев и австрийцев. Чехи употребляют слово Rusini.

Сами лемки называют себя «лемки», или «лемкы-руснакы», иногда – «лемки-карпатороссы». (Звуки «л» и «к» в слове «лемки» произносят твердо [лэмкы]). Никогда лемки не называли себя украинцами. Украинец ассоциировался у них с отщепенцем, врагом всего русского. Иногда такая предубежденность лемков приводила к нелепым крайностям. Я сам был свидетелем того, когда мужики в селе Криница побили артиста бродячего украинского театра только за то, что он назвал себя украинцем. Произошло это в 1937 г. Случай, конечно, нелепый. Но, с другой стороны, у лемков был печальный исторический опыт, когда националистически настроенная украинская интеллигенция помогала австро-венгерским жандармам в Первую мировую войну расправиться с лемковской интеллигенцией и общественно активным крестьянством.

Название «лемки» произошло от употребляемой в лемковском диалекте частицы «лем», что означает «лишь», «только».

Область, населенная лемками, исторически оказалась на стыке границ Польши, Венгрии и Чехии. Соседство и общение с коренным населением этих стран сказалось на

формировании быта, обычая, песенной культуры и языке лемков.

В XIV в., в 1340 г., северную часть Лемковины захватила Польша (польский король Казимир), южная отошла к Венгрии и Чехии. С 1772 г., после первого раздела Польши, вся Лемковина вошла в состав Австро-Венгрии, а по Версальскому договору 1918 г. северная её часть перешла во владение Польши, а южная – Чехословакии.

На протяжении столетий народ Лемковины подвергался нещадной эксплуатации. К социальному гнёту прибавился гнёт национальный, особенно со стороны польских панов. К преследованиям национальным прибавились и преследования религиозного характера. Лемки изначально исповедовали православие. После заключения Брестской унии (1596 г.) на территории Лемковины, принадлежащей Польше, начинается насильственное насаждение греко-католической религии (униатской) и преследование лиц, исповедующих православие. То же самое происходит на южной стороне Карпат после заключения в 1649 г. Ужгородской унии.

Лемки-карпатороссы всегда тяготели к России. И дело тут не в деятельности «москофилов» и «расширении моско-вофильских теорий «панрусского народа», как полагает Софія Грица¹. Лемки издревле считали себя руснаками, связанными с Русью. Издревле отец подпевал сынишке: «Гоп, гоп, а я руснак – добрий хлоп!» (дельный мужик). Россию лемки называли «мама». За эту приверженность к русскому им не раз приходилось расплачиваться кровью. В годы моей юности я встречал многих жителей моего села Криница, которые помнили знаменитый прорыв австро-

¹ Предисловие к сборнику «Українські народні пісні з Лемківщини». Київ: Музична Україна, 1972.

венгерского фронта в 1917 г. генералом Брусиловым. Они рассказывали о том, как хорошо кавалеристы из России относились к местному населению, особенно к детишкам, которых угождали бесценным лакомством – сахаром. Русскую армию карпатороссы встречали радостно¹. В то время рождались и такие строки поэта:

Раз, на заре золотой, издалёка
Вдруг подошли под Карпаты орлы.
Взвились под синее небо высоко.
Встали на стражу твердее скалы.
И, испугавшись славянского клича,
В зареве, вставшем над родной страной,
В дыме пожаров расправу чинили
Гордые швабы железной рукой.
Русские села и нивы пылали.
Долу клонились большие кресты.
Это ведь наших людей распинали,
Нашею кровью поля залиты.

Первая мировая война принесла на Лемковину бездну горя. Трудоспособное мужское население было мобилизовано в австро-венгерскую армию. Австро-венгерские власти погнали карпатороссов воевать против своих единокровных братьев-русских. В городах и сёлах началась настоящая охота на интеллигенцию и передовое крестьянство, подозреваемых в симпатиях к России. В начале войны 1914 г. недалеко от г. Грац (Австрия) был создан концентрационный лагерь – Талергоф, куда австро-венгерские власти отправляли (зачастую целыми семьями) лемковских священников, учителей, адвокатов, гимназистов, крестьян и содержали их там в невыносимых условиях. Тысячи узников погибли в Талергофе,

¹ Брусиловский рейд по Карпатам (июль–август 1917 г.) не достиг района Криницы, но слава о нем докатилась до каждого села Карпатской Руси.

многие сходили с ума от пыток и издевательств. Узник Талергофа, крестьянский поэт Иван Федоров Федоричка (1872–1930 г.) написал историческую поэму «Талергоф, или Русская Голгофа»; она посвящена памяти жертв австрийского террора. В ней поэт называет Талергоф «нероновским амфитеатром 20го века». В ней находим такие строки:

Горе, братья галичане!
Дрожат нервы, сердце вяне,
Меркне з болю в очах свѣт.
Як погляну, душа млѣе,
Як тут русский род марнѣе,
Кровью росит кождый слѣд.
Горе, горе, чорна доле!
Стонут горы, стоне поле,
Неслыханный, лютый гнет.
Всѣм нам грозит тут заглада,
И здается, з того ада
Жива душа не уйдет.
Смерт-погибель царит всюды:
Стрѣлы в плечи, штыки в груди,
Ни вперед, ни вбок, ни взад.
Слеза слезу вытискае,
Рана рану постигае.
Талергоф – кромѣшный ад!¹

Талергоф...

С этим словом связано становление моего национального самосознания. Еще мальчиком, учеником начальной школы, я участвовал в торжествах, посвященных памяти жертв Талергофа, читал стихи, пел в хоре, слушал рассказы бывших узников концлагеря. Два таких узника, супруги

¹ Букву ё, которую употребляют некоторые поэты следует читать как й».

Трохановские, были моими учителями в начальной школе. Позже, уже в гимназические годы, познакомился с Сергеем Дуркотом, коммунистом-подпольщиком, который перенес талергофскую каторгу, еще будучи гимназистом. Его младший брат, тоже гимназист, не выдержал адовых условий каторги и сошел с ума.

В селах Лемковины ежегодно проводились дни памяти жертв Талергофа. Эти торжества проходили поочередно: в один год в одном селе, в другой – в другом. Население заранее оповещалось, где в этом году должны состояться Талергофские дни. Сюда съезжались коллективы художественной самодеятельности, крестьяне, молодежь, лемковская интеллигенция, рабочие; проводились шествия и митинги, где выступали бывшие узники концлагеря. Зачастую выступающие на митингах не ограничивались только талергофской тематикой: на них звучал и протест против национального и социального произвола, на сей раз уже польских властей. Кульминацией торжеств было воздвижение «трехраменного» (православного) креста в память погибших в Талергофе. Такой крест, срубленный из бревен, воздвигался на местном кладбище. Эта церемония не всегда проходила мирно. Некоторые священники, прежде всего воспитанники львовского митрополита Андрея Шептицкого, к тому же украинской националистической ориентации, вставали в воротах кладбища и не разрешали вносить «православный» крест на униатское кладбище. Порой дело доходило до потасовки, при этом доставалось и ретивому священнику. Спасали жандармы, которые для такого случая стояли наготове.

В 1916 г. в Вене состоялся суд над группой общественных деятелей Лемковины. Судили – если не ошибаюсь – 36 человек. Среди них были: священники Сембратович,

Венгринович, адвокаты Орест Гнатышак и Ярослав Качмарчик, учитель Милянич из с. Поворозник, учитель, а позже редактор газеты «Лемко» – Мефодий Трохановский из Криницы, священник Хилак, крестьянин из Криницы – Николай Громосяк. Подсудимых обвиняли в заговоре против государства, что в условиях военного времени наказывалось смертной казнью. Такого наказания требовал прокурор. В 1970 г. я имел возможность познакомиться с копией стенограммы одного из заседаний суда. Обвинение строилось на связях обвиняемых с русскими славянофилами. Свидетелями обвинения были украинские националисты и польские шовинисты. Обвиняемые в своих ярких, хорошо аргументированных выступлениях решительно отвергли обвинения в связях с московскими славянофилами; в конце XIX в. некоторые из них действительно ездили в Москву лишь за помощью продовольствием для населения Карпат, которое в то время постиг жесточайший голод. Чем закончился данный процесс, мне неизвестно, но точно знаю, что эти лица были в концлагере Талергоф.

Австро-венгерская судебная машина работала во время Первой мировой войны в полную силу. Суды выносили суровые приговоры подозреваемым в симпатиях к России.

На одном из таких судилищ была приговорена к смертной казни группа лемков – 16 человек, среди них и Дмитрий Вислоцкий (Ваньо Гунянка), впоследствии один из основателей «Лемко-Союза» в Америке.

Спасла осужденных смерть императора Франца-Иосифа (ноябрь 1916 г.) и последовавшая за ней 17 августа 1917 г. амнистия.

Наступил 1918 г. – последний год существования Австро-Венгрии. Империя распалась. Карпаторусские земли передаются во владение Чехословакии (южные склоны

Карпат) и Польши (северные склоны). Лемки в Польше предпринимают попытку добиться автономии. В с. Флоринка собирается вече, на котором провозглашается правительство «Руска Рада» – правительство автономии, в которое вошли Ярослав Качмарчик, Хиляк и Николай Громосяк. Просуществовало оно недолго: жандармы Пилсудского разогнали его. Подобная наивная попытка была предпринята в сентябре 1939 г., когда в Кринице был создан «Карпаторусский совет Лемковской области», тоже заранее обреченный на провал.

11 ноября 1918 г. Польша официально (по Версальскому договору) была признана независимым государством. Однако независимость не принесла облегчения трудовому народу страны, в том числе и самим полякам. Наоборот, эксплуатация рабочих и крестьян лишь усилилась. Особенно тяжелым было экономическое положение в восточных и южных областях страны, на так называемых «кресах» (окраинах) – наиболее отсталых в хозяйственном отношении районах (Западная Белоруссия, Западная Украина, Прикарпатье). Положение населения этих областей усугублялось национальным гнетом со стороны правящего режима панской Польши. Её шовинистическая политика по отношению к украинскому, русинскому и белорусскому народам, естественно, вызывала протест, сопротивление, бунт населения. Политические выступления жестоко подавлялись. Во второй половине 1920-х и в первой половине 1930-х гг. XX столетия проводились польскими властями на территории Западной Украины акции усмирения местного населения. Отряды жандармов врывались в дома жителей, рубили саблями все, что попадалось под руку, избивали мужчин. Бывали случаи поджога церквей. На официальном языке властей это называлось пакификацией (от латинского слова *rax* – мир).

Проводимая польскими властями политика полонизации, т.е. подавления национального самосознания народов, вызывала протест и противодействие и на Лемковине. Тяга лемков к России была постоянной. В конце 1930-х гг. началось движение за выезд лемков в Сибирь. Собирались подписи желающих выехать в СССР. Появилась брошюра Сергея Зинина (Сергей Дуркот) «Лемковина – Сибирь», в которой автор рассказывал об условиях жизни трудящихся в стране социализма, о перспективе развития Сибири. Польскому правительству и Совету народных комиссаров СССР было направлено ходатайство с просьбой разрешить переселение лемков в СССР. Кампания эта окончилась безрезультатно.

И лишь осенью 1939 г. мечта лемков сбылась. В то время было подписано соглашение между СССР и Германией об обмене населением. По этому соглашению немцы, проживающие на территории Западной Украины и Западной Белоруссии, вошедших в состав СССР, могли добровольно выехать в Германию, а русские, украинцы и белорусы, проживающие на оккупированных Германией польских землях, могли по желанию переселиться в СССР. Обмен населением начался в конце 1939 г. и закончился в феврале 1940 г. В то время часть лемковских семей переехало в Советский Союз. Не все желающие могли выехать: срок, отведенный на переселение, был ограниченным. Количество лиц, переехавших в СССР, сейчас установить трудно. Я виню себя за то, что, работая в комиссии по переселению в уездном городе Новый Сонч Krakauer Gouvernement – Краковское генерал-губернаторство), не записал число уезжающих. Сам я уехал с последним эшелоном и прибыл в СССР 25 февраля 1940 г.

Второе переселение лемков в СССР произошло в 1945–48 гг. по соглашению с правительством Польши. Это был

уже не обмен населением, а переселение в одну сторону. Причем не добровольное, а принудительное. Тех лемков, которые не пожелали выехать в СССР, польские власти депортировали на северо-западные земли, бывшую территорию Германии, отошедшую Польше после Второй мировой войны. Таким образом, Карпаты остались без лемков. Лемковские земли были заселены поляками.

К переселению лемков в СССР сейчас у меня, по истечении десятилетий, двойственное отношение. С одной стороны – это радость, даже восторг из-за осуществления вековой мечты лемков – объединения с русским народом. Кроме того, мой народ, исключительно трудолюбивый, избавился от нищеты, веками терзавшей его, вырос в культурном отношении, стал просвещённым. Дети неграмотных и полуграмотных крестьян получили среднее и высшее образование, многие стали известными учеными.

Но в первые годы переселенцам пришлось очень тяжело. Властями СССР была допущена ошибка: нельзя было расселять переселенцев-добровольцев на территории Западной Украины, где население находилось под влиянием националистов, враждебно относящихся к русским (к «москалям»). В первый же день приезда нас встретили вопросом: «Чому ви приїхали до більшовиків?» К тому же переселенцам были переданы строения и земли польских помещиков и крупных землевладельцев, которые бежали на Запад при подходе Красной Армии осенью 1939 г. На эти земельные угодья рассчитывало местное население: плотность его была велика, и земли крестьянам не хватало.

А тут еще нагрянула война. Враги советской власти вышли из подполья, начался кровавый шабаш украинских националистов. Многие, многие лемки-переселенцы пострадали в те тяжелые годы.

Сейчас основная масса лемков проживает на Украине во Львовской, Тернопольской, Ивано-Франковской и других областях; многие переехали в восточные области Украины, в Донбасс. Часть осела в Краснодарском и Ставропольском краях. В России лемки в материальном отношении благодаря своему природному трудолюбию живут очень хорошо.

К издержкам переселения следует отнести еще одно очень существенное явление: ассимиляцию. Из-за разобщенности лемки утратили свою самобытность, фольклор, а главное – язык. Язык потерян безвозвратно, тем более что он лингвистами практически не описан, а литературных произведений на лемковском диалекте очень мало.

Быт лемков. Праздники. Обычаи

Быт людей формируется и обусловлен, прежде всего, естественной средой их обитания. Проживая среди лесов, на тощих землях Карпатских гор, народ этот добывал себе пропитание большим потом. Чтобы выжить, нужно было много работать. Отсюда и главная черта лемков – трудолюбие.

Основным их занятием было земледелие. Выращивали ячмень, овёс, в сравнительно небольшом количестве – рожь. Пшеницу сеяли редко, видимо, она давала низкие урожаи на здешних почвах. Много сажали картофеля, он давал хорошие урожаи на хорошо унавоженной земле. Много высаживали капусты: она и картофель были основными продуктами питания. Выращивали кормовую свеклу и репу для скота, сеяли красный клевер, реже люцерну на корм лошадям. Кукурузой не занимались, арбузов не знали. Важное место занимал лён. Он шёл на пряжу для полотна, семена – на масло.

Из огородных культур, кроме зелени, выращивали огурцы. Помидоров не высаживали, их привозили из Ук-

раины, употребляли крайне редко. По-моему, помидоры вполне созревали бы в тех местах, просто традиционно ими не занимались. Не знали лемки и красного перца, и баклажанов.

Культура земледелия была отсталой. Запущенным было садоводство. Такое положение было в районах, расположенных на северных склонах Карпат, на южной (чехословацкой) стороне дело с земледелием обстояло лучше благодаря лучшим климатическим условиям.

Занимались лемки и скотоводством. До Первой мировой войны широкое распространение имело овцеводство, с 1930-х гг. ХХ в. им стали заниматься реже: одежда, домотканое сукно из овечьей шерсти, постепенно вытеснялось фабричной продукцией, и спрос на шерсть уменьшился.

Животноводство было малопродуктивным. Обычно у крестьянина-середняка, владеющего примерно 10 га земли и 3 га леса, имелось 4–5 коров и пара лошадей. Надои были низкие: скотину два раза в день выгоняли на далеко расположенные пастбища, что приводило к потере молока, да и кормили-то её плохо – в основном соломой, в которую, в лучшем случае, добавляли ковыль, и сечкой из той же соломы, сдобренную свеклой или репой, иногда отрубями. Клевер или люцерну коровам скармливали только во время отела. Комбикормов не знали.

До Первой мировой войны основной тягловой силой в сельском хозяйстве был вол. В начале 1920-х гг. вола сменила лошадь: жизнь требовала больших скоростей, которых медлительный вол обеспечить не мог. Но лошадь требовала и другого ухода, а главное, ей нужен был корм – зерно, причем в большом количестве. Чуть ли не половину зернового клина крестьянин засевал овсом – для лошадей. Да и этого

фуража не всегда хватало, овес приходилось зачастую покупать дополнительно.

Поля у крестьян представляли собой узкие – в 3–6 м – полосы. От угодий соседей их отделяла так называемая «межа». Межи могли быть естественными, когда полосы располагались уступами, и искусственными. Искусственная межа – это либо узкая, в 20–30 см, невспаханная полоска земли, либо маркированная каменными столбиками. Эти-то искусственно обозначенные межи были яблоком раздора между соседями. Бывало, жадный до земли крестьянин по-тихоньку отпахивал от межи полосочку земли: в один год несколько сантиметров, в другой припашет еще немножко, а там, глядишь, и столбик передвинет, до тех пор, пока сосед не спохватится. Ну а дальше беда: скандалы, драки, длительные тяжбы, пока, наконец, суд не назначит комиссию для восстановления по карте или плану этой проклятой межи. К этому времени судебные издергжи, расходы на адвокатов и угощение свидетелей успевали основательно подорвать хозяйство мужика.

Такие тяжбы из-за земли, леса были явлением типичным для лемковской деревни.

Три формы собственности на землю и лесные угодья существовали на Лемковине: частная, государственная и церковная (приходская). Последняя фактически находились в распоряжении прихода, но юридически эти угодья принадлежали Ватикану.

В 1938 г. крестьяне села Криница Новосонченского уезда, Краковского воеводства хотели построить дом-читальню. Деньги на эту постройку имелись: их собирали в течение 15 лет, на возведение здания хватило бы, но не было главного – участка под здание. У прихода такой участок был, церковь была согласна подарить его обществу, но прав

на это у неё не было. Пришлось крестьянам обратиться в Ватикан. Помог случай: в Криницу прибыл на лечение папский нунций, который и помог благому делу. Читальню, однако, построить не успели – помешала война 1939 г.

Помещичьих земель на Лемковине не было. Пастбища у крестьян были общими, скот можно было пасти даже на приходских участках.

Запрещался сбор ягод и грибов в лесопосадках, принадлежащих государству и церкви. Крестьяне на своих землях посадкой леса не занимались. Они только вырубали – у себя, у соседа, а если повезет, то и в церковном, и в государственном лесу, рискуя заплатить штраф или угодить в тюрьму.

Селились лемки около рек и речушек, двор ко двору, обычно по обе стороны дороги. Эта главная дорога была вымощена булыжником, благо камней в горах хватает.

Крестьянский двор состоял из жилого дома, утепленного помещения для скотины («стайни»), крытого гумна («боиско»), где зимой обмолачивали снопы и теребили лен; снопы, солома, сено – все это хранилось под крышей; никаких стогов на зиму в поле не оставляли: слишком тяжело добывался корм, приходилось беречь каждую соломинку. Отдельно стоял амбар («сыпанец»), куда ссыпалось зерно. Построен он был из толстых сосновых или еловых («смерековых») бревен, чистота в нем была образцовая. В нашем амбаре, кроме зерна, хранились ещё деревянные ложки, которые подавались к столу только по торжественным или печальным дням (свадьба, крестины, похороны, поминки). Был тут ещё ящик («скринка») с старыми бумагами. Мальчишкой я часто забирался туда, в «сыпанец», и часами сиживал, вчитываясь в эти древние документы, написанные то на украинском, то на польском, а то и на не-

мецком языках. Все они относились к ушедшим уже из жизни предкам Шевчикова рода.

Строения воздвигались из дерева, покрывались драницей («гонты»); соломенные крыши встречались редко. Драницу заготавливали зимними вечерами. Еловые чурбаки длиной в 60–70 см раскалывали на пластины, строгали на нехитром станке и с тупой стороны специальным рубанком вырезали желобок: вот и драница готова. Крестьяне побогаче покрывали крышу жилого дома железом. Но таких было мало, обычно те, кто десяток-другой лет проработал в Америке и накопил доллары. Их так и звали – «гамериканец».

Дома – одноэтажные, обычно на 3–4 комнаты, две большие, две поменьше. Одна из больших комнат называлась «світлиця», она была нежилой, открывалась только для гостей и в дни семейных праздников. Вторая большая комната – это и кухня, и спальня, а по вечерам и своего рода мастерская, где чинили всякую утварь, обувь, сбрую. Зимою здесь же стоял ткацкий станок, да еще собирались вечерами женщины из соседских домов со своими прялками.

Любил я эти тихие зимние вечера, когда жужжат веретёна, мелькает челнок ткацкого станка, ведётся тихая, неторопливая беседа, дядя шьёт лапти («керпці») из сыромятной кожи, мы, малышня, дерём перо для подушек; мне иногда выпадала большая честь – прочитать что-нибудь из книжки. А то сказку расскажет кто-нибудь, неважно, что ее все знают. Слушать сказки всегда интересно. А то вдруг песня вспыхнет, сначала один голос, а там подхватывают ее все, и изба оживает, веселится.

К полуночи все расходятся по домам, «работники» (батраки) в коровники на свои нары («пріча»). Да, не в избе спал батрак – летом на сеновале, зимой в коровнике. Бат-

рачки – их называли «кухарки» – спали, конечно, в избе: на сеновал их не пустишь.

Тяжела была жизнь лемка-хлебороба. Почвы бедные, глинистые, земли мало, хлеба не хватало, душили налоги. Приходилось крестьянину искать заработка на стороне: зимой на лесозаготовках, летом на городских стройках, в пригородных селах многие извозчики. Особенно тяжело жилось безземельным. Город их не принимал: кругом безработица. Вот и нанимался безземельный лемко в батраки к середняку или «богачу», но тоже из крестьянского сословия за какие-нибудь 150–200 золотых в год (учительская зарплата была около 150 золотых в месяц), получая в придачу пару ботинок, лапти, бельё из льняного полотна домашней выработки, рабочую одежду, ну и, конечно, питание. Зато и работать приходилось от зари чуть ли не до полуночи. Выходные были, но отпусков не было и в помине.

Но были в той тяжелой жизни и радостные дни. Как и повсюду на Руси, народ на Лемковине всегда искал, чем бы скрасить свой далеко не весёлый быт. Рождались игры, танцы, песни, народная музыка.

Зимняя вечеринка. В избе женщины да девушки, все занятые своим делом, кто прядет, кто вышивает, перо для подушек готовят, детишки помогают кто как может; после песни воцарилась тишина. Вдруг с улицы слышен топот и позвякивание. Это идут «бачи» (чабаны) на вечеринку. На головах высокие соломенные шапки, украшенные разноцветными лентами. Лиц не видно: их закрывают длинные, до колен ленты. В руках у чабанов «костуры» (ярыги), на которых набиты железные пластинки, они-то и звенят, когда бачи идут по улице. С ними «дзяд» (нищий). Чабаны входят в избу, где вечеринка, здороваются, садятся на свои ярыги, нищий выступает с шутками да прибаутками – зачастую

непристойными, – а затем чабаны танцуют свой размеренный танец, ходят по кругу и поют песни. Вот одна из них:

Янчик, Янчик, патре горе! Гойа-гой.
Што увидиш – вшитко твое, гойа-гой.
Трі звіздочки, трі на небі, гойа-гой.
Трі звіздочки, трі на небі,
Трі дівчата мам при собі, гойа-гой.
Єдній Ганця, другій Марця, гойа-гой.
Третій малювана Манця, гойа-гой.

Янчик, Янчик, взгляни на небо!
Что увидишь, всё твоё.
Три звёздочки, три на небе,
Три девушки у меня.
Одну зовут Ганця (Аня), другую Марця (Маруся).
Третью накрашенная Манця (Мания).

Отпели свои песни чабаны, вечеринка кончилась на сегодня. Но раз чабаны приходили, то через неделю жди других гостей – ряженых.

К приходу ряженых готовились, вспоминали песни, подходящие к этому событию: вход в избу каждой пары ряженых сопровождался соответствующей песенкой-частушкой, зачастую весьма наивной, грубоватой, иногда лирической, но всегда смешной. Вот пример: среди ряженых обязательно должна присутствовать пара из высшего общества (пан и пані). Оба соответственно наряженные. Раз пан, то обязательно с огромным животом, сигарой в зубах, огромной цепью от часов на животе. Под руку ведет свою «паню», конечно, костлявую, длинную, размалеванную. Пара эта появляется в дверях, а присутствующие поют:

Там на горі, там на горі
Трепета ся трепле.
Люби ж мене, люби ж мене,
Череватый Петре!

Там на гре, там на горе
Осина дрожит.
Люби ж меня, люби ж меня,
Брюхастый Петре!

Ряженых было много: русалки, жених и невеста, ангелы, смерть, царь Ирод, лошадки, коза с козлом, баран с овечкой, цыганская пара, еврей с Сарой, разбойник, пастух с пастушкой, нищий, павлины, олени и т.п. Все они по очереди заходили в избу, сопровождаемые соответствующей частушкой, показывали какой-нибудь танец или просто па и уходили, уступая место следующей паре. Все это ряженые проделывали молча. Я очень жалею, что не записал этих частушек, а ведь можно было: тетя Саша, в семье которой я рос, знала их все. Глупый был...

Разнообразили тяжкую жизнь лемка праздники: Пасха, Рождество, Троицын день (Русаля), Петров день.

Пасху (по-лемковски Великден) ждали с нетерпением все: и взрослые, и дети – по двум причинам. Во-первых – начало весны, во-вторых, окончание длинного поста и предвкушение разговения. Да и самые предпасхальные хлопоты – веселые, радостные. Сколько радости было от удачных куличей и «писáнок» (крашеных яиц)!

У детворы и молодых парней были к тому же свои особые заботы: нужно было изготовить деревянные трещотки и буковые дощечки, размером примерно 10 × 15 см с прикреплёнными к ним подвесными молоточками, которые, ударяясь о поверхность дощечки, извлекали чистый звон.

Такие приспособления употреблялись вместо церковных колокольчиков. Дело в том, что ночью, в страстной четверг, замолкали все колокола вплоть до воскресного утра. Вместо колоколов и колокольчиков употребляли во время богослужения в страстные дни вот такие деревянные трещотки и дощечки-колотушки; я забыл, как они по-лемковски назывались. (Такие колотушки употребляют в буддийских храмах.)

Заготовляли ещё в предпасхальные дни всякого рода шприцовки и небольшие насосы: в пасхальные дни полагалось поливать друг друга холодной, но чистой водой. Особенно старались мальчишки да парубки. Ни одна девушка не возвращалась из церкви домой в сухой одежде.

Приходилось готовить ещё «мортиры». Подбирали разных размеров ключи с отверстием, в которое можно было набить серу от спичек, прилаживали «боёк», и «мортира» готова. Ударишь бойком о кирпичную стену церкви, стрельнет как из пушки. Это делалось для того, чтобы залпами возвестить миру: Христос воскрес! После того как священник провозгласит «Христос воскрес!», около церкви раздается пальба из множества таких самодельных мортир. Палить из ружей не разрешалось.

Мне нравились пасхальные дни. Они привносили в нашу, в целом серую тогда, жизнь ожидание чего-то нового, какой-то особый настрой. Мне, мальчишке, нравился страстной четверг, когда во время вечернего богослужения читали главы из Евангелия (если не ошибаюсь, 12 глав) и после каждой главы били в колокола, а в самой церкви звенели колокольчики разных размеров, и молящиеся становились на колени. И этот перезвон был последним на страстной неделе: в эту ночь колокола замолкали, их сменяли деревянные колотушки и трещотки вплоть до воскресения.

Нравилась и страстная пятница, когда в церкви стоял стол, накрытый плащаницей, а позади был воздвигнут крест с терновым венком. Это называлось «Гроб господень». К нему подходили молящиеся, некоторые на коленях, прикладывались (целовали) к плащанице. Но нас, детей, привлекало другое – стража возле гроба. Это были пожарники из местного добровольного пожарного общества, одетые в форму римских воинов в сверкающих касках и с длинными деревянными алебардами в руках. Стояли по двое, неподвижно, каждая смена по 30 минут. Мы часами глазели на них, с нетерпением ждали пересмену и мечтали о том времени, когда и нам можно будет постоять неподвижно в таком же блестящем одеянии.

Нравилось мне бывать в церкви в так называемую «еврейскую субботу». Не знаю, принято ли это в православии. Вечером в страстную субботу в нашей церкви дьячок использовал в песнопениях еврейские мелодии. Это было необычно, а главное, весело. Пел он мастерски, хотя голос был надтреснутый, как у людей, уважающих водочку. Но слух у него был идеальный. Не знаю, пел ли он на церковнославянском языке или на древнееврейском. Слов я разобрать не мог. Помню, что каждая песня состояла из двух частей: речитатив на одной ноте и собственно мелодия, весёлая, хоть пляши. Мелодии и песни эти должны были отражать радость евреев по поводу смерти Христа.

Для изнурённого повседневными заботами крестьянина Пасха являлась не только религиозным праздником, сколько днем просвета, радости, отдыха от тяжелого труда и тяжёлых дум. День радости – вот как воспринималось это светлое воскресение. И дело не только в том, что на заре этого дня был крестный ход вокруг церкви, что вокруг гудели молчавшие двое суток колокола, что повсюду раздава-

лась пальба из мортир, а в самой церкви к запаху ладана присоединялся аромат куличей. Дело в самой торжественности происходящего. По-новому звучала духовная песня. Неслучайно на пасхальную литургию в церковь нашего села Криницы приезжали паны из города, исповедующие другие религии. Приезжали, дабы послушать, как поёт пасхальные песни лемковский хор, хор непрофессиональный, любительский, крестьянский. В униатских храмах, так же как и в православных, органа нет. Но в нашей церкви, когда настоятелем был прогрессивный о. Кароль Король, разрешалось исполнять некоторые мелодии сельскому духовому оркестру (около 30 человек) под управлением иммигранта из России – Захарова. Этот одаренный музыкант, бывший офицер царской армии, когда-то эмигрировавший из России, сумел создать духовой оркестр из полуграмотных крестьянских парней. Хороший оркестр. Сам Захаров играл на нескольких инструментах. И как играл! Я до сих пор слышу его исполнение на трубе церковной песни «Плотью уснув...». Это было божественное исполнение!

Я – атеист. Но люблю духовную музыку, её мощь, многоголосие духовного песнопения. Однако не всякую. Не нравится мне, например, вариант песни «Христос воскресе!», принятый в православной и униатской церквях. В «каноническом» исполнении эта песнь звучит как-то уныло. Она провозглашает лишь факт воскресения Христа и победы жизни над смертью, но в ней нет эмоции, ликования по поводу этой победы. Между тем композиторами создан целый ряд мелодий на слова «Христос воскресе!», ярких, жизнерадостных, весёлых. Лемковский хор и оркестр исполняли эти мелодии. Особое впечатление производит на меня древнегреческий вариант «Христос воскресе!» Когда слышу эту песнь на древнегреческом языке, мне кажется,

что нахожусь где-то в древнем театре: на сцену выходит хор, именно выходит, медленно, соизмеряя каждый шаг с каждым слогом песни:

«Хрис-тос а-нэс-тэ эк-нэ-крон,
Та-на-то та-на-тон па-а-а-тэ за-а-а-ас...»

...Отзвенела пасха. Начинается весенняя суeta. Хозяйке, правда, небольшое послабление: в течение десяти дней не нужно печь хлеба. Нельзя – надо доедать то, что было заготовлено на Пасху.

Потянулась череда серых дней, полных тяжкого труда и хлопот. Но уже на горизонте Троицын день, или Русаля по местному. Русаля – праздник развесёлый. Это праздник древний, праздник русалок. Не тех, полурыб, полуженщин, что живут в пучине морей, а наших, славянских, русоволосых, населяющих карпатские леса.

Раз это праздник русалок, то следует их ублажать. Дома, дворы, ворота – все должно быть украшено зеленью, лучше всего – дубовыми ветками. И обязательно – веселье. Повсюду: на улице, в домах, на пастбище. А чтобы быть весёлым, надо взбодриться. Вином, конечно. Вот и гуляет село, пошатывается, но зато весело. Спасибо русалкам.

Июль приносит новую радость – Петров день. В Кринице это был престольный праздник: церковь называлась Петропавловской в честь апостолов Петра и Павла. После Второй мировой войны она была передана римско-католической епархии и переименована в костёл. Хорошая была церковь. Высокая, из красного кирпича, пол выложен каменными плитками, о которые натирали коленки кающиеся грешники – взрослые и малолетние. Церковь вместительная, на хорах могло разместиться до 80 человек, с удобными для молящихся скамьями. Три алтаря, один большой – главный, два боковых, у одного из них я испове-

довался и замаливал грехи. Я предпочитал каяться у этого алтаря, потому что здесь на стене была изображена удивительной красоты святая.

Главный алтарь был закрыт царскими вратами, резными и позолоченными, великолепной работы. Вообще резьбы в церкви было множество, некоторые изделия филигранны. Старожилы рассказывали, что художник, наносящий позолоту, сетовал на то, что резьба так тонка, что тяжело покрывать её позолотой. Резные работы выполнял житель Криницы – Алексей Громосяк (старший). Впрочем, сам он – неверующий.

Вот сюда-то к Петрову дню прибывал сонм священнослужителей, и стекались паломники даже из Чехословакии. Никаких чудес и сверхъестественных явлений в Кринице не происходило. Просто паломникам хотелось побывать на торжественной литургии, где зачитывались послания апостолов Петра и Павла на церковнославянском, латинском, древнегреческом и древнееврейском языках. А главное, была какая-то потребность пообщаться друг с другом у жителей из разных районов и даже разных стран.

Накануне праздника прибывал разноязыкий, разноплемённый, разношёрстный народ. Первыми появлялись нищие и калеки. У них имелось расписание престольных праздников по стране. За ними прибывают мелкие купчики, торговцы дешёвыми конфетами, разноцветными пряниками-сердечками, игрушками, дудочками, «пищалками» (свириелями) и прочей снедью. Купцы покрепче выставляют свой ходовой товар: косы, вилы, топоры, скобяные изделия. Выставляют также церковные колокола самых разных размеров. Цирк «Шапито» ставит свой шатер. Шарманщики со своими одногоними хриплыми шарманками, попугаями, белыми крысами зазывают легковерных заглянуть в свою

судьбу: заплатишь 20 грошей, одногий попугай-инвалид вытянет тебе билетик на каком хочешь языке – русском, украинском, польском, словацком – и ты узнаешь, что тебя ждёт впереди.

Я тоже поддался искущению и из полученных мною в день именин от мамы 50 грошей истратил целых 20; зеленый попугай нагадал мне, что ждет меня удача и слава, «...тільки не трати відваги», т.е. не теряй мужества.

Занимают места на ярмарочной площади и шулера всех мастей: «напёрсточники», «верёвочники», «специалисты» по трём картам, по игре в чёт-нечёт и множество разных злодеев. Человеку, воспитанному в советских условиях, и во сне не может присниться такое разнообразие местного жулья.

Петровская ярмарка шумит, звенит, заливается много-голосием, искрится разноцветьем.

Я любил наблюдать этот гомон. Любил смотреть процесии паломников с иконами и хоругвями, слушать их пение. Я восхищался яркими праздничными одеждами словацких девушек (их у нас называли «венгерки»). Даже сейчас, по истечении 70 лет, вижу перед собой процессию из Словакии. Она состоит из одних девушек, человек около 50. Несут икону Богоматери, украшенную яркими цветами. Впереди – усатый мужчина с песенником в руке. Единственный мужчина. Грамотный, он громко читает куплет песни:

Вишли змэси на ту гору,

Виділи змэ матер божу.

Панно Марийо!

Хор девушек подхватывает и поёт куплет. И так куплет за куплетом. До сих пор помню эту незатейливую мелодию. Видимо, красочным было это зрелище, что так запомнилось.

Любил я этот праздник. К тому же в этот день, день моих именин, освобождали меня от моих пастушьих обязанностей. Подарков в этот день не получал, только 50 грошей от мамы. Не принято было в крестьянских семьях отмечать ни дни рождения, ни именины. Тем более детей. Но дети все же подарки получали. Нет, не под Новый год и не от Деда Мороза (его мы не знали), а от святого Николая (зимнего). Ночью детям клали под подушку подарок. Обычно кулёк с конфетами, яблоками, орехами. И обязательно розги в придачу (но это уже не от святого Николая, а от чёрта).

В сёлах, где была изба-читальня, иногда устраивали в Николин день спектакли; детишкам дарили заранее заготовленные адресные подарки. Вручал их святой Николай, а чёрт добавлял розгу. Таких подарков удостаивались дети состоятельных родителей.

Самым желанным, пожалуй, праздником было Рождество (по лемковски – Різдво). И не только потому, что с его приходом кончался довольно длительный пост: любому значительному празднику предшествовали посты. А потому, что – ёлка! К ней готовились загодя, всей детворой. Покупалась разноцветная бумага, головки ангелов, картонные фигурки танцовщиц. Но украшения делали сами. Из скорлупы орехов, ржаной соломы, яичной скорлупы, ваты. Придумывали одеяния для этих же ангелов и танцовщиц, kleили гирлянды из бумаги, цветные гармошки, звёздочки – да всего и не перечислишь. Фантазии и воображению тут был полный простор. А сколько волнующих минут переживаешь, когда ищешь «яличку» (ёлку), самую-самую. В сочельник, утром, отправляешься в лес. На дворе холодно-холодно, а в самом лесу – тепло. И тихо-тихо, лишь шорох осыпающегося с елей снега нарушает эту тишину. А ты

бродишь, долго бродишь, ищешь самую красивую, самую стройную. Жалко рубить, но что поделаешь: праздник!

Взрослые мужчины в сочельник с утра тоже в лесу. Нужно свалить дерево побольше, успеть отвезти немцу Винклеру на лесопилку: деньги нужны к празднику.

В избе столпотворение. Тётя занята стряпней. К вечеру нужно приготовить 12 блюд («Ведь апостолов было 12», – объясняла она), испечь хлебцы для скотины. В сочельник вечером хозяин заходит в стойло, поздравляет скотину с Рождеством Христовым и каждому животному дает хлебец с зубчиком чеснока. Дети тем временем должны успеть украсить ёлку, сдвинуть столы вместе так, чтобы поместились за ними 11 человек семьи, расставить лавки, принести чистого сена и расстелить на столах, да овсянную солому разложить на скамьях, столы поверх сена покрыть чистыми скатертями. Да надо успеть ещё надеть чистое бельё.

С первой звёздочкой идём все к проруби. Тётя с подойником: вдруг угадаешь, когда потечёт в реке не вода, а вино (такое бывает в ночь перед Рождеством!). У проруби все умываются, глотают «целебную» водицу, а иной ухарь ныряет в прорубь, неважно, что мороз под 25 °С. Воду в подойнике бережно несём домой: чем больше принесешь, тем выше будут надои молока.

Придя с реки, рассаживаемся за столами. Дядя приносит овсяной сноп и поздравляет нас с праздником, желает всем:

Жебы сте были здравы, веселы, як в небі ангелы!

Жебы ся вам родили быцькы, телички,

як в лісі ялички!

Чтобы все были здравы, веселы, как в небе ангелы!

Чтобы рождались бычки и тёлки, как в лесу ёлки!

Сноп ставится в угол. Это – «дед». Каждый из нас старается занять место возле «деда». Он будет стоять здесь вплоть до Нового года.

Начинается трапеза. Первое блюдо – чеснок. Прежде чем съесть, надо потереть им лоб, чтобы не болела голова. Однако только принимаемся за чеснок, в сенях раздается музыка и песня:

Ангел пастырям молвил:
Христос ся нам народил...

Это цыган Юрко со своим «ансамблем» пришёл «колядовать». Коляда спета, Юрко поздравляет, желает того же здоровья, что у ангелов, да побольше бычков и тёлок; за это получает от дяди золотый и может купить себе почти килограмм сахарного песка или 20 папирорс «Sport».

Сочельник проходит весело, с аппетитом, хотя все 12 блюд – постные, на постном масле. Кошка и собака получают свою порцию от каждого блюда.

После трапезы мне как пастуху следует собрать все вилки и ложки да связать их соломой. Это для того, чтобы летом скотина у меня держалась вместе, гуртом, а не разбрехалась по чужим овсам.

Усталые от треволнений, разморённые обильной едой, начинаем петь. Колядки, конечно. Хорошо! Нам с тётей перед сном нужно ещё собрать во дворе щепки; чем больше соберёшь, тем больше грибов наберёшь летом.

Однако пора спать. Всем хочется спать на лавке, на соломе. Даже батрак спит в эту ночь в избе, а не в коровнике. Там в ночь перед Рождеством спать опасно: в эту ночь животные разговаривают по-человечески, и кто подслушает их разговор, тут же умрёт.

На рассвете я иду вверх по селу колядовать. Обязательно только вверх, тогда ты принесешь людям счастье. Пойдешь вниз по селу – принесёшь беду.

В селе считали, что я – «сирота» – приносил счастье, то, что пожелал, сбывалось, и многие просили, чтобы я в рождественское утро явился с поздравлениями.

Новый год отмечался как обычный праздник. Ёлка всё ещё оставалась в избе, сноп-дед всё ещё занимал почётное место у стола в углу, но торжеств особых не было. Разве что новогодние поздравления. Ни Дед Мороз, ни Снегурочка в Карпатах не появлялись. Правда, вечерами пройдут колядники со светящейся, вращающейся звездой и «шопой», т.е. своеобразным кукольным «театром» – ящиком на треноге и занавесом впереди. Занавес раздвигался, появлялась сцена, а на ней ясли, святое семейство, коровы, овечки, пастухи, волхвы, пришедшие поклониться младенцу. Появлялись жестокий царь Ирод и Смерть, которая тут же, на глазах восхищённой публики, убивала косой кровавого Ирода, а чёрт к всеобщей радости уносил его в ад. Действие происходит без каких-либо пояснений, но зрители все понимают, благодарят колядников, а иной раз не пожалеют и монетки.

Вот и кончились праздники. Хочу лишь добавить, что праздники в униатской церкви отмечаются – как и у православных – по юлианскому календарю (старый стиль).

Одежда лемков

Основным занятием лемков являлось земледелие и скотоводство. Эти отрасли хозяйства кормили и одевали население. Лён давал не только масло, но и материал для изготовления летней лёгкой одежды, для нательного и постельного белья, для скатерей. Из овечьей и козьей шести изготавливали сукно, шерстяные платки, носки, из шкур – «ко-

жушки» (короткие шубки шерстью внутрь), «сердаки» (кожушки без рукавов). Шкуры крупного скота уходили на изготовление обуви, в первую очередь – «керпцев»¹.

Одежда у лемков отличалась простотой и скромностью. Вышивка применялась весьма умеренно. Женщины носили длинные юбки, фартук («запаска»), рубашку с очень скромной вышивкой, поверх кафтан, короткий, до бёдер. Зимой надевали обычно кожушок, коричневого или белого цвета, отороченный мехом, на карманах – нитяной узор. Очень распространёнными были пледы, одноцветные, синей, зелёной, светло-коричневой, голубоватой расцветки. На голову женщины надевали иногда чепец и поверх него косынку, завязанную узлом под подбородком. На ногах – лапти («керпци»), надетые на портянку или шерстяной чулок. В праздничные дни женщины любили надевать шнурованные сапожки. Серёжек не носили, не надевали украшений на пальцы и запястья. Даже обручальных колец не носили женщины-крестьянки.

Девушки одевались наряднее. Во-первых, коса – одна или две, а в них ленты. Иногда в праздник надевали венки, обычно из цветов. Обязательным украшением были бусы, причем в несколько рядов. Рубашки – расшитые узором, обычно «крестиком», на них надевали корсет, расшитый бисером и разноцветными блёстками; юбки широкие, весёлых расцветок и обязательно – фартушки. На ногах – изящные «керпци» или полуботинки.

В отличие от замужних женщин девушки надевали на пальцы разные перстенёчки.

Мужская одежда – простая и строгая. Летом это обычно рубаха и портки из домотканого полотна, сшитые вручную, лишённые всякого орнамента и вышивки. Иногда на ру-

¹ Керпци – вид лаптей из довольно толстой – до 5 мм – дублённой кожи.

башку надевали жилет. Для тяжёлой работы в лесу мужчины вместо полотняных порток надевали «холосьни». Это брюки из сукна домашней выработки, довольно толстого и прочного. Брюки узкие, плотно облегающие тело, обычно с двумя разрезами спереди, отороченные по бокам цветным шнуром, красным, зелёным, жёлтым. В праздничные дни или зимой мужчины надевали куртки («гуни») из того же домотканого сукна. Эти «гуни» коричневого, белого или иногда чёрного цвета были украшены узором, очень скромным, из шерстяного шнура, обычно тех же цветов: красного, жёлтого, зелёного, голубого и «розочками» из сочетаний этих цветов. Пуговиц не было, вместо них – шнурки длиной в 3–4 см, с деревянными палочками на концах. Это и были застёжки. Гуня имела рукава, её можно было надевать как обычную куртку. Но парни любили носить гуню внакидку или надевать «для форсу» на одно плечо. Этот «ансамбль» – холосьни и гуню – лемки носили и в будни, и в праздники.

Поверх этой одежды и парни, и пожилые мужчины надевали ещё своего рода бурку. Это длиннополая одежда из того же домотканого сукна, снабженная декоративными рукавами с длинной, в 10–15 см баҳромой. Обычно баҳрома была чуть светлее материала, из которого была сшита бурка. Называлась эта бурка – «чуга», «чуганя». Носили её внакидку, обычно по праздникам.

После Первой мировой войны гунька и чуга, впрочем как и другая одежда из домашней ткани, были вытеснены одеждой фабричного производства.

В 1937–38 гг. мы с большим трудом собрали по деревням Лемковины одежду для мужского состава лемковского хора (примерно 50 человек) из Криницы. За свою жизнь я видел всего двух человек, одетых в чугу: одного живого, другого в нашей сельской избе, где проходили любительские

спектакли. Этот второй, одетый в чугу и керпци, в шляпе с широкими, загнутыми вверх полями, вёл за руку русоволосую с длинной косой лемковскую девушку и указывал ей путь в дом с названием «Читальня».

Я не смог найти происхождение слов «гуня, гунька» и «чуга».

Интересно, что у В. Даля эти слова обозначены: чуга (кур.) – долгий кафтан (удивительно: курский говор и лемковский говор!); гуня – худая, ветхая, истасканная одежда, ветхий полушибок (тверской, пермский говоры).

Мне кажется, что слово «гуня» могло произойти от чешского *hůňatý* – мохнатый

К другим предметам мужской одежды лемков следует отнести кожух (полушубок), сердак (безрукавка из бараньей шкуры) и, конечно, те же керпци, надетые на портнянки (онучи). По праздникам стали надевать всё чаще ботинки или, реже, сапоги, а молодёжь любила щеголять в ботинках со «штильпами»¹. Такие штильпы, видимо, распространённые в свое время в Австро-Венгрии, почему-то понравились франтоватым молодым лемкам. Может быть, потому, что в них очень эффектно выглядел танцор, исполняющий чардаш.

Следует ещё упомянуть такой аксессуар, как «капелюш» (шляпа). Без шляпы никак нельзя. Хоть босиком, но в шляпе. В отличие от других горцев, населяющих Карпаты (например, гуцлов или польских туралей) лемки в повседневной жизни шляп не украшали. Но зато дружки на свадьбе обязательно должны иметь шляпу, увенчанную яркой лентой и пером, не птичьим, а изготовленным из разных ярких деталей. Хотя когда-то, видимо, на Лемковине было приня-

¹ Штильпы (нем.) – съемные голенища сапога.

В нашей семье Шевчиков был один такой случай. Был у меня дядя Андрей. Человек красивый, трудолюбивый, обладающий необыкновенной физической силой, остроумный. А вот жениться не мог: земли своей не было. Хозяйство было в руках брата, по праву первородства. Поделиться землей с братом Андреем он не мог: у самого были дети. Кончилось тем, что дяде Андрею пришлось жениться не по любви – на вдове намного старше его. Ясно, что полноценной семейной жизни не было.

Как бы то ни было, какой-то выход при заключении брака старались найти, и всё заканчивалось свадьбой. О намерении вступить в брак следовало заявить публично. Этим занимался священник. Он три воскресенья подряд оповещал с амвона о том, что такие-то семьи желают соединиться, и просил лиц, имеющих возражения против данного брака, сообщить ему об этом. Невеста же в течение нескольких вечеров должна навещать священника для напутствия и поучений. Обряд бракосочетания совершался в церкви. Он ничем не отличался от соответствующего обряда в православной церкви.

Слово «свадьба» по-лемковски называется «весіля». Значит, на свадьбе должно быть весело. Весело и в доме невесты, и в доме жениха. Это не означает, что слезам тут не место. Нет-нет да всплакнет мать невесты, а самой невесте даже положено поплакать среди веселья. Особенно, когда приходится расставаться с косой, менять прическу, надевать вместо венка чепец. Этот обряд так и называется «чепины». Плачет невеста-сирота, у которой нет матери, когда молодых сажают за стол, а гости поют:

До стильця сідати,
Мамички не мати.
Приди, мамо, з неба,

Бо тя ту барз треба
(Потому что ты здесь очень нужна).

Весёлая свадьба – это забота самих гостей, в первую очередь – «дружбов» (дружков жениха) и «дружек» (подружек невесты). «Дружба» отличается от остальных гостей убранством: на ногах сапоги с узкими голенищами или ботинки со «штильпами» (шифельеты), на лацкане – яркая кокарда; шляпа украшена широкой лентой красного или жёлтого цвета и обязательно – яркое, красивое перо. И обязательно – изящная, тонкая тросточка. Такими тросточками дружбы (обычно 4 человека), образуя круг, выбивают дробь над головами жениха и невесты, танцующих в этом кругу лемковский танец-обертанец. Дружбы – это своего рода дирижёры на свадьбе.

Дружки (подруги невесты) заботятся, в первую очередь, о молодой, опекают и утешают её. Одеты они в народные одежды лемковских девушек, ярко, в корсеты, вышитые бисером и блёстками, на голове – веночки и разноцветные ленты.

Много музыки на свадьбе. Музыканты – цыгане, чаще всего скрипачи и обязательно контрабас. Контрабас – не только инструмент, он ещё и копилка: в него гость, заказывающий мелодию, бросает монету. Обычно это происходит так: заказчик становится перед музыкантами и поёт куплет песни, бросает в контрабас деньги, музыканты внимательно слушают и по взмаху смычки первой скрипки воспроизводят совершенно слаженно пропетую мелодию. Певец исполняет всю песню под аккомпанемент цыганского ансамбля. Меня всегда удивляло музыкальное чутьё цыган. Ведь далеко не все мелодии были им знакомы. На свадьбах исполнялись не только лемковские песни, но и украинские, польские, чешские, словацкие, румынские, мадьярские, и, конечно же, русские.

В лемковском фольклоре имеется много песен, которые можно было бы назвать свадебными. Они исполнялись, как правило, только на свадьбах. Орест Гижа в опубликованном им замечательном сборнике¹ приводит 42 такие песни. Но их несравненно больше, просто не нашлось подвижников, подобных Гиже, которые бы их собирали. А ведь были ещё «песни-однодневки», которые рождались тут же на свадьбе и через некоторое время забывались, навечно. Это своеобразные частушки, причем мелодия у этих частушек различна. Содержание же игриво-ироническое. Чаще всего такие частушки звучали на свадьбах, где жених и невеста происходили из разных деревень. Причём прямо в пути, во время следования «свадебного кортежа» из одной деревни в другую. Жители одной деревни, подметив какой-то недостаток, смешную привычку соседей, тут же обыгрывают её и поют частушку. Соседи, выслушав их, отвечают тем же, похожей ироничной частушкой. И никто не обижается.

Простить себе не могу, что, надеясь на свою память, я не записывал этих частушек. А сейчас всё выветрилось – не помню ни одной.

Однако вернемся к свадьбе. Длились свадьбы обычно два, реже три дня. Всё на них было – и радость, и слёзы, и напутствия старших, а главное – песни да танцы. Танцевали вальс и польку, гопак и коломыйку, и обязательно – чардаш.

Много приходилось танцевать «молодой», т.е. невесте. Особенно когда староста (тамада) объявлял её «обтанцована», и каждому мужчине предоставлялось почетное право потанцевать с невестой. Правда, за это следовало заплатить, ибо «хто з молодой хце (хочет) танцовати, мусит (должен) златый таляр дати». Вот и танцевала молодая до изнеможения, зато и «таляров» набиралось.

¹ Українські народні пісні з Лемківщини. Київ: Музична Україна, 1972.

«Палюнку» (водку) пили не стаканами, а «келишками» (рюмочками в 50 г). Не напивались. Шампанского или других вин не признавали. В некоторых деревнях, например в Мохначке, предпочитали пить «кропли» (т.е. эфирные капли): они дешевле. Как они эти капли пили, где их доставали, как разбавляли – не знаю.

Драк на свадьбе не бывало, наоборот, завязывались знакомства, крепла дружба. Гостям, даже случайным, неприглашённым, всегда были рады.

Софія Грица в предисловии к сборнику песен с Лемковины приводит такую схему развития «свадебной драмы».

Сватание («залицяння»).

Хождение жениха к невесте («зальоты»).

Изготовление «рижчки» (ёлочки, украшенные лентами).

Плетение венков у невесты.

Приглашение гостей.

Субботний танец с дружбами и прощание жениха с друзьями.

Сама свадьба начинается с угощения у жениха, затем у невесты.

Пение ритуальных песен.

Завершается угощение благословлением молодых и выездом на венчание.

После возвращения с венчания невеста прощается с родными и подругами. Затем следует прощание с косой, надевание чепца («зачепины»): косу не отрезают, а расплетают, изменяя прическу.

Завершается свадьба угощением у молодого, которое готовит невеста.

Все эти этапы свадьбы сопровождаются соответствующими песнями.

Отвлекаясь теперь от «свадебных событий», хотелось бы выделить одну черту лемков – гостеприимство. Впрочем, она характерна и для русского и украинского народов. Зайдешь в хату лемка-крестьянина, тебя обязательно угостят. Даже если в хате, кроме хлеба, ничего нет. Хозяйка в таких случаях кладет перед гостем буханку хлеба, подает нож, а гость должен сам отрезать кусок по своему усмотрению. Таков обычай.

Лемковский диалект

Приступая к этому важнейшему разделу воспоминаний, хочу заранее подчеркнуть, что я не ставлю своей задачей дать научное описание лемковского диалекта. Это невозможно, во-первых, потому, что мне уже 90-й год и времени для совершения такого подвига нет, а во-вторых, я не располагаю печатным материалом на этом диалекте (кроме сборника песен). Приходится выуживать всё из памяти.

По своему словарному составу лемковский диалект ближе всего к украинскому языку. Украинец из Львова и лемко из Криницы без труда понимают друг друга, несмотря на различия в произношении и грамматике. Да это и неудивительно: корни-то общие – древнерусские.

Много слов в лемковском лексиконе старославянского происхождения: *вельми* (*велми*) – очень; *звізда* (*звѣзда*); некоторые с изменением (сужением либо расширением) значения. Так, древнеславянское слово *искати* – «искать» – есть и в лемковском диалекте, но употребляется только в значении «искать вшей». Фраза «будем ся искати», которую ещё в начале 1930-х гг. можно было услышать в лемковском селе, означает «будем искать друг у друга в голове вшей». А вот слово *глїдати* – «смотреть», «видеть» – у лемков означает «искать» (*«глядати»*). Интересно, что украинское слово

«шукати» или польское *szukać* есть и в лемковском диалекте и означает тоже «искать», но употребляется лишь в единственном случае – как приказание собаке «ищи!» (полемковски «шукай!»)

В словаре лемков масса заимствований из языков соседних народов – польского, чешского, словацкого и, конечно же, немецкого, поскольку Лемковина свыше ста сорока лет входила в состав Австро-Венгрии. Вот несколько примеров:

[h] гарувати – тяжело работать (польск. *harować*);

гамба – рот (польск. *gęba*);

капліця – часовня (польск. *kaplica*);

пьентро – этаж (польск. *piętro*);

стодола – рига, овин (польск. *stodola*);

склеп – магазин (польск. *sklep*);

милувати – любить (чешск. *milovat*);

зас – снова (чешск. *zase*);

[h] гостина – званный обед (чешск. *hostina*);

цурик – назад (нем. *zurück*);

[h] гандлювати – торговать (нем. *handeln*);

[h] гандляр – торговец (нем. *Händler*);

крам – торговая лавка (нем. *Krambude*);

дах – крыша (нем. *Dach*);

шилофáнок – скамья с выдвижным ящиком для сна (нем.

Schlafbank);

Заимствований из немецкого языка и из идиш в лемковском диалекте – тьма. Встречаются заимствованные фразеологизмы, порой довольно курьёзные в языковом отношении. Таким является, например, проклятие «Шляг бы тя трафив!» («Чтобы тебя удар хватил!»), где первое и последнее слова – немецкого происхождения¹.

¹ По-немецки – *Schlag soll dich treffen*.

Нашлось в лемковском языке и место для древнего бога славян – Перуна, например, в проклятии: «Перун бы тя трафив!» «Гром тебя порази!». Впрочем, слово «Перун» стало уже нарицательным и означает «гром». То же и в польском языке (rionun).

В XIX – начале XX в. нужда заставила лемков эмигрировать, главным образом в США и Канаду. Возвращаясь под старость домой, эти реэмигранты способствовали «обогащению» лемковского словаря американскими, как правило, в славянском варианте: сюр (sure) – конечно; гауз (house) – дом; є (yes) – да; пейда – заработка (от pay – платить); шифа (ship, нем. Schiff) – корабль.

Немного хотелось бы остановиться на глаголе «иметь» (лемковское – «мати»). Ещё в древнеславянском языке этот глагол (**имѣти**) обладал весьма широким значением. Это свойство проявляется в той или иной степени и в большинстве современных славянских языков (в меньшей степени, пожалуй, в русском). В лемковском диалекте глаголу «мати» тоже свойственна многозначность. Он может выражать:

1) принадлежность чего-то кому-то или отсутствие чего-то:

Він ма добру книжку – у него (есть) хорошая книга;

Мы не маме хыжы – у нас нет дома;

Він ма добре серце – у него доброе сердце;

Хлопец мав страх – мальчик боялся;

2) с существительными, обозначающими состояние, свойство, качество, возраст, болезнь:

Хыжка ма два метры высоты – хата высотой два метра;

Він ма десят років – ему десять лет;

Дзецко ма катар – у ребенка насморк;

3) при обозначении времени:

Гнеска маме четвер – сегодня у нас четверг;

В пятницю маме четвертого мая – в пятницу четвертое мая;

Тераз маме дві години – теперь у нас 2 часа;

4) долженствование, возможность или предположение (модальное значение в сочетании с инфинитивом). Конструкция встречается и в современных индоевропейских языках (да и в древних тоже):

Латинский Nihil habeo ad te Ничего не могу тебе со-
scribere; общить;

Немецкий Ich habe noch viel tu Мне ещё нужно многое
tun; сделать;

Польский Mam jeszcze pójść do szkoly; Мне нужно ещё пойти в
школу;

Украинский Що маю робити? Что мне делать?

Лемковский Mam išci написати Мне нужно написать
лист; письмо;

Лемковский Ту ма быти збудувана Здесь должна быть по-
читальня; строена читальня;

5) в значении «быть одетым» (по аналогии с немецким глаголом anhaben, с английским to have on):

Польский On mial na sobie – На нем была куртка;
kurtkę;

Немецкий Die Frau hatte ein se- – На женщине было
hönes Kleid an; красивое платье;

Лемковский Bін мав на собі чор- – На нём были черные
ни сподні; брюки;

6) во фразеологических сочетаниях как возвратный глагол:

Латинский Ut te habes? – Как себя чувствуешь?
Как поживаешь?

Чешский Jak se máš? – Как поживаешь?

Польский Jak się masz? – Как поживаешь?

Украинский Як ся маєш?	– Как поживаешь?
Лемковский Як ся маш?	– Как поживаешь?

*Произношение и некоторые особенности
морфологических форм и синтаксиса диалекта*

В произносительном плане лемковский диалект ближе всего к юго-западному наречию украинского языка, хотя есть и особенности, вызванные влиянием польского и словацкого языков.

К общим с украинскими языковым явлениям следует отнести:

- 1) регressive ассимиляция согласных на озвончение (овес зелений [овеззелéний]);
- 2) различие более переднего «і» и более заднего «и» (сіно, синій);
- 3) чередование старых «о», «е» с «і» в закрытом слоге (роки – рік, семеро – сім);
- 4) последовательное изменение древнерусского «ѣ» в «і» (в селѣ – в селі);
- 5) звук [e] на месте древнего «ъ» (шыптижти – шептати);
- 6) звук [w] (в орфографии «в») на месте древнерусского «л» перед согласным и в глаголах прошедшего времени мужского рода (спіав, вовк¹)².

Основные особенности звукового и грамматического строя лемковского диалекта:

- 1) фиксированное ударение в словах; оно падает на предпоследний слог (как в польском языке);
- 2) отчетливое произнесение гласных звуков независимо от позиции в слове. Почти незаметная редукция безудар-

¹ БСЭ. 3-е изд.

² В лемковском диалекте у глаголов прошедшего времени встречаются две формы – более древняя с окончанием «л» и более поздняя – на «в» я, ты, він читал; я, ты він читав.

ных и конечных гласных. Лемкам неизвестны ошибки на безударные гласные;

3) отсутствие палатализации согласных перед «е»: (бे-ру [бэрү]);

4) в отличие от украинского языка – отсутствие долгих мягких согласных, возникших в результате ассимиляции мягким согласным последующего *j*: укр. – життя, сміття; лемк. – житя, смітя;

5) наличие аффрикат «дз», «дж» (дзвонити, дзоря (дыра), ходжу);

6) наличие фрикативного [h] (в орфографии «г»), по звучанию полностью совпадающего с украинским (голова, говорити);

7) в редких случаях наличие смычного заднеязычного согласного [g] (русское «г»). Как правило, этот звук встречается в заимствованиях (главным образом из польского языка, хотя иногда и в исконо лемковских словах): гураль (польск. góral); гамба (польск. gęba) – рот; гміна (польск. gmina, нем. Gemeinde) – сельская управа. Исконно лемковские: грибы; грули (картофель). В свое время, вплоть до 1930-х гг. XX столетия, на Западной Украине и Лемковине для выражения этого звука на письме употреблялась и соответствующая буква: печатная «г». Позже она была изъята из украинского алфавита;

8) смягчение звуков [c] и [z] перед мягкими [v'][l'][m'][n'][p'] в начале корня: свічка [с'в'ічка], злі [з'л'i], сміх [с'm'ix], снідати [с'n'iдати], співати [с'п'iвáти]. Если «с» и «з» являются приставками, то произносится твердо [звіязати]. В словах, где приставки «с» и «з» в современном языке воспринимаются как элемент корня, эти звуки мягкие: свідок [с'в'ідок] – свидетель. В лемковском слове

«съвáто» («праздник») звук [c'] – мягкий по происхождению.
Ср. свjто (старослав.)

Названное явление (смягчение «с» и «з» перед некоторыми согласными) широко представлено в польском языке, ср. śliczny (красивый), śmiały (смелый); причем мягкое [c'] и [z'] в лемковском диалекте образуются так же, как и польское ś, ž;

9) в отличие от украинского языка в лемковском диалекте звуки [c], [ц], [з] в суффиксе прилагательных и наречий – твердые (так же, как в русском, чешском и польском языках):

укр. – лемківський; лемк. – лемківский

укр. – німецький; лемк. – німецкий;

10) в лемковском диалекте глаголы в 3 л. мн.ч. наст. времени оканчиваются на твердое [t]:

укр. – вони читають; лемк. – они читают;

11) аффрикат [ч] в лемковском диалекте – твердый, то же относится и к [щ]: плечи, щырий;

12) в некоторых словах лемковского диалекта, начинающихся с «а», появился перед «а» звук [h]: «Гамерика», «гангар» вместо «Америка», «анггар». Как правило, это заимствования из других языков;

13) в сочетаниях – предлог «в» + слово, начинающееся со звука [в], звук [в] предлога переходит в щелевое [h]: «в вашим селі» [гвашим селі]. Это фонетическое явление довольно распространено, хотя параллельно существует и форма [ввашим селі]. То же наблюдается и в предложных сочетаниях «в» + слово, начинающееся с «н»: він быв в нас – [він бы у гнас];

14) так же, как и в украинском, согласные «к», «х», «г» переходят в «з», «ц» перед окончанием «і» («рука» – «на руці»; «беріг» – «на березі»; «кожух» - «в кожусі»);

15) в отличие от русского языка – отсутствие [j] и стяжения гласных в полных формах именительного и винительного падежей прилагательных женского и среднего рода в ед. и мн. ч. (лемк. «червена ружа», «червену ружу» - russk. «красная роза», «красную розу»; лемк. «червене ябко», «червены ябка» - russk. «красное яблоко», «красные яблоки»);

16) в отличие от украинского языка – прилагательные в именительном падеже мн. ч. принимают окончание «ы» («высокы дубы»; «веселы дівчата»; «зелены горы»; но «сині очы»). В украинском языке: «високі дуби», «зелені гори», «веселі дівчата»;

17) наличие окончания «ови» в дательном падеже ед. ч. существительных 2 склонения: «уйкови» (дяде); «Петрови»; «шевцьови» (сапожнику). Хотя параллельно существуют окончания «у», «ю»: «братови» и «брату»;

18) окончание «і» в предложном падеже ед. ч. существительных: «о школі»; «о браті»; «о селі»;

19) в отличие от русского и украинского языков – окончание «ом» в творительном падеже ед. ч. существительных женского рода: «сестром»; «головом»;

20) наличие звательного падежа с окончанием в единственном числе «е», «о», «у», «ю»: «брате»; «мамо»; «уйку»; «кравцю». Во множественном числе форма звательного падежа совпадает с формой именительного падежа;

21) наличие параллельных форм инфинитива: «читати» – «читац»; «співати» – «співац». Инфинитив на -ц характерен для лемков, проживающих в Словакии;

22) отсутствие окончания «т» в 3 лице ед. ч. наст. времени у глаголов I спряжения: «він пише»; «він знає»; «він плаче»; «він ма»; «він бере». У большинства глаголов I спряжения с окончанием основы на «а» («мати», «копати»,

«співати», «знати», «читати» и т.д.) в формах настоящего времени наблюдаем следующие особенности:

- а) выпадение «е» в личных окончаниях;
- б) в 1 лице ед. ч. – окончание «м»:

1. читам	1. читаме	1. мам	1. маме
2. читаш	2. читате	2. маш	2. мате
3. читат	3. читают	3. ма_	3. мают

У глагола «мати» («иметь») в 3 лице ед. ч. окончание нулевое;

23) наличие параллельных форм прошедшего времени глаголов в ед. ч.: «я читав» – «я читал»; «ты (він) читав» – «ты (він) читал»;

24) более широкое, чем в русском и украинском языках, употребление окончания «м» в 1 лице ед. ч. наст. времени: «я мам» (я имею); «я читам»; «я співам»;

25) окончание «ме» в 1 лице мн. ч. глаголов настоящего времени: «мы пишем»;

26) в отличие от украинского языка глаголы II спряжения в 3 лице наст. времени мягкого знака в окончании не имеют: «він стоїт»; «они стоят»;

27) наличие двух форм глаголов прошедшего времени: синтетической и аналитической. Первая образуется так же, как и в русском или украинском языках, с той лишь разницей, что суффиксом является «в» или «л», причем последний (т.е. «л») встречается и у глаголов в ед. ч.:

- 1 л. Я писав (писал)
- 2 л. Ты писав (писал)
- 3 л. Він, она, оно писав (л), -ла, -ло

Вторая (аналитическая) форма прошедшего времени образована от древнего причастия прошедшего времени действительного залога с элементами вспомогательного глагола

«быть». Эта форма прошедшего времени имеет место лишь в 1 и 2 лицах ед. и мн. ч.:

Единственное число

1. Я єм писав (ям писав; я писав єм).
2. Ты ёс писав (тыс писав; ты писав ёс)

Множественное число

1. Мы сме писали (мы писали сме). Читается [змэ]
2. Вы сте писали (вы писали сте).

Нетрудно заметить, что формы «єм», «ёс», «сме», «сте» произошли от старославянских слов.

Сравним.

<i>Старославянский</i>	<i>Древнерусский</i>	<i>Лемковский</i>
1. єсмъ	єсмъ	єм
2. єси	єси	ёс
3. єсть	єсть	єст
1. єсмъ	єсмы	сме
2. єсте	єсте	сте
3. съть	суть	сут

Обе эти формы равнозначны и присущи глаголам как несовершенного, так и совершенного видов;

28) форма будущего времени глаголов несовершенного вида – аналитическая: вспомогательный глагол «быть» в футурume и инфинитив или древнее причастие с суффиксом «в» или «л»:

1. Я буду робив (робити, робиц).
2. Ты будеш робив (робити, робиц).
3. Він, она, оно буде робив, -ла, -ло (робити, робиц).
1. Мы будеме робили (робити, робиц).
2. Вы будете робили (робити, робиц).
3. Они будут робили (робити, робиц).

«быть». Эта форма прошедшего времени имеет место лишь в 1 и 2 лицах ед. и мн. ч.:

Единственное число

1. Я єм писав (ям писав; я писав єм).
2. Ты єс писав (тыс писав; ты писав єс)

Множественное число

1. Мы сме писали (мы писали сме). Читается [змэ]
2. Вы сте писали (вы писали сте).

Нетрудно заметить, что формы «єм», «єс», «сме», «сте» произошли от старославянских слов.

Сравним.

<i>Старославянский</i>	<i>Древнерусский</i>	<i>Лемковский</i>
1. єсмъ	єсмъ	єм
2. єси	єси	єс
3. єсть	єсть	єст
1. єсмъ	єсмы	сме
2. єсте	єсте	сте
3. съть	суть	сут

Обе эти формы равнозначны и присущи глаголам как несовершенного, так и совершенного видов;

28) форма будущего времени глаголов несовершенного вида – аналитическая: вспомогательный глагол «быть» в футуруме и инфинитив или древнее причастие с суффиксом «в» или «л»:

1. Я буду робив (робити, робиц).
2. Ты будеш робив (робити, робиц).
3. Він, она, оно буде робив, -ла, -ло (робити, робиц).
1. Мы будеме робили (робити, робиц).
2. Вы будете робили (робити, робиц).
3. Они будут робили (робити, робиц).

Глаголы совершенного вида будущее время образуют так же, как и в русском и украинском языках, отличие наблюдается лишь в отдельных окончаниях: «я напишу», «ты напишеш», «він напише», «мы напишеме», «вы напишете», «они напишут».

Синтетические формы будущего времени глаголов несовершенного вида, присутствующие в украинском языке, типа «писатиму», «писатимеш», «писатимемо» в лемковском диалекте отсутствуют;

29) деепричастие настоящего времени действительного залога образуется так же, как и в украинском языке, при помощи суффикса «чи»: «пишучи»;

Деепричастие прошедшего времени действительного залога в лемковском диалекте отсутствует.

30) наличие старославянских форм, в том числе и дуплетных, у личных и возвратных местоимений в дательном, винительном падежах единственного числа (см. Приложение);

31) отсутствие полногласия у относительных местоимений: «котрій», «котра», «котре», «котры»;

32) редупликация слога в именительном и винительном падежах указательного местоимения «тот» женского и среднего рода и в именительном падеже мн. ч.:

Именительный Тот хлопец; тата школа; тото дівча

Винительный Того хлопця; тоту школу; тото дівча

Именительный мн. ч. Тоты хлопці; тоты школы; тоты дівчата;

33) весьма распространенным в лемковском диалекте является употребление возвратного местоимения в дательном падеже («собі», «си») для выражения более тесной связи субъекта с действием: «Співал я си, співали»; «Мы си постановили» (мы (себе) решили); «Они си танцюют»;

34) употребление частицы «ся» с глаголами в 3 лице ед. ч. в неопределенном-личном значении: «Дост ся добре жиє» (Довольно хорошо живётся); «Біду ся пхат» (Нужду толкаешь);

35) слияние личных окончаний вспомогательного глагола «быть» при образовании сложной формы прошедшего времени глаголов с местоимениями, союзами, частицей «бы»:

«Ям написав лист» = «Я єм написав лист»;

«Ты мене не видів, бос не быв в нас» = «...бо єс не быв в нас»;

«Добрі, як быс мі написав» = «Добрі, як бы єс мі написав»;

«Дес быв вчера?» = «Де єс быв вчера?»;

«Штос робив?» = «Што єс робив?»;

«Чогос не писав?» = «Чого єс не писав?»;

36) для выражения принадлежности употребляется глагол «мати» (иметь); типичное в русском языке сочетание дательного падежа и «быть» в лемковском диалекте не встречается: «Він ма добре серце»; «Я не мам пінязів» (У меня нет денег);

37) глагол «мати» (иметь) в сочетании с инфинитивом приобретает модальное значение и выражает необходимость: «Мы маме збудувати нову хижу» (мы должны построить новую хату);

38) глагол-связка в сложном именном сказуемом употребляется чаще, чем в русском языке;

39) иногда наблюдается отличное от русского или украинского языков управление предлогов, прилагательных, существительных: «Я чекам на тебе» – я жду тебя; «на старіст» – к старости.

Иногда значение предлога может меняться в зависимости от ситуации: «Піду за тебе» (выйду замуж за тебя), но «За Австрії ся ходили аж до Будапешта, за Польши ся не

ходит навет до Krakova» (При Австрии можно было ходить даже до Будапешта, при Польше не доберешься даже до Krakova); «за Франца Йозефа» (во времена Франца-Иосифа).

Проблема правописания и грамматики в лемковском диалекте

Лемковский диалект был, прежде всего, языком устного общения. Конечно, население пользовалось им и при написании писем, не соблюдая при этом никаких орфографических правил, поскольку таковых не было; писали, как слышали и как говорили.

Интеллигенция пользовалась в общении либо русским языком, либо «русским» (с одной буквой «с»). Последний практически ничем не отличался от украинского языка западного варианта. В лемковских школах вплоть до 1936 г. обучали этому «русскому» языку. В книгах для чтения использовались отрывки из произведений Т.Г. Шевченко, Леси Украинки, Марко Вовчок, Ивана Франко, М. Коцюбинского и других представителей украинской литературы (кроме, конечно, советских). Литературы на лемковском диалекте практически не было.

Можно бы назвать два-три имени. Это замечательный поэт-крестьянин Иван Федоров Федоричка (1872–1930); поэт, певец Карпат и публицист Нестор Дмитриевич Жилич (псевдоним – Любомир Камянский, 1914–1989). Следует отметить изданный в 1972 г. сборник лемковских песен, собранных Орестом Гижей¹. До этого О. Гижей опубликованы «Народні пісні з Галицької Лемківщини»², «Народні пісні з

¹ Українські народні пісні з Лемківщини. Київ: Музична Україна, 1972.

² Народні пісні з Галицької Лемківщини. Львів, 1929.

Південного Підкарпаття»¹, «Народні пісні з Підкарпатської Русі»². В 1967 г. виходить сборник М. Соболевского «Лемківські співанки»³

Самый большой вклад в становление и развитие литературного творчества на лемковском диалекте внесла лемковская диаспора в США и Канаде. Центром её является «Лемко-Союз», основанный выходцем из с. Лабова, что на Лемковине, – Дмитрием Вислоцким (литературный псевдоним – Ваньо Гунянка). «Лемко-Союз» издавал две газеты на лемковском диалекте: «Лемко» и «Карпатска Русь». Газета «Лемко» помещала материалы и на словацком языке, она предназначалась для лемков, проживающих в Чехословакии. Обе газеты содержали материал из жизни и быта лемков в Польше и Чехословакии. Материал этот был – что называется – на злобу дня. Газеты выступали с резкой критикой национальной политики властей буржуазной Польши, поднимали голос против национального и социального гнета, которому подвергались карпатороссы, против засилья католической церкви. Большое внимание уделялось разоблачению деятельности украинских националистов и их организаций, таких как ОУН («Організація українських націоналістів») и УНДО («Українська націонал-демократична організація»). Решительно выступали газеты против фашизма, указывали на связи украинских националистов с германскими фашистами. Знакомили газеты «Лемко» и «Карпатска Русь» своих читателей с созидательной деятельностью большевиков в СССР.

«Лемко-Союз» издавал также знаменитые «Календари». Это довольно толстые журналы, (примерно 150 страниц), ли-

¹ Народні пісні з Південного Підкарпаття. Ужгород, 1923.

² Народні пісні з Підкарпатської Русі. Ужгород, 1938.

³ Лемківські співанки. Київ, 1967.

тературно-художественного направления. В них публиковались стихи, рассказы, пьесы на лемковском диалекте, как правило, связанные с жизнью и бытом народов Карпат. Публицистика «Календарей» имела политico-социальный характер и отличалась актуальностью, остротой, страстью.

В издательстве американского «Лемко-Союза» сделана попытка публикации книг на лемковском диалекте. Мне неизвестно, какие произведения удалось опубликовать. В молодости, где-то в середине 1930-х гг. ХХ в. мне довелось прочесть первую книгу на лемковском диалекте (одну-единственную), изданную «Лемко-Союзом». Её название «Пишта», автора не помню. Читали мы её дома по вечерам вслух.

Газеты «Лемко-Союза» и «Календари» в Польше были запрещены. Они попадали к нам из США через Чехословакию нелегальным путем. Население читало их с огромным интересом, их передавали из хаты в хату, из села в село.

Во второй половине 1930-х гг. в Кринице начала выходить еженедельная четырехстраничная газета «Лемко». Издавал её бывший учитель местной школы Мефодий Трохановский. По политической и классовой направленности газета была оппортунистической. М. Трохановский, человек исключительно одарённый и трудолюбивый, прекрасный оратор, решил написать учебник для I-III классов на лемковском языке. Идею свою он осуществил в удивительно короткий срок. Это был учебник родного (лемковского) языка. Проделана была колоссальная работа. Автору пришлось не только построить методически обоснованные учебники, но и перевести на лемковский диалект массу материала – рассказов, стихов; многое пришлось ему сочинять самому. А главное и самое трудное – подобрать и создать систему орографических правил, подходящих для данного диалекта. Видимо, М. Трохановский мучительно искал ответа на во-

просы, которые поставил перед ним сам язык. Он советовался и с Дмитрием Вислоцким (В. Гунянкой); мне показывал письма, в которых Д. Вислоцкий высказывал по лемковскому диалекту своё мнение. К сожалению, сути его взглядов на проблему языка я не запомнил, да, видимо, и не уловил: молод был ещё, желторотый гимназист. Зато отчетливо помню и сейчас вижу почерк В. Гунянки – крупный, размашистый. И ещё помню, как М. Трохановский, читая какое-то моё сочинение, пришёл в восторг, нет, не от содержания, а от того, что я написал «был» вместо «быв». Он побежал с «сочинением» в другую комнату, где находилась его жена, тоже учительница, и воскликнул: «Смотри, он написал "был"!» Видимо, эти два суффикса («л» и «в») долго терзали его. В устной речи они оба присущи 3 лицу ед. ч. глаголов прошедшего времени в мужском роде: «він быв» и «він был»; «він читав» и «він читал». Суффикс «в» в устной речи более распространен. А как быть в письменной речи? Иногда у одного и того же поэта встречаем и «в», и «л»:

И наш старый нянько, што ходив свѣтами,
Николи не плакал дробными слезами.

Н.Д. Жилич «Образ Тилича».

Проблему представляют дублетные языковые формы, при этом их выбор зависит от ориентации писателя на родственные лемковскому диалекту языки, в первую очередь – на русский или украинский. Так, в диалекте союз «потим» в письменной речи передается словами «потом» или «потім» в зависимости от языковой, а зачастую политической ориентации писателя. На лексическом уровне подобных примеров много: диалектное устное «він» – письменное «он» («він»); диалектное устное «де» – письменное «где»; диалектное устное «ци» – письменное «чи»; диалектное устное «гадати», «гварити» – письменное «говорити»; диалектное

тературно-художественного направления. В них публиковались стихи, рассказы, пьесы на лемковском диалекте, как правило, связанные с жизнью и бытом народов Карпат. Публицистика «Календарей» имела политico-социальный характер и отличалась актуальностью, остротой, страстью.

В издательстве американского «Лемко-Союза» сделана попытка публикации книг на лемковском диалекте. Мне неизвестно, какие произведения удалось опубликовать. В молодости, где-то в середине 1930-х гг. ХХ в. мне довелось прочесть первую книгу на лемковском диалекте (одну-единственную), изданную «Лемко-Союзом». Её название «Пишта», автора не помню. Читали мы её дома по вечерам вслух.

Газеты «Лемко-Союза» и «Календари» в Польше были запрещены. Они попадали к нам из США через Чехословакию нелегальным путем. Население читало их с огромным интересом, их передавали из хаты в хату, из села в село.

Во второй половине 1930-х гг. в Кринице начала выходить еженедельная четырехстраничная газета «Лемко». Издавал её бывший учитель местной школы Мефодий Трохановский. По политической и классовой направленности газета была оппортунистической. М. Трохановский, человек исключительно одарённый и трудолюбивый, прекрасный оратор, решил написать учебник для I–III классов на лемковском языке. Идею свою он осуществил в удивительно короткий срок. Это был учебник родного (лемковского) языка. Проделана была колossalная работа. Автору пришлось не только построить методически обоснованные учебники, но и перевести на лемковский диалект массу материала – рассказов, стихов; многое пришлось ему сочинять самому. А главное и самое трудное – подобрать и создать систему орографических правил, подходящих для данного диалекта. Видимо, М. Трохановский мучительно искал ответа на во-

«Мы сме [зме] тя виділи» = «Виділи сме тя».

«Вы сте нас виділи» = «Виділи сте нас».

В условных предложениях:

«Я бы'м ти написав» = «Я бы написал тобі»;

«Ты бы'с мі написав»;

«Мы бы сме [зме] тобі написали»;

«Вы бы сте нам написали».

Как быть в этих случаях с орфографией: отказаться от апострофа и писать эти морфемы (или элементы морфем) слитно с местоимениями, частицами, союзами, глаголами?

Как написать такие строчки известной лемковской песни?

Пришов бы'м я до вас каждый вечыр,

Жебы сте мі дали, што бы'м я хтів.

Тото дівча шварне, што ма очка чарне,

То бы'м я хтів, то бы'м я хтів.

Пока пишут по-разному, кому как хочется. В некоторых славянских языках эта проблема решена.

В польском: Ja widziałem, ty widziałeś; my czytaliśmy, wy czytaliście.

В украинском в формах будущего времени: «Я читати-м», «ти читати-меш»; «він читати-ме», «ми читати-мемо», «ви читати-мете», «вони читати-муть».

В чешском: Viděl jsem (Я видел); Měl byste si odpočinout (Вам следовало бы отдохнуть).

Путаницу в орфографию письменной лемковской речи вызывают и языковые, и политические пристрастия пишущих. Лица «русской ориентации» напрочь изгнали буквы «і», «ї», «€», заменив их, соответственно, буквами «и», «Ӷ», «е». Конечно, нелепым анахронизмом выглядит здесь «Ӷ», которую в лемковском диалекте следует читать как «і»: «спѣвати», «на землѣ» [c'p'івati], [zéml'i]. Неоправданным является и исключение букв «€» и «ї», поскольку слов с со-

просы, которые поставил перед ним сам язык. Он советовался и с Дмитрием Вислоцким (В. Гунянкой); мне показывал письма, в которых Д. Вислоцкий высказывал по лемковскому диалекту своё мнение. К сожалению, сути его взглядов на проблему языка я не запомнил, да, видимо, и не уловил: молод был ещё, желторотый гимназист. Зато отчетливо помню и сейчас вижу почерк В. Гунянки – крупный, размашистый. И ещё помню, как М. Трохановский, читая какое-то моё сочинение, пришёл в восторг, нет, не от содержания, а от того, что я написал «был» вместо «быв». Он побежал с «сочинением» в другую комнату, где находилась его жена, тоже учительница, и воскликнул: «Смотри, он написал "был"!» Видимо, эти два суффикса («л» и «в») долго терзали его. В устной речи они оба присущи 3 лицу ед. ч. глаголов прошедшего времени в мужском роде: «він быв» и «він был»; «він читав» и «він читал». Суффикс «в» в устной речи более распространен. А как быть в письменной речи? Иногда у одного и того же поэта встречаем и «в», и «л»:

И наш старый нянько, што ходив свѣтами,
Николи не плакал дробными слезами.

Н.Д. Жилич «Образ Тилича».

Проблему представляют дублетные языковые формы, при этом их выбор зависит от ориентации писателя на родственные лемковскому диалекту языки, в первую очередь – на русский или украинский. Так, в диалекте союз «потим» в письменной речи передается словами «потом» или «потім» в зависимости от языковой, а зачастую политической ориентации писателя. На лексическом уровне подобных примеров много: диалектное устное «він» – письменное «он» («він»); диалектное устное «де» – письменное «где»; диалектное устное «ци» – письменное «чи»; диалектное устное «гадати», «гварити» – письменное «говорити»; диалектное

устное «памят» – письменное «память»; диалектное устное «єден» – письменное «один»; диалектное устное «хоц» – письменное «хоч»; диалектное устное «гірше» – письменное «горьше»; диалектное устное «вшитки» – письменное «всі» («всъ») и т.п.

Есть путаница и на морфологическом уровне. Прежде всего, это характерно для родительных и винительных падежей мн. ч. существительных мужского рода: диалектное устное «хлопів» – письменное «хлопов»; диалектное устное «хлопців» – письменное «хлопцев»; диалектное устное «дідив» – письменное «дідов» («дѣдив»); диалектное устное «сынів» – письменное «сынов», «синів». Так какое же окончание обоснованно здесь: «ив», «ов» или «ів»? Попутно замечу, что в устной форме диалекта в названных падежах звуки [ʌ], [з], [л], [н], [с], [т] перед окончанием «ів» не смягчаются [d'ідів]; в орфографии допустимо, по-видимому, написание «дідив», если опираться на фонетический принцип, что, однако, неверно морфологически.

Грамматические дублеты в устной форме диалекта весьма распространены: «співати» – «співац»; «мене» – «мя»; «тебе» – «тя»; «тобі» – «ти»; «їй» – «ї»; «буду робити» – «буду робиц». В шуточной песне находим такие пары дублетов:

Не буду я капустичку їла,
Бо бы мене голова боліла;
Але буду палюночку пити,
Не буде мя голова боліти.

Нет единого правила для написания в лемковском диалекте элементов (морфем) вспомогательного глагола «быть» в 1 и 2 лицах ед. и мн. ч. при образовании прошедшего времени, а также условного наклонения:

«Я'm тя видів» = «Я єм тя видів» = «Я тебя видел»;
«Ты's мя видів» = «Ты єс мя видів».

ответствующими йотированными звуками в диалекте – масса. Да и буква «і» далеко не лишняя – и как союз, и как фонема, вызывающая смягчение предыдущего согласного, например: *сідити* [с'їдити], а не «сидити».

Сторонники «украинской ориентации» тоже не остались в долгу – они не признают буквы «ы» в лемковской орфографии. А эта буква ой как нужна. Тем более что для лемковского диалекта характерна «твёрдость», в нем больше твердых звуков, чем в украинском и русском языках. Поэтому букву «ы» надо бы писать и в тех случаях, где в русском языке это недопустимо, например, после букв «ч», «к», «ш»: *«качки»*, *«мыши»*, *«чыстый»*.

Три фонемы (или, если угодно, три варианта фонемы [i]) присущи диалекту; их орфографические знаки – переднеязычное «і», среднеязычное «и» и заднеязычное «ы». Они должны быть отражены в письменной речи. Сравним хотя бы три слова, содержащие близкие по звучанию элементы («більй», «били», «были»), и попытаемся мысленно избавиться от букв «і» и «ы», что получится?

Есть ещё одна проблема, связанная с двумя фонемами – взрывного [r] и фрикативного [h]. В литературном украинском языке взрывного [r] нет, но в западно-украинском он был, и была буква для его передачи на письме. В печатном варианте она имела форму «г».

В лемковском диалекте преобладает фрикативное «г» [h], однако встречается и взрывное «г» [r]; как правило, в заимствованных словах, чаще всего из польского или немецкого языков: «газда» [гáзда] – хозяин; «гамба» [гáмба] (из польского «gęba») – рот; «гміна» [гм'іна] (из немецкого «Gemeinde») – сельская управа. Встречаются и незаимствованные слова с взрывным «г»: «грулі» [грул'i] – картофель; «грибы» [грíбы]. Слов со взрывным «г», видимо, не так уж и

много, поэтому правильным надо бы считать исключение соответствующей буквы «г» из алфавита для лемковского диалекта.

В школах на Лемковине и в Западной Украине эта буква употреблялась вплоть до 1939 г. Исключением были учебники лемковского языка для I–III классов, созданные Мефодием Трохановским, который отказался от её употребления. Лемковские поэты, писатели, публицисты, в том числе и эмигранты, тоже не употребляли этой буквы.

Мне трудно дать ответ, на каких принципах должно основываться лемковское правописание. Видимо, здесь нужно учитывать совокупность орфографических принципов. Но ясно одно – в диалектической письменной речи ведущим должен быть фонетический принцип, даже в ущерб морфологии и этимологии.

Общественно-политическая жизнь лемков

Лемки – народ консервативный. На протяжении веков он терпеливо переносил невзгоды австро-венгерского ига, а после крушения империи Габсбургов – гнёт польской буржуазии. Восстаний лемки не поднимали, бунтарей среди них не было. Возможно, некоторые из лемков участвовали в антифеодальном движении опришков под руководством народного мстителя Довбуша (Добоша) – об этом говорят песни, к примеру: «Гей, братя опрішки, налійте горілки, до ватри докиньте ще дров!..» Но это были, видимо, единичные случаи, массового опришковского движения на Лемковине не было. Восстаний и бунтов не было, но протест был постоянным. Протест населения против социального и национального порабощения. Он присутствует в народных песнях, стихах народных поэтов, он звучал в выступлениях ораторов на торжествах, посвящённых памяти жертв Тар-

лергофа, наконец, на торжественном мероприятии, посвящённом 100-летию со дня смерти А.С. Пушкина, состоявшемся в 1937 г. в Кринице.

Да, лемки восстаний не поднимали, но они сохранили великую идею воссоединения с Россией и этой идеи остались верны до конца. Удивительно, как эта идея могла выстоять на протяжении шести веков, в условиях жесточайшего национального гнёта и экспансии украинского национализма! Она же, эта идея, вдохновила и подняла лемковскую молодежь на вооруженную борьбу в партизанских отрядах против немецко-фашистских захватчиков во Вторую мировую войну.

Сейчас трудно сказать, докатились ли до Лемковского края отзвуки революционных событий в России начала XX в. Скорее всего – нет. Забитому нуждой малограмотному селянину было не до политики, да и власти зорко следили за тем, чтобы «революционная крамола» не проникала в народ. А среди немногочисленной лемковской интеллигенции жива была в то время идея панславизма.

Тем не менее и в то время появлялись среди крестьян люди, которые настойчиво пытались найти выход из кабалы, довлеющей над деревней. Они искали. Искали справедливость, искали правду, искали «пророка», который указал бы путь к правде. О некоторых из них поведал лемковский поэт и публицист Любомир Камянский (Нестор Жилич). Вот вкратце его рассказ.

1913 год. Лето, день Петра и Павла. У крестьянина Николая Громояки в Кринице собирались лемки-патриоты: Аполинарий Нестерак и два его брата, Михал Сенько из с. Тылич, Евстахий Милянич из Щавника, Ярослав Качмарчик, Хиляк, Григорий Пыж из Криницы. Собрались, потому что люди рассказывают о каком-то мудром человеке,

появившемся в Татрах, который может подсказать, как жить крестьянину. Решили направить к нему ходоков. На поиски отправились Н. Громосяк и Е. Милянич. Встретились ли они с В.И. Лениным – неизвестно. Но зато повидали многое, побеседовали с горцами, а главное, встретили человека, который дал им несколько экземпляров газеты «Правда». Эту-то газету ходоки принесли в лемковские сёла, где лемки впервые познакомились с ленинским словом.

Об этих событиях рассказали автору статьи дочь Е. Милянича и Г. Пыж¹.

Развязанная империалистическими державами Первая мировая война разбудила национальное самосознание на Лемковине. Симпатии лемков оказались на стороне России, хотя каких-либо реальных действий против австро-венгерского режима и не было. Да и не могло быть в условиях войны. Но и за эти симпатии к русским братьям, за стихи, патриотические песни пришлось лемкам расплачиваться.

Правительство Речи Посполитой во внешней политике уже в первые годы своего существования взяло курс на борьбу с советской республикой; во внутренней политике – на подавление национального самосознания непольского населения. Ставилась задача полной ассимиляции белорусов, украинцев, русинов. Началось наступление на родной язык национальных меньшинств. Планомерно сокращалось количество школ, где преподавался этот язык. Ко второй половине 1930-х гг. XX столетия в городах не оказалось ни одной общеобразовательной школы, где бы обучали украинскому или русинскому языку; детям украинцев или русинов, проживающих в городе, запрещалось учиться в сельских школах, где все еще обучали родному языку. Я это знаю по собственному опыту. Сам я проживал в селе Кри-

¹ Камянский Л. Пошуки Пророка // Ленінський прapor. 1970. № 128.

ница, мои сводные сёстры – на курорте Криница, т.е. в трёх километрах от сельской школы, в которой учился я. Сёстрам запретили ходить в сельскую школу, они вынуждены были посещать польскую.

Запрещались в городах вывески, реклама на национальном языке, даже если для большинства населения этот язык был родным. В конце 1930-х гг. я работал в крестьянском кооперативе «Прогресс». Вывеска была на двух языках – польском и русском. Городские власти заставили меня заменить эту двуязычную вывеску на одноязычную – польскую.

Положение усугублялось ещё и тем, что получить образование, даже среднее, ребёнку из украинской или русинской семьи было намного труднее, чем польскому ребёнку. А крестьянину – практически невозможно.

Шовинистическая политика полонизации вызывала резкий протест и сопротивление населения. Особенно в областях Западной Украины. Это сопротивление жестоко подавлялось во время проведения так называемой «пацификации». Карательные и кровавые рейды польских жандармов по сёлам Украины особенно участились после убийства украинским террористом Мельником (сподвижником Степана Бандery) польского министра внутренних дел Перацкого.

Лемковину эти кровавые события обошли стороной. Здесь общественная жизнь приняла народно-просветительский характер. Сосредоточена она была в читальнях. При них создавались библиотечки, организовывались хоровые, музыкальные, драматические кружки. Львишую долю просветительской работы брала на себя местная интеллигенция – учителя, семьи священников. Эти самоотверженные люди помогали молодёжи организовать кружки самодеятельности, ставить спектакли, проводить концерты. Со многими трудностями встречались активисты-

просветители при создании читален. Главная из них – отсутствие помещений, где можно было бы собираться молодёжи. Если для проведения репетиций церковные приходы или школы обычно предоставляли комнаты, то для постановки спектаклей требовались специально оборудованные помещения. Назревала необходимость строить дома-читальни. В крупных сёлах их строили всем селом. Кто помогал лесом и другим стройматериалом, кто – трудом. Разумеется, безвозмездно. Малые сёла, такие, например, как Ястрабик, позволить себе такую роскошь, как читальня, не могли.

В моём родном селе Кринице, которое считалось по сравнению с близлежащими сёлами самым богатым, была своя читальня – маленький домик о двух комнатушках. В нём когда-то жили монашки. После их изгнания из-за того, что некоторые из них забеременели, одну комнату передали пожилой семье, а другую выделили под читальню. В ней находилась библиотека и проводились репетиции духового оркестра и драмкружка. Хор – около 60 человек – репетировал в одной из комнат приходского дома. Под спектакли читальня арендовала большое помещение в недостроенной вилле. Назревала крайняя необходимость в постройке хорошего дома-читальни. Нужны были деньги. Почти пятнадцать лет сельские активисты буквально по грошам собирали взносы на строительство. Большая часть денег поступала от спектаклей и концертов. Лишь к концу 1938 г. удалось набрать необходимую сумму. Но возникла новая трудность – где строить? Кто «пожертвует» участок под постройку? Земля в частной собственности; ни один землевладелец не поступится ни одним квадратным метром. Были государственные земельные угодья, но польское буржуазное государство не было заинтересованным в открытии читален, тем более для каких-то русинов. Были церковные

земли. Как раз подходящий участок находился в центре села. Местные церковные власти не возражали против его передачи обществу под дом-читальню. Оказалось, однако, что церковь не вправе распоряжаться принадлежащими ей земельными угодьями. Эти угодья – собственность Ватикана, поскольку церковь униатская, т.е. греко-католическая. Необходимо было заполучить разрешение римского папы. Помог случай. В 1938 г. Криницу посетил представитель Ватикана – нунций. К нему-то и отправилась делегация крестьян с петицией о передаче обществу участка земли. Среди делегатов был и мой дядя, Михал Шевчик. Его взяли в качестве переводчика: во времена войны он, солдат австрийской армии, попал в плен к итальянцам и там выучил итальянский язык. Переводить ему не пришлось. Делегатам разрешили подойти к резиденции нунция, предложили встать на колени; нунций вышел на балкон и благословил мужиков. На этом аудиенция закончилась. Но прошение всё же приняли, и вскоре пришло разрешение на безвозмездную передачу обществу земельного участка. Правление читальни сразу же заказало чертежи строения, молодежь приступила к заготовке стройматериалов. Строительству помешала война 1939 г. Успели лишь заготовить известь да какое-то количество кирпича.

На Лемковской Руси читальни носили имя М. Качковского – видного народного просветителя XIX в. На вывесках так и было написано – «Читальня им. М. Качковского», в отличие от украинских читален, где была надпись «Просвіта». Последние были распространены в сёлах и mestechках Западной Украины и находились под влиянием униатской церкви и украинской националистической интеллигенции.

В читальню в основном приходила молодежь. Приходили члены драмкружка на репетиции, любители шахмат,

да и просто так пообщаться, потанцевать... По воскресеньям заходили пожилые потолковать о новостях, о своей безрадостной жизни. Имелись при читальнях библиотечки, небольшие, скучные. Да и читателей было мало: не тянулась лемковская молодежь к книге, да и времени на чтение книг у неё не хватало.

В читальне нашего села стояло всего четыре шкафа с книгами. В основном литература, изданная обществом им. М. Качковского. И сейчас перед глазами эти недорогие книжечки с надписью на обложке «Съ нами Богъ».

Была в библиотеке украинская классика – Т. Шевченко, Марко Вовчок, Ив. Франко, М. Коцюбинский, Котляревский, Леся Українка; на русском языке некоторые произведения Л. Толстого, Н. Гоголя, Тургенева, А. Пушкина («Медный всадник», «Полтава», «Евгений Онегин»), ряд стихов М. Лермонтова, рассказы А. Чехова. Произведений М. Горького, а также других советских писателей не было. В. Маяковский был представлен лишь одной статьёй о С. Есенине. Я тогда понятия не имел, кто такие Маяковский и Есенин, но статью прочитал с интересом. Помню, что Маяковский весьма нелестно отзывался о Есенине.

Библиотека не пополнялась: не было денег на приобретение книг, не нашлось и мецената, готового помочь читальне. Хотя, помнится, такая попытка была. Однажды воскресным днём я занимался разборкой книг, и тут входит какой-то интеллигентного вида человек и просит разрешения посмотреть библиотечку. Возмущается её бедностью, обещает прислать посылку с хорошими произведениями. Кто это был, осталось тайной. Говорил по-русски. Я полагал, что это, возможно, сотрудник советского посольства. Но книги не поступили.

Где-то с 14 лет мне доверили заведовать этой «библиотекой». Ключи от шкафов, впрочем, как и от читальни, находились у нас дома, так как мы жили всего в двух шагах от неё. Читать я любил и перечитал всё, что было в шкафах, от корки до корки: стихи заучивал наизусть, благо запоминалось легко. С этой библиотечки начался мой курс русского языка.

Библиотека выписывала всего две газеты – «Земля и воля», орган РСО (Руської селянської організації), и «Лемко». Последняя издавалась здесь же, в Кринице.

В 1938 г. молодые активисты читальни начали выпускать стенную газету «Солнышко». Она вывешивалась снаружи, на стене читальни, каждое воскресение рано утром с тем, чтобы люди, идущие в церковь к богослужению, смогли с ней познакомиться (читальня находилась напротив церкви). Статьи газеты были посвящены тяжелым будням карпаторусского крестьянства, его духовному, социальному и национальному порабощению со стороны властей буржуазной Польши.

Для того чтобы заинтересовать читающего, статьи строились по определённой схеме. Обычно каждая начиналась с описания какого-нибудь курьёзного происшествия, с анекдота, весёлой бытовой сцены. Может быть, это покажется наивным, но мы считали, что, прочтя этот первый абзац, читающий незаметно для себя перейдет к основному содержанию. Так это было или нет – трудно сказать, но крестьяне «Солнышко» читали. Этот приём построения статей, как однажды оказалось, вводил в заблуждение и политическую полицию. Расскажу об одном таком случае. Однажды провели мы в читальне почти всю ночь, готовили очередной номер «Солнышка». А утром к нам нагрянула тайная полиция: кто-то сообщил ей, что ночью в читальне собирались коммунисты. Полицейские, естественно, никаких сле-

дов коммунистов не обнаружили, но забрали с собой черновики статей в «Солнышко»; уставшие, ночью мы не успели их убрать. С меня же требовали назвать человека, которому я давал ключ от читальни. Я, естественно, сказал, что ночью в читальне были мы. Тогда полицейский достал из папки один из черновиков и спросил, кто писал. Когда я сказал, что статья моя, приказал читать. Статья называлась «Ножницы», и в первом её абзаце описывалась семейная скора из-за потерянных мужем ножниц. Полицейский прослушал этот абзац и сказал: «Чепуха, забирай своё творение!» Я облегчённо вздохнул. Ведь во втором абзаце говорилось о других ножницах – экономических. Он так и начинался: «Однако бывают ножницы другого рода...»

Не знаю, приносила ли эта наивная по своей сути работа какую-либо общественную пользу. Может быть, она оставила какой-то след в душах младшего поколения, следующего за ними. Мне лишь хотелось назвать имена тех, кто мечтал и верил в то, что может хотя бы немного помочь своему народу. Имена тех незадачливых редакторов «Солнышка» – Миша Гурей, Алёша Громосяк, Славко Громосяк.

Во второй половине 1930-х гг. XX в. общественно-политическая активность лемков заметно возрастает. Всё больший интерес к лемкам проявляют, с одной стороны, польские власти, стремящиеся к полонизации населения, с другой – украинские националистические организации, все чаще засылающие в лемковские сёла своих эмиссаров-агитаторов. Не оставалась в стороне и униатская церковь, в которой всё большую роль играли «молодые священники», «птенцы» митрополита Шептицкого. Униатская церковь почувствовала, что лемковская молодёжь «полевела», смотрит в сторону Советского Союза, и молодым священникам предписывалось входить в её среду и оказывать на неё

влияние, не только духовное, но и политическое. В годы гитлеровской оккупации эти священники были первой опорой фашистов и проводниками их идеологии.

Польские власти по отношению к лемкам стали проводить политику «кнута и пряника». С одной стороны – постепенное вытеснение родного языка из школ, запрет на постановку спектаклей по пьесам, не переведённым на польский язык (каждую пьесу на украинском или лемковском языке нам, членам кружка, приходилось переводить на польский язык, перевод отсыпал в уезд, и лишь после этого выдавалось разрешение на спектакль), ограничения при приеме на государственную службу, препятствия при получении среднего и высшего образования. С другой стороны – заигрывание с населением. То раздача медалей богатым и влиятельным в селе крестьянам за «образцовое ведение хозяйства», то приглашение лемковского хора (под управлением композитора Ропицкого) на Праздник гор, то приглашение этого же хора в Варшаву, чтобы спеть в каком-то костёле в присутствии президента Польши «Отче наш» и «Херувимскую», то приглашение лемковской делегации и хора в Краков для встречи румынского короля Михая (в то время ещё несовершеннолетнего).

Интерес к лемкам проявили и русские студенты, обучающиеся во Львовском университете. В 1936 г. делегация лемков из Криницы и лемковский хор посетили по приглашению студенчества этот университет, где встретили самый радушный приём. После концерта состоялся банкет в честь делегации; его украшением были выступления художественных студенческих коллективов. Много говорилось на этом вечере о необходимости объединения русинов в борьбе против польского шовинизма и украинского национализма.

Несмотря на исключительно тёплый прием, у меня, да и многих моих друзей, осталось чувство какой-то неудовлетворённости. Мы приехали во Львовский университет за советом – куда нам, карпатороссам, идти, к какому берегу приставать? Ведь Львов был в то время крупнейшим культурным, научным и политическим центром Западной Украины. Да, собственно, таким он был всегда, этот древний город. Но в описываемое мною время здесь бушевали политические страсти, борьба партий и течений самой разнобаенной окраски: польских последователей покойного Пилсудского; польских эндэков (национал-демократов, чистейшей пробы фашистов); польских ППСовцев – социалистов по форме, а по сути оппортунистов; украинских ОУНовцев (Организация украинских националистов) – трубадуров фашистской идеологии и террористов; украинских УНДОвцев (Украинская национал-демократическая организация) – детища униатской церкви; организации русинов РСО (Русская крестьянская организация), стремящаяся отградить русинов от влияния украинских деятелей. Следует упомянуть ещё и роль белоэмигрантов из России, особенно в культурной жизни города. Не было во Львове только одного – влияния коммунистов: Коммунистическая партия Западной Украины, равно как и Коммунистическая партия Польши, были запрещены и загнаны в глубокое подполье.

Львовский университет того времени отражал весь спектр общественно-политической жизни города. Тот же накал страстей, та же борьба мнений, только помноженная на студенческий максимализм. Периодически в университете возникали драки. Самые настоящие, с применением дубинок. Били друг друга; украинец – «москаль», и наоборот; били профессоров. Ежегодно университет закрывался на месяц-другой учебного года.

Драки между студентами происходили и в других университетах Польши, например в Краковском. Здесь польские шовинисты избивали студентов-евреев, требуя изгнания последних из университета, в первую очередь – с медицинского факультета. Повод был самый неожиданный: мол, студенты-евреи практикуются в анатомическом театре на трупах христиан, поскольку Талмуд запрещает анатомировать трупы евреев.

Итак, на свои вопросы наша делегация во Львовском университете ответов не получила. В выступлениях на банкете звучали всё те же обвинения в адрес украинских националистов, призывы защищать «Святую Русь». Не было ничего сказано, как нам, лемкам, вести себя, как защищать Русь, как бороться с нищетой и отсталостью. Не было дано ответа на вопрос, как вести себя по отношению к польскому трудовому народу. Да и вообще тема классового противостояния не затрагивалась. Нам, тогда гимназистам старшего класса, очень хотелось выступить и поговорить на эту тему, но руководители нашей делегации (один – редактор, другой – адвокат) заранее запретили нам выступать. Нас в то время уже считали коммунистами, хотя о коммунизме мы имели весьма призрачное представление. К тому времени, да и вообще вплоть до нашего приезда в СССР в конце февраля 1940 г., я не прочитал ни одной строчки марксистской литературы, за исключением работы Радека, переведённой на польский язык («Портреты и памфлеты»), и одной единственной советской газеты. Это были «Известия»; газету подобрала моя тётя где-то в отеле, куда поставляла молоко. «Большевистской заразы» польские власти, польская буржуазия, а также католическая церковь панически боялись и старательно оберегали общество от влияния революционных идей.

Зато фашистской литературой и антисоветчиной книжный рынок был наводнён с избытком. Ещё гимназистом прочитал я «Mein Kampf» Гитлера, практически регулярно читал нацистский официоз «Völkischer Beobachter», который продавался во всех газетных киосках курорта Криницы.

Тем не менее коммунистическая идея развивалась и крепла в наших сердцах. Не пропаганда, а сама жизнь привела нас к коммунизму. Мы знали одно: есть страна, где народ взял власть в свои руки и освободился от гнёта капитала. Это мы знали и крестились:

Во имя отца – Ленина,
И сына – Сталина,
И духа святого – Троцкого.

Такие мы были «коммунисты». Желторотые.

1930-е гг. XX в., особенно вторая их половина, характеризуются заметным ростом национального самосознания лемков. В 1937 г. группа учеников частной гимназии Романа Моленды в г. Кринице требует ввести факультативный курс русского языка¹. Директор сначала не соглашался, но когда гимназисты пригрозили, что уйдут из гимназии, включил в расписание и русский язык (2 часа в неделю). При этом поставил условие – самим найти преподавателя и оплачивать его дополнительно. Преподавателя нашли. В доме моей тёти Петрик Марии проживала семья белоэмигрантов из России, некие Яновицкие. Он – бывший офицер, работал в данное время бухгалтером в Сбербанке, она – учительница, безработная. Об условиях и оплате договорились быстро, но когда мы попросили обучать нас русскому языку с учётом орографических правил, принятых в СССР, бывший капитан, присутствующий при разговоре, вознегодовал:

¹ В этой гимназии преподавались такие иностранные языки: латинский, немецкий, французский, английский. Два последних факультативно.

«Что? По-большевистски? Нет, не разрешаю!» Пришлось идти на компромисс и изучать дореволюционную орографию. Впоследствии я был благодарен этому штабскапитану: «дореволюционная» орфография помогла мне глубже осознать многие закономерности лингвистики, особенно те, которые проявляются в группе славянских языков. Итак, мы обучались в польской гимназии русскому языку. Случай беспрецедентный, наверное, единственный на всю Польшу, страну, где русский считался врагом номер один. Два часа в неделю, весь учебный год! Он много нам дал, этот год; мы овладели языком, пусть не в совершенстве, пусть до сих пор ударения «невпопад», но он стал нам родным. Спасибо тебе, славная учительница!

В июле 1937 г. произошло одно событие (для нас оно памятное), о котором следует рассказать. 1937 г. – 100-летие со дня смерти А.С. Пушкина. Признаюсь, что – к моему большому стыду – об этой дате я узнал из польских газет, вышедших 10 февраля 1937 г. Все они поместили материалы, посвященные этому величайшему поэту. Все, даже те, которые обычно не прочно были показать «москалей» извечными врагами поляков. Само собой разумеется, этой дате были посвящены специальные номера редакций других газет, выходящих на русском или украинском языках: белоэмигрантских «Русское слово» и «Русский голос», русинской «Земля и Воля».

Советскому человеку – а тем более русскому – покажется невероятным, если скажу, что большинству простого народа Лемковины имя А.С. Пушкина было незнакомо даже в конце 1930-х гг. XX в. Это трудно себе представить: народ, считавший себя потомками древних русичей и на протяжении столетий мечтавший о воссоединении с Россией, не знал имени этого поэта. Вот уж поработали австрийские,

венгерские и польские шовинисты да их приспешники – украинские националисты!

Лемковская молодёжь Криницы, Солотвин, Лабовой, Можначки, Высовой и других сёл решила более широко отметить 100-летие со дня смерти А.С. Пушкина. Ставилась цель – рассказать народу об этом поэте. Была создана инициативная группа. В неё вошли Кусик Семён, братья Громосяки – Юлиян и Мирослав из Криницы, Пелячик Владимир и Петро Массыра из Лабовой, Петро Станко, гимназисты «крамольной» гимназии Романа Моленды – Гурей Миха, Громосяк Алёша, Громосяк Коля, коммунист-подпольщик слесарь из Криницы Стрепко Фёдор, наборщик типографии Павел Тарас и его брат коммунист-подпольщик Галькович.

Мероприятие решено было провести летом, в каникулы, в один из воскресных дней. Готовились к нему тщательно. Декламаторы разучивали стихи поэта, два хоровых коллектива – один из Лабовой под управлением П. Массыры, другой – лемковский хор из Криницы под управлением двух дирижёров – Алёши Громосяка и Петра Станко, окончивших недавно краткосрочные курсы аранжировки и дирижёрства, – разучивали песни; духовой оркестр при читальне в Кринице готовил свою программу; ораторы готовили свои выступления. Население сёл было заранее оповещено о готовящемся дне памяти. Трудность возникла с получением от польских властей разрешения на его проведение. Власти потребовали гаранта – человека достаточно авторитетного, который бы взял на себя всю ответственность в случае возникновения возможных беспорядков. Найти такого человека оказалось не так легко. Мы обращались к нашей лемковской интеллигенции – к адвокатам, редактору газеты «Лемко» Мефодию Трохановскому, но везде

получали отказ; все боялись выступлений ораторов (и как оказалось впоследствии – не напрасно). Отчаявшись, мы обратились к настоятелю униатской церкви в Кринице о. Хиляку. Этот смелый человек неожиданно согласился. Поставил лишь одно условие – познакомить его с тезисами выступлений. Этот пожилой священник нашел время для встречи с гимназистами (а ведь это и были главные «ораторы»), обсудил тезисы их выступлений, дал дельные указания. Мне трудно сейчас вспомнить число, когда состоялось это памятное торжество. Помню, что собралась масса народа. Был погожий воскресный день. Начался он с шествия под музыку духового оркестра по улице села к площади, примыкающей к пляжу. Здесь была сооружена просторная сцена, украшенная цветами и дубовыми ветвями и флагами. В центре – портрет А.С. Пушкина. Флаги трёхцветные – бело-сине-красные. Нам хотелось украсить сцену красными, но красный цвет был под запретом, так что пришлось остановиться на цветах флага царской России. Этот флаг для польских властей опасности не представлял, другое дело – красный флаг, его боялись.

Программа началась со «Слова о Пушкине», в котором докладчик рассказал о значении и роли поэта не только для России и русского народа, но и для всего человечества. Далее последовали выступления хоровых коллективов, чтецов-декламаторов, оркестра, и завершали программу выступления ораторов. И тут началось непредвиденное. Подготовленные и проверенные о. Хиляком выступления превратились вдруг в импровизацию, в протест против национального произвола властей. Этот протест был подхвачен представителями из других сёл и городов Прикарпатья, Холмщины, Санокского уезда. Незадолго до этого на Холмщине и Тернопольщине прокатилась волна репрессий со стороны

польских властей, что и нашло отражение в выступлениях. Атмосфера накалялась. Нескольких ораторов тут же арестовали. Так, мятеожный поэт, который в его «жестокий век восславил свободу», в столетие своей кончины продолжал вдохновлять на борьбу за свободу карпаторосов далекой и неизвестной ему Лемковины.

Последствия этого дня были не очень трагичны. Арестованных после допросов отпустили. Гимназистов из гимназии не исключили: директор, по убеждению социалист, замял дело; о. Хиляк держал себя достойно; на упрёк властей он ответил: «Я все выступления заранее прочитал, ничего крамольного в них не обнаружил; а если во время выступлений иной оратор что-то добавил – значит, наболело».

Трусливое поведение наших лемковских интеллигентов, которые не только не взяли на себя ответственности за проведение мероприятия, но даже не нашли нужным выступить и рассказать народу об А.С. Пушкине, возмутило нас. Решено было дать соответствующую публичную оценку такой унизительной по отношению к властям позиции. Мне было поручено написать статью. Такая статья появилась под псевдонимом Шапе в одном из июльских номеров за 1937 г. львовской газеты «Земля и Воля». Называлась она «Чім не є Криниця» («Чем не является Криница»). Она вызвала негодование интеллигентов, хотя я не назвал ни одного имени. У меня до сих пор живо чувство вины перед этими людьми. Особенно перед семьёй Трохановских, моими учителями в начальной школе, с сыном которых я учился, библиотекой которых пользовался и которые иногда подкармливали меня. В молодости мы были максималистами. Шли напролом с одним лозунгом: «Друг мне Платон, но истина дороже».

Во второй половине 1930-х гг. маятник общественно-политического самосознания лемков заметно качнулся влево. Причин этому было несколько. Прежде всего – это успехи в строительстве социализма в СССР. Как ни пытались власти буржуазной Польши, газеты, радио замалчивать эти достижения, народ все-таки узнавал о них и утверждался в сознании того, что советская власть – это власть трудового народа и перемены, происходящие в СССР, осуществляются ему во благо. Интерес к СССР возрастал как у польских трудающихся, так и у трудающихся других национальностей. Лемки, особенно молодежь, жадно ловили каждую весточку из СССР. По вечерам собирались крестьяне у радиоприёмников, обычно приобретаемых вскладчину, слушали концерты из Москвы, разучивали советские песни, пели Интернационал. Знающие русский язык слушали последние известия и передавали их содержание односельчанам. На формирование общественного самосознания лемков заметное влияние оказывала борьба польского рабочего класса за свои социальные права. 1930-е гг. в Польше были годами забастовок, вызванных тяжелым экономическим положением рабочих, хронической безработицей. Национальные противоречия в данных условиях стирались, крепла интернациональная классовая солидарность. Лемки, проживающие в пригородных сёлах, имели возможность читать рабочую социалистическую прессу «Рабочий» («Robotnik») и «Рабочая неделя» («Tydzień Robotnika»); молодёжь зачастую ходила на собрания польских рабочих. Хотя на этих собраниях обсуждались, как правило, экономические проблемы рабочих, а политические оставались в тени или высказывались явно оппортунистические взгляды иными докладчиками от ЦК ППС (Польской социалистической партии), слушатели не оставались инертными, безучастными. После собраний продол-

жались дискуссии в более узком кругу, иногда с участием коммуниста-подпольщика.

Важным фактором, объективно стимулирующим политическую активность лемков, были общественно-политические события, сотрясающие Среднюю и Западную Европу 1930-х гг. Это, прежде всего, нарастание фашистской агрессии и попытка западных держав направить силу против Советского Союза. А события эти развивались стремительно.

1933 г. – возникновение фашистской диктатуры в Германии, и установление курса фашистского империализма на развязывание войны.

1936 г. – фашистский путч генерала Франко в Испании. Начало Гражданской войны. Военный союз Берлин – Рим (ось Берлин – Рим). Антикоминтерновский пакт Германия – Япония, позже – Италия. Ввод гитлеровских войск в демилитаризованную Рейнскую область.

1938 г. – укрепление позиций немецких фашистов в приграничных областях Чехословакии; Мюнхенское соглашение между фашистской Германией, Францией и Англией о передаче Германии «навечно» приграничных областей Чехословакии. Захват Польшей кусочка чехословацкой территории (Заользя). В Польше по этому поводу торжества. Страна ликует!

Март 1939 г. – полная оккупация Германией Чехословакии, раздел страны – передача фашистской Венгрии Закарпатья (Карпатской Руси), входящего после 1918 г. в состав Чехословакии. Создание «автономного» государства Словакии во главе с фашистской Партией им. Глинки и развязанный ею террор.

Сентябрь 1939 г. – нападение фашистской Германии на Польшу.

Эхо этих событий, сопровождающихся отчаянной борьбой народа Чехословакии, восстаниями и забастовками рабочих, докатывалось до Лемковины. Тем более что у многих лемков в Польше имелись родственники, проживающие в Словакии и Чехии. До нас доходили и сведения о предложении правительства СССР направить свои войска для оказания помощи Чехословакии, об отказе буржуазного правительства Чехословакии от этой помощи; о мучительных переговорах в 1939 г. между СССР, Францией и Англией, о попытках последних договориться с Германией о заключении договора, направленного против СССР. Всё это в большей или меньшей степени доходило до населения, обсуждалось на сходках, собраниях, да и просто в повседневных беседах.

В Польше конец 1930-х гг. характеризуется ростом шовинистических настроений. Активизируется деятельность эндеков (польских фашистов), власти заигрывают с Герmaniей, усиливаются гонения на коммунистов. В конце 1936 г. арестуют моего старшего друга, рабочего-слесаря, коммуниста Фёдора Ивановича Стрепко. Его обвиняют в вербовке добровольцев в интернациональную бригаду для борьбы с испанскими фашистами. Хотя вина доказана не была, его осудили на 3 года отбывания наказания в Картузской Березе – тюрьме для политзаключенных. После освобождения из тюрьмы этот честнейший человек нигде не мог найти работы (коммунист ведь!) и остался без средств существования. Спасибо, друзья помогли, уговорили правление кооператива «Прогресс» в Кринице принять его на работу в магазин. В начале Немецко-польской войны ему удалось бежать в СССР. Здесь он окончил техникум, работал после войны во Львове. Лемковину не забывал, публиковал статьи о лемках, настойчиво побуждал меня заняться лемковской

тематикой. А у меня руки не доходили, слишком много было неотложной работы. Виноват я перед тобой, дорогой и славный друже! Не дождался ты моих записей...

Я уже упоминал о том, какое огромное влияние на политическое и классовое самосознание лемков оказывала лемковская диаспора в США и Канаде через издаваемые «Лемко-Союзом» газеты «Лемко», «Карпатская Русь» и знаменитые «Календари». Одним из создателей «Лемко-Союза», его душой, был Дмитрий Вислоцкий. Об этом человеке (среди лемков это был человек-легенда) считаю своим долгом рассказать поподробнее. Использую материал, присланный мне моим земляком, проживающим ныне в г. Георгиевске Ставропольского края, – Пелячиком Нестором Якимовичем. Это статья Петра Когутова, напечатанная в журнале Союза писателей Украины «Октябрь» (ноябрь 1988 г.).

Вот перевод этой статьи в сокращении.

СЫН ВЕЧНОЗЕЛЁНЫХ БЕСКИДОВ

К 100-летию со дня рождения Дмитрия Вислоцкого

Дмитрий Федорович Вислоцкий – один из самых знаменных сыновей Лемковского края. Родился Д.Ф. Вислоцкий (литературный псевдоним Ваньо Гунянка) в селе Лабове на Лемковщине. Уже в раннем детстве проявились у него большие способности. На «отлично» окончил сельскую школу в Лабове, а затем гимназию в Бохне (нынешняя Польша). В то время эта территория входила в состав Австро-Венгрии. В 1910 г. успешно сдаёт вступительный экзамен на юридический факультет Львовского университета. В 1912 г. вместе со своим школьным товарищем, поэтом и художником Иваном Руссико издаёт иллюстрированную газету «Лемко» на лемковском диалекте. Прогрессивная газета быстро стала популярной не только среди лемков, но и всех жителей Галицкой Руси. Статьи, стихи, фельетоны и

юморески Ваня Гунянки полюбились читателям и принесли автору заслуженное признание.

В 1914 г., когда разразилась Первая мировая война, австро-венгерские власти бросают Дмитрия Вислоцкого в краковскую тюрьму, а в ноябре 1914 г. отправляют вместе с другими деятелями славянского движения в концлагерь Талергоф (недалеко от Вены). Военно-полевой суд Австрии приговаривает шестнадцать человек, в том числе и Дмитрия Вислоцкого, к смертной казни через повешение. Лишь смерть императора Франца-Иосифа (ноябрь 1916 г.) и последовавшая за ней амнистия 17 августа 1917 г. спасла осуждённых от виселицы.

После трехлетнего заключения в казематах и концлагере молодой студент возвращается на Лемковину. Начинается новый этап в жизни Д. Вислоцкого – этап политической борьбы за лучшую долю лемков.

Он – страстный поборник воссоединения лемков с братьями на Востоке и, когда это стало невозможным, отстаивает идею присоединения Лемковины к Чехословакии на правах автономии с тем, чтобы объединить все земли Карпатской Руси. Однако такое объединение не отвечает интересам властей, как Чехословакии, так и Польши.

Преследуемый и в Польше, и в Чехословакии, Д. Вислоцкий покидает родные Карпаты и эмигрирует в 1923 г. в Канаду, где в то время проживало много его земляков-лемков, кого нужда на родине заставила искать приют на чужбине.

В 1927 г. Д. Вислоцкий переезжает в США и создает двухнедельник – газету «Лемко», которая затем становится печатным органом культурно-просветительной организации «Лемко-Союза».

Программа «Лемко-Союза», опубликованная в газете «Лемко», была положительно встречена прогрессивными кругами лемковской эмиграции в Канаде и США. Отделения «Лемко-

Союза» создаются в Виннипеге, Гейзельтоне, Нью-Йорке, Акроне, Кливленде и в других местах. Самым крупным было Кливлендское отделение, поэтому Д. Вислоцкий переезжает туда и начинает издавать уже еженедельную газету «Лемко».

К 1930 г. газета завоёвывает большую популярность и способствует возникновению новых отделений «Лемко-Союза»; в конце года их насчитывалось девятнадцать. 22 февраля 1931 г. состоялся I съезд «Лемко-Союза» в Кливленде. На нём был принят устав, избрано правление; Д. Вислодский был утверждён секретарём «Лемко-Союза» и редактором печатного органа организации – газеты «Лемко».

В конце 1934 г. Д. Вислоцкий совершает поездку в СССР на празднование XVII годовщины Октября. Здесь встречается с видными представителями советской культурной общественности, выступает с лекциями.

В эмиграции Д. Вислоцкий прилагает много усилий для объединения лемков-эмигрантов из Польши с лемками-выходцами из Чехословакии. Последние издавали газету «Карпатская Русь». Такое объединение состоялось в 1939 г. Таким образом, в лемковской эмиграции в Америке появились две газеты, объединённые единой идеологической программой и отстаивающие интересы и цели лемковской общественности не только в Америке, но и на родине.

Кроме газет «Лемко» и «Карпатская Русь», Д. Вислоцкий издает ежегодный журнал «Календарь», брошюры, сборники лемковских песен, народные предания, рассказы из жизни лемков, литературные и драматические произведения все на лемковском диалекте. Это особо следует подчеркнуть, так как до Д. Вислоцкого на этом диалекте на родине лемков вообще не печаталась никакая литература. Д. Вислоцкий первым из литераторов создал правила орфографии для лемковского диалекта. И это произошло не на Лемковине, а в эмиграции – в Америке.

опера; она называлась «императорской». Эта опера гастролировала ежегодно на курорте Кринице. Помню, что ставились русские оперы – «Евгений Онегин», «Пиковая дама», «Князь Игорь». Видимо, ставились и другие произведения, но я запомнил только эти. По афишам запомнил, самих опер слушать тогда не пришлось: слишком дорогие были билеты. Не могу сказать, на каком языке пели артисты; афиши были на польском. Крестьянин, конечно, в оперу не ходил. Не знаю, слушал ли эти оперы кто-нибудь из лемковских интеллигентов, но сам факт постановки в польском театре произведений русской классики для нас, молодых лемков, был явлением отрадным.

Благодаря общению с лучшими представителями российской эмиграции, проживающими в лемковских сёлах и местечках, передовая молодёжь потянулась к русской книге.

Конечно, белоэмиграция – явление разношёрстное. Наряду с людьми интеллигентными и честными, в её среде были элементы деградировавшие, опустившиеся, иногда чурающиеся русского языка и пытающиеся разговаривать на ломаном польском языке даже в присутствии одних только русских (как, например, некий Носков, который выдавал себя за кузена Николая II). Встречал я и эмигрантов, которые в марте 1939 г. во время захвата гитлеровцами Чехословакии горланили «Heil Hitler!» В целом, белоэмиграция в культурно-просветительском отношении оказывала объективно положительное влияние на лемков. Что касается её отношения к Советскому Союзу, то тут у карпаторосов было своё мнение: СССР – страна, где власть отстаивает и защищает интересы трудового народа. Советская власть – народная власть.

1939 г. был тревожным годом. В Европе все явственнее ощущалось дыхание новой войны. В Польше после октября-

Позже, уже во второй половине 1930-х гг., на Лемковине, в селе Кринице, учитель Мефодий Трохановский написал и издал учебники лемковского языка для 1–3 классов. Он же начал издавать в Кринице газету «Лемко». Известно, что при разработке орографических правил он использовал опыт и советы Д. Вислоцкого.

В 1941 г. «Лемко-Союз» и газета «Карпатская Русь» начинают кампанию по сбору средств для Советского Союза. За короткий срок было собрано 200 тысяч долларов, не считая продовольствия и одежды.

На Лемковину Д. Вислоцкий возвратился в мае 1945 г. Здесь находит он немногих земляков, так как к тому времени большинство из лемков добровольно переселились в Советский Союз. Д. Вислоцкий переезжает в СССР в Ужгород. Начинает активную деятельность в Славянском комитете в Москве, с которым у него были тесные связи ещё во время американской эмиграции. Посещает места проживания переселенцев, пишет десятки корреспонденций для газеты «Карпатская Русь» и других прогрессивных изданий США и Канады. Участвует в научных конференциях и симпозиумах, проводимых Славянским комитетом в Москве, Ленинграде, Киеве и Ужгороде. Особого внимания заслуживает его брошюра «Что необходимо знать лемкам в Америке».

Состояние здоровья вынуждает его к уходу на пенсию. Он перебирается во Львов к землякам, избирается членом правления областного отделения Общества «Украина».

27 декабря 1968 г. земляки-лемки и представители общественности Львова проводили в последний путь Дмитрия Фёдоровича Вислоцкого – видного политического, общественно-культурного лемковского деятеля, журналиста, члена правления Львовского областного совета общества «Украина», писателя, широко известного под псевдонимом Ваньо Гунянка.

Несколько слов о влиянии на становление национального самосознания русинов со стороны иммигрантов из России, так называемых белоэмигрантов.

Карпатороссы относилось к этим людям благожелательно. Польские власти рассматривали белоэмигрантские крути как противоядие от коммунизма. И не без основания: большинство выходцев из России относились к «большевикам» с ненавистью. Следует, однако, признать, что их политическое влияние на местное русинское население было не значительным: как правило, белоэмигранты в Польше политической деятельностью не занимались. Было не до этого: выжить бы, найти работу да кусок хлеба. Объективно их влияние проявилось в другом – в просветительском и культурном плане. Белая эмиграция принесла в области Польши, населённые белорусами, украинцами, русинами, русскую песню, не только народную, но и политическую. В сёлах и местечках Лемковины запели не только «Коробушку», но и «Укажи мне такую обитель», «Смело, товарищи, в ногу...», «Смело, друзья, не теряйте бодрость в неравном бою».

Выходящие в Польше журналы и газеты эмигрантов, такие как «Русский голос» и «Русское слово», содержали не только выпады против СССР, мимо которых лемковский читатель проходил равнодушно, но и ценные сведения из области культуры, истории и литературы России.

Иногда выходцев из России приглашали для работы в читальнях им. М. Качковского. Так, в Кринице в 1930-е гг. некоторое время работал бывший царский офицер Сахаров (Захаров?). Он создал замечательный духовой оркестр, который в течение нескольких лет выступал с концертами в читальнях лемковских сёл.

В городе Вильно (Вильнюсе), который до Второй мировой войны принадлежал Польше, существовала русская

ской 1938 г. эйфории по поводу подарка от Гитлера – кусочка чехословацкой территории – наступает тревожное ожидание. Активизируют свою деятельность эндеки (польские фашисты); заметно усиливается рост шовинистических настроений; еврейское население встревожено; оптовая фирма по продаже кофе, расположенная в вольном городе Гданьске (Данциг), в котором наш кооператив делал заказы и с которым вёл переписку на польском языке, вдруг присыпает уведомление на немецком языке и просит впредь вести корреспонденцию с ней только на этом языке; всё труднее становится заполучить нужное количество хлебопродуктов, качество их плохое. Правительство Польши объявляет мобилизацию резервистов. Газеты полны сообщений о мучительных переговорах между СССР и франко-английским альянсом; карикатуристы изощряются в изображении поединков английского льва с сибирским медведем.

И вот сентябрь 1939 г. Вторая мировая война стала реальностью.

События развивались стремительно. Полной мобилизации военнообязанных польские власти провести не смогли. Из громкоговорителя, установленного на здании сельской управы (гмины), через каждые 20–30 минут передавалось странное сообщение: «Внимание, внимание! Подходит 36-ой, подходит 36-ой!» И через каких-то 20 минут – снова: «Внимание, внимание! Прошёл 36-ой, прошёл 36-ой!» И так – круглые сутки. Менялись только числа. Сначала было непонятно, что означают эти сообщения. Позже мы узнали, что числа – это зашифрованные населённые пункты, к которым подходила и которые занимала германская армия. Поражала стремительность: 20–30 минут на захват населённого пункта.

На территории Лемковины польские власти реагировали на поражение армии своеобразно. Они обвиняли в не-

удачах русинское население. Начались по сёлам и местечкам аресты лемковских активистов. Уже при подходе немцев польские жандармы производили аресты среди населения, арестованных сажали на мотоциклы и увозили куда-то. Меня взять не успели: знакомые польские товарищи предупредили меня, я закрыл магазин при кооперативе и спрятался в домике на окраине села, недалеко от леса. Троє суток скрывался, а на четвёртые, рано утром, увидел немецкого офицера, идущего из леса с картой в руке. Понял – опасность миновала, можно возвращаться домой.

В боях на южных окраинах Польши, в Карпатах, немцы использовали словацкие части и прекрасно оснащенные подразделения, специально предназначенные для ведения сражений в горных условиях. То, что это были специальные части, я узнал, когда спросил солдат, что означает эмблема на рукавах солдат – цветок эдельвейса. Тут мне рассказали и о цветке, и о войске. Они гордились тем, что служат в таких подразделениях.

Рискнул я спросить и у словацкого солдата, забредшего в магазин кооператива, долго присматривавшегося к продуктам и остановившего свой выбор на солёном огурце, почему словаки воюют на стороне Гитлера. Ответ был: «Гитлер обещал словакам часть польской территории вплоть до Кракова».

В бою за Криницу поляки потеряли убитым одного человека. Случайно это был мой однофамилец, поляк по национальности, служивший в жандармских частях. Его привезли на телеге, набежал народ, подошёл и немецкий офицер, отсалютовал погившему и ушёл. Позже очевидцы рассказывали, что этот жандарм, спрятавшись за стогом сена, один отстреливался из карабина от наседавших фашистов, вооружённых автоматами. Рассказываю об этом эпизоде

для того, чтобы подчеркнуть, что польские солдаты сражались храбро и не их вина, что их предали – бросали в бой почти безоружными против первоклассно вооружённого врага. Что касается фамилии Шевчик, то она распространена и среди поляков, словаков, чехов, да и белорусов.

Поражение панской Польши лемковское население восприняло с удовлетворением: очень тяжёлым был гнёт – как национальный, так и социальный – в этом государстве. К немецким оккупантам относились поначалу, как к исторической неизбежности, нейтрально. С цветами их не встречали, но и выступлений против них не было. К тому же Германию рассматривали как союзника СССР.

Нужно признать, что и немецкая официальная пропаганда тех лет (конец 1939 г. – первая половина 1941 г.) не допускала никаких враждебных выпадов против Советского Союза. Исключением были украинские националистические круги, которые на неофициальном уровне вели среди местного населения Лемковины антисоветскую пропаганду, надо полагать – не без тайного благословения официальных властей.

Нейтральное отношение лемков к оккупантам, которое наблюдалось в первые дни, сменилось настороженностью и страхом после того, как фашисты стали методически устанавливать «новый порядок». Начались гонения на евреев, появились на домах, где проживали евреи, голубые шестиконечные звёзды; каждый еврей до «третьего колена» должен был носить повязку с такой же отличительной звездой. Такую же повязку пришлось надеть и моему другу Гойняку Василю, потому что его бабушка была еврейкой. Неважно, что она ещё молодой девушкой приняла христианство, вышла замуж за лемка и оставалась до глубокой старости на божной христианкой: её внук должен носить на рукаве повязку с шестиконечной звездой, каждое утро являться на

аппель-плац (место сбора); вместе со стариками, женщинами, детьми бежать под гоготание солдатни и удары дубинок по улице деревни; вместе с ними пастьись (в прямом смысле) на лужайке около реки Криничанки; вместе со всеми пить воду из этой грязной реки, словно ты не человек, а скотина; вместе со всеми по команде фашиста голыми руками в течение двух часов снести кирпичную синагогу в mestечке Криница.

Ты всё вытерпел, дорогой Василь, перенёс вместе с твоими родителями и родными весь ужас фашистской Голгофы. Тогда ты остался жив. В феврале 1940 г. нам удалось обмануть фашистские власти и вместе с переселенцами из Криницы вывезти тебя и твоих родных в СССР. Но смерть, причем мученическая, настигла тебя даже здесь. В начале июня 1941 г. в г. Подгайцы Тернопольской области тебя, комсомольца, охранявшего Подгаецкий райком комсомола, зверски убили украинские националисты, убили да ещё вырезали на груди пятиконечные звёзды.

Но это было позже. А в 1939 г., в сентябре, первые аресты. Арестовали буквально на третий день после захвата Криницы моего старшего друга Громосяка Юлияна по ложному доносу, якобы он – переодетый польский офицер. С трудом удалось доказать, что это донос, и добиться его освобождения. Через 10 дней немцы увезли старика Громосяка и его племянника Логазу Володю; оба – страстные охотники – не сдали одно ружьё, с которым не в силах были расстаться, тогда как был приказ генерала фон Браухича в пятидневный срок сдать всякое оружие, вплоть до холодного, под угрозой смертной казни. Через некоторое время их семьи получили извещения: таких-то казнили и сожгли. Если семьи желают, то им может быть выслан пепел кремированных, но для этого следует отправить столько-то

марок по такому-то адресу. Вот он, фашистский «орднунг» и немецкий прагматизм, доведённый до невообразимого цинизма.

В первые недели фашистского хозяйственника в Кринице всё чаще на телеграфных столбах стали появляться объявления о казнях, в большинстве случаев за мелкие провинности, например, за мелкую кражу или за нарушение режима — комендантского часа. Потрясло меня страшное *Be-kanntmachung* (объявление) на немецком и польском языках, где сообщалось, что ночью такого-то числа были задержаны и казнены 15 рабочих, которые укралли с крестьянских полей картофель, капусту, брюкву. Были указаны фамилии этих несчастных рабочих, точнее, безработных, поскольку в то время работу найти было невозможно: против каждой фамилии было указано, с точностью до грамма, количество украденного. От 1 до 3 кг картофеля да 2–3 кг капусты или брюквы. Трудно было привыкать к этой «пляске смерти», кочной стрельбе, к трупам, которые куда-то везли на телеге средь бела дня в сопровождении собак, слизывающих кровь с мостовой. (Такое я наблюдал в городе Новом Сонче в ноябре, когда Польско-немецкая война уже окончилась.) Трудно было привыкнуть к ежедневным казням каждого десятого, заключённого в гестаповских застенках, заключённого зачастую лишь по подозрению или по наговору, без следствия и суда.

Германские власти создали на территории бывшего Краковского воеводства, в состав которого входила Лемковина, так называемое Краковское генерал-губернаторство (*Kra-
kauer Generalgouvernement*) во главе с генерал-губернатором доктором Франком, прозванным позже «палач Польши». Местную власть в городах и сёлах в первые месяцы возглавляли в основном те же лица, что и ранее. Они подчинялись

немецким военным комендантом. Сохранилась и польская жандармерия, и муниципальная полиция, в таком же обмундировании, поменяли лишь орлов не фуражке.

Появилась ещё одна полиция – украинская, весьма многочисленная. Эту полицию немцы создали из тех украинских националистов, которые бежали из западных областей Украины при подходе Красной Армии. Этих-то парубков немцы одели в обмундирование бывшей польской армии – благо его было в изобилии после захвата военных складов, нацепили им на рукава желтые повязки с надписью готической вязью «Hilfspolizei» (вспомогательная полиция), вручили польские карабины и велели смотреть в оба. Украинский трезубец и свастику парубки приладили сами и окрестили себя «січовики» (в память о Запорожской Сечи). Голов на манер запорожцев січовики не брили.

Была ещё одна полиция – еврейская, но она помогала гестаповцам осуществлять порядок в еврейских гетто.

Так была выстроена чёткая схема полицейского надзора с ясно очерченными задачами: польская полиция – следить за русинами, украинцами, евреями (вне гетто); украинская полиция (січовики) – следить за поляками, русинами и евреями (вне гетто); еврейская полиция – следить за евреями (в гетто); немецкий полицейский аппарат – держать в узде всех: поляков, украинцев, русинов, евреев (последних истреблять). Чем не *Ordnung*!?

Во время присоединения к СССР Западной Украины и Западной Белоруссии к германским фашистам бежали не только недоросли-січовики, но и националистические деятели более крупного пошиба. Их появление в генерал-губернаторстве стало головной болью для оккупационных властей. Надо было как-то пристроить этих честных слуг Германии: ведь они верно выполняли заказы германских

спецслужб на территории Западной Украины в течение многих лет. Отправить их в рейх? Не годится: раса не та. Найти же работу для них здесь ох как тяжело: как польское, так и русинское население далеко им не симпатизирует.

В mestечко Криница пожаловали сначала три таких «діячи»: Ступницкий, Гнатевич, Олійник.

Ступницкого германские власти определили на должность заместителя бургомистра, поляка по национальности, двум другим пожаловали небольшие должности в городской управе. Все три фамилии нам были незнакомы. Вскоре однако удалось выяснить, что Ступницкий – это псевдоним. Настоящая же его фамилия – Палиев (Паліїв): личность в украинском националистическом движении историческая. Когда один из моих знакомых, придя к нему на приём, спросил, почему он скрывает свою настоящую фамилию, тот ответил: «Из-за агентов ГПУ». Видимо, и две других фамилии не были настоящими. Уже после войны я узнал, что Олійник впоследствии занимал пост старосты в Кринице, издевался над населением и был казнён лемковскими партизанами.

Ещё один украинский діяч появился в сентябре 1939 г. в Кринице. Но он пришел не с Востока, а с Запада, вместе с немецкими войсками. Это был некий доктор Омельян Волынець. О нём следует рассказать поподробнее.

Весной 1939 г. один из членов кооператива (фамилии его называть не буду, его уже давно нет в живых, но могут быть родные, которые навряд ли знали о его связях с ОУН; здесь назову его Н.) привёл ко мне одного пана, представившегося как доктор Омельян Волынець. Поначалу разговор зашёл о делах кооператива «Прогресс» и о значении кооперации для села. Волынець одобрял кооперативное движение и даже пожелал стать членом нашего кооперати-

ва; тут же написал заявление, заплатил вступительный взнос. Интересовался и жизнью молодёжи нашего села. Тут в беседу вступает Н. и говорит: «Пан Волынець, в селе есть несколько ребят, обучавшихся в частной гимназии, а в университет попасть не могут. Я просил адвоката Ореста Гнатышака как-нибудь помочь им, но тот отмахнулся, заявив: "А, коммунисты!"» Тут Волынец спрашивает: «Неужели вы коммунист?» Я, понятно, отрицаю, а он продолжает: «Я не хочу вмешиваться в ваши политические симпатии, расскажу только о себе. Когда-то я был членом КПЗУ (Коммунистической партии Западной Украины). Мало того, эта партия помогла мне получить образование, благодаря ей я закончил медицинский факультет Краковского университета. Однако впоследствии я убедился, что марксизм – это ложь. Мои убеждения в настоящее время совершенно другие. Если бы вы и ваши друзья согласились работать с нами, то мы гарантируем вам университетское образование».

– Кто «мы»? – спрашиваю.

– Об этом узнаете позже, а пока почитайте вот эту газету, – говорит Волынець и даёт мне несколько экземпляров газеты «Фронтом». – Почитайте с друзьями, подумайте над моим предложением, через три дня я к вам приду за газетами и ответом.

На этом разговор закончился. Газету «Фронтом» я раньше не читал и не знал об её существовании. Видимо, это был какой-то подпольный листок украинских националистов. Не было в ней ни названия организации, которая её издаёт, ни сведений о редакторстве. Была только обозначена задача листка: «Газета имеет целью борьбу с марксизмом и сионизмом». И содержание, соответствующее цели. Вечером друзья собрались в магазине кооператива, почитали, посмеялись,

пану Волынцу решили отказать. Да и он сам больше не появлялся, а когда Н. сообщил, что он уехал, газеты я сжёг.

Это было весной 1939 г. А осенью этого же года Н. пришёл в кооператив и возвестил о том, что Омельян Волынець появился снова в Кринице, на сей раз в ранге капитана вермахта. Оказалось, что весной 1939 г. он попал в поле зрения польской контрразведки и бежал в Словакию, а оттуда в Германию. В Криницу вернулся с довольно большими полномочиями. Первым делом он сменил поляка-бургомистра, заменив его украинцем Ступницким (Палиевым). Сделал он это, по словам Н., «изящно». Явился на приём к бургомистру и спросил по-украински, где можно повидать пана Ступницкого. Когда бургомистр указал на нужную дверь, Волынець заявил: «Дякую вам, пане, за це, що ви показали мені свого зверхника».

Военной формы Волынець не носил. Он ходил в гражданской одежде, лишь с повязкой на рукаве с готической надписью «Deutsche Wehrmacht» (Германские вооруженные силы). Видимо, его основной задачей в то время была пропагандистская обработка местного населения, вербовка молодёжи в отряды січовиков, а может, и для немецких разведшкол, а также замена представителей местной власти своими людьми.

Свою пропагандистскую работу Волынець начал с митинга в городском театре Криницы. Театр был переполнен: січовики постарались, нагнали народа; много было немецких офицеров. Волынець в сером пальто, с неизменной повязкой на рукаве начал выступление словами: «Впервые в этом театре звучит украинская речь». Далее пошли дифирамбы в честь «высококультурного» немецкого народа, восхваление немецкого порядка и германского оружия и, конечно, обещания райской жизни под сенью свастики. Вы-

падов против СССР Волынець себе не позволил: в то время официальная антисоветская пропаганда была запрещена.

Других выступлений не было. Митинг закончился как-то скучно. Не помню, была ли провозглашена здравица в честь Гитлера. Не было и музыки.

Встреч с Волынцем я избегал, зная, что у шпионов память отменная и он мог бы узнать меня.

Может, и не стоило писать об этом немецком холуе. Мне хотелось лишь показать на его примере, какую предательскую роль играли, да и нынче играют, украинские националисты, как они разлагали и разлагают молодёжь, выполняя заказ своих зарубежных хозяев. Зверства, которыечинили националисты в западных областях Украины в начале войны и после её окончания, – это следствие той работы, которую в своё время проводили среди населения деятели, подобные Волынцу.

Осень 1939 г. обещала лемкам освобождение от много-векового гнёта. Надежду вселило известие о вступлении частей Красной Армии на территорию Западной Украины и Западной Белоруссии. Заявление советского правительства о воссоединении братских народов на Лемковине было воспринято с восторгом. Лемки были уверены, что Красная Армия дойдёт и до них, и решили готовиться к достойной встрече советских братьев. При этом приходилось учитывать возможность возникновения провокационных выступлений против Красной Армии со стороны польских шовинистов и украинских националистов. В то время лемковские сёла и города были наводнены січовиками. Возникла идея создания органа, который до прихода Красной Армии взял бы на себя задачу подготовки населения к её встрече и предотвращения возможных инцидентов. Мнение германских

властей не учитывалось; считалось, что при подходе советских войск немцы территорию Лемковины покинут.

И вот во второй половине сентября такой орган был создан. Это был Карпаторусский Совет Лемковской области. Его создателем и вдохновителем был коммунист-подпольщик Сергей Дуркот.

В Совет входили также Юлиян Алексеевич Громосяк, его двоюродный брат Алексей Тимофеевич Громосяк, Павел Тарас, коммунист-подпольщик Юлиян Галькович из села Богуша, секретарь сельской управы (фамилию не помню).

Была создана также народная гвардия, возглавляемая Ю. Громосяком.

В распоряжении Совета имелась типография; она принадлежала одному сбежавшему от немцев еврею. Раньше в ней печатались две газеты – «Лемко» М. Трохановского и «Криницке Вядомосци» (Krynickie Wiadomosci). Наборщиком в этой типографии был Павел Тарас, он и помог «конфисковать» её в пользу Совета. Как немцы «проморгали» эту типографию – диву даёшься!

Народная гвардия не имела в своём распоряжении никакого оружия (согласно распоряжению немецких властей за наличие любого оружия, даже охотничих ножей, полагалась смертная казнь), ни формы, ни каких-либо других атрибутов власти.

Свою деятельность Совет начал с выпуска и распространения листовок. Первые листовки были напечатаны на русском языке. В них население оповещалось о том, что Красная Армия, освобождая Западную Украину и Западную Белоруссию, дойдет и до Лемковины и населению следует готовиться к достойной встрече советских братьев: готовить красные флаги, разучить «Интернационал» и другие революционные песни, создавать отряды народной гвардии

для поддержания порядка и предотвращения враждебных действий со стороны украинских и польских националистов. Сообщалось также о создании в Кринице Карпаторусского Совета Лемковской области.

Второй выпуск листовок – на лемковском диалекте – содержал призыв к населению заменять в местных органах власти (гминах) антисоветски настроенных лиц своими людьми.

В третьем выпуске – тоже на лемковском диалекте – сообщалось о созыве в Кринице съезда руководителей гмин для выработки программы действий на период до прихода Красной Армии. При этом сообщалось о том, что лица, не явившиеся на съезд, будут автоматически освобождаться от должностей. Листовки распространялись курьерами из числа молодёжи.

Первые два выпуска были благополучно доставлены в сёла и местечки Лемковины и расклеены на видных местах. Со стороны немецких властей не было никакой реакции; видимо, немцы вообще не обратили на них внимания. Польские шовинисты пытались кое-где срывать листовки; им не мешали, дабы не поднимать лишнего шума. Украинские же деятели и січовики при первых двух выпусках листовок хранили молчание, наверное, растерялись, не знали, как им поступать. Однако когда появился третий выпуск, они пошли в наступление, развернули антисоветскую пропаганду, обливали грязью советский народ и Красную Армию. Обращались к населению: «Что? Вы призываете диких монголов сюда?!» «Вы их не видели, а я насмотрелся на них во Львове, – верещал какой-то панок, – зашёл такой монгол с красной звездой в аптеку, купил вазелин, намазал на хлеб и съел, да ещё запил одеколоном. Отравился, конечно. Хорошо, что я, врач, был при этом и спас его от смерти!» В та-

ком духе и на таком уровне вели свою агитацию січовики. У лемковских хлопцев в Кринице нервы не выдержали, агитаторов поколотили.

И тогда-то украинские деятели обратили внимание немецких властей на листовки и на Карпаторусский совет. Начались аресты. Некоторых товарищей удалось спрятать, в первую очередь – наборщиков типографии, поскольку они знали всех членов Совета в лицо. Некоторым удалось бежать через демаркационную линию в СССР. Гестаповцы арестовали главного вдохновителя и организатора Карпаторусского Совета – Сергея Дуркота. Этот мужественный человек взял всю вину на себя, заявив, что он коммунист и он один ответственен за всё происходящее.

После допроса «курьёров» – распространителей листовок – немецкие власти вроде бы успокоились. Отобрали лишь в каждом селе и местечке по 40 заложников. И пригрозили казнить их, если в селении найдут хотя бы одного коммуниста.

Прежде чем дать оценку этому событию с Карпаторусским советом Лемковской области, позволю себе рассказать об одном произшествии, дабы показать, насколько сумасбродными были мы в то время.

Троих из Совета не арестовали и не допрашивали – Громосяка Юлияна, Громосяка Алексея и меня. Видимо, никто из допрашиваемых наших фамилий не назвал. Однако мы чувствовали пристальное внимание немцев: молодая женщина, полька, поселившаяся в смежной с кооперативным магазином комнате, ежедневно вечером, когда в магазине собиралась молодежь, приходила, покупала 100 дешёвых папирос, закуривала и начинала на чистейшем польском языке провокационные разговоры; эту женщину днём посещали абверовцы; хозяйка квартиры утром в магазине ми-

моходом уронила фразу, мол, её «жиличка» уехала в Новый Сонч, а оттуда должна перебраться в Россию. «Она оставила на столе какие-то карты, может, пан пожелает посмотреть их», – добавила она. «Пан», конечно, не пожелал. Офицер гестапо, который, увидев в магазине кожу для сапог, придрался к цене, заявив, что она в три раза выше, чем положено. Когда я ему объяснил, что этот магазин – не частная лавочка, а Genossenschaft (кооператив), велел явиться с накладными к 20 часам в гестапо. Продержав меня там около часа, разобравшись с помощью переводчика с накладными, он отпустил меня. С арестом ничего не вышло.

Словом, кольцо сжималось, надо было что-то предпринять. И вот мы с Алёшой Громосяком отважились на отчаянный шаг, не подумав о том, какие последствия это навлечет на тех, кто согласится нам помочь.

Решили бежать в СССР. Полагали, что это нетрудно будет осуществить, поскольку в то время между СССР и Германией ещё не была установлена государственная граница, существовала лишь демаркационная линия, через которую можно было проходить практически свободно из одной страны в другую. Нужно было лишь добраться до демаркационной линии, а для этого необходим был пропуск, поскольку в Krakowskem генерал-губернаторстве существовал тогда режим военного положения и на дорогах осуществлялась проверка патрульными постами.

Такие пропуска выдавала военная комендатура города. Для их получения нужно было предъявить соответствующие документы. Таковых у нас, разумеется, не было. Помог случай. Дядя Алёши Громосяка, тоже Громосяк и тоже Алексей, возглавлял в то время управу (гмину).

Этот добный человек выдал нам справку о том, что мы являемся жителями села Криницы, обучались во Львовском

университете, вернулись на каникулы домой, где и застала нас война. В этой справке правдой было лишь одно – мы жители села Криницы. Студентами же мы никогда не были и во Львове не обучались. Страшно подумать, что сделали бы немцы с пожилым А. Громосяком и его секретарём (фамилию которого я так непростительно забыл), если бы ложь обнаружилась! А тогда об этом мы не думали. Ума не хватило! О себе думали, ой как стыдно сейчас!!! Я пришёл в восторг, когда секретарь, выслушав нашу просьбу, тут же сел за пишущую машинку и сходу написал на немецком языке справку. Меня это так поразило, что до сих пор помню начало первого предложения: «Vom Gemeindevorsteher wird bestätigt, daß...». Поразило меня то, что этот лемко, учившийся ещё до Первой мировой войны в какой-то австрийской гимназии и двадцать с лишним лет не употреблявший немецкого языка, так сразу, в один момент, смог напечатать документ на этом языке.

Пришли к коменданту. Поприветствовали чётко, ни дать ни взять – гитлерюгенд. Видимо, произвели впечатление: просьбу выслушали внимательно. Просьбу мы мотивировали следующим образом: в генерал-губернаторстве средние и высшие учебные заведения пока не действуют. Время пропадает зря. Нельзя ли, учитывая дружественные отношения Германии и СССР, выехать во Львов для завершения учёбы, не теряя германского гражданства. Комендант задумался и через две-три минуты говорит: «Я вам выдам пропуск, но только до демаркационной линии, а там уже договаривайтесь с соответствующими органами». Так мы получили Passierschein (пропуск), один на двоих. В пропуске было примечание: «Военные обязаны оказывать содействие в пути».

На рассвете одного из октябряских дней мы покинули Криницу. Прошли каких-нибудь 100 метров, наткнулись на патруль. Пропустили. Через какое-то время – снова патруль. Пронесло. А дальше патрули попадались всё реже.

Нас поразило в те октябряские дни 1939 г. большое количество воинских частей, разных родов войск: все они двигались на восток.

Мы намеревались добраться до города Санока, расположенного на реке Сан, где проходила демаркационная линия. Путь немалый – около 300 км. К полудню уже порядком устали. Рискнули остановить воинский грузовик, предъявили пропуск, офицер разрешил садиться. С этой машиной добрались до реки Сан. Солдаты отнеслись к нам дружелюбно, даже угощали консервами. Тогда я впервые попробовал немецкого солдатского хлеба.

К реке Сан прибыли к полудню. Дождь лил как из ведра. Отправились к мосту, встретили немецкий караул. Предъявили офицеру пропуск и услышали страшные для нас слова: «Die Grenze ist gesperrt» (граница закрыта). Оказалось, за день до нашего прихода демаркационная линия был упразднена и установлена государственная граница. Через неё уже не проскочишь. Пришлось повернуть назад. На сей раз без пропуска: наш пропуск был в одну сторону – на Восток. Шли мы по Карпатам, выбирая сёла подальше от дорог, глухие, где не могло быть немецких гарнизонов. Так я познал страшную нищету карпатской деревни украинского, русинского и польского населения. Не заботилась панская Польша даже о своём трудовом народе.

Криница встретила нас радостно-возбуждённо. Оказалось, что в наше отсутствие в Krakow прибыла советская делегация для урегулирования вопроса об обмене населением между СССР и Германией. Между правительствами обоих

государств было заключено соглашение, в силу которого немцы, проживающие на землях Западной Украины и Западной Белоруссии, могли выехать в Германию, а русские, белорусы, русины и украинцы, проживающие на польской территории, занятой немцами, могли переселиться в СССР.

Переселение должно происходить на добровольных началах. Любая агитация «за» или «против» запрещалась. Запрещалось также включать в списки переселенцев лиц других национальностей (поляков, евреев, цыган).

Можно представить себе, как обрадовало нас это известие. Поначалу не верилось, что это правда, но вот появилась газета «Krakauer Zeitung», и в ней снимок советской делегации во главе с Савченко, прибывшей в Краков. Через пару дней в уездном городе Новом Сонче начала работать советско-германская комиссия по обмену населением. Туда мы отправились с группой крестьян для выяснения условий переселения. «Комиссары» – их было двое – терпеливо давали ответы на многочисленные вопросы крестьян. Никаких «золотых гор» не обещали, гарантировали лишь жильё, работу, образование. Не было дано ответа на важнейший вопрос: в каких районах Союза будут расселены переселенцы. И это было ошибкой: лемкам-карпатороссам надо было честно сказать, что местом проживания была уготована Западная Украина – области и без того перенаселённые, а главное, население которых шовинистически настроено не только по отношению к большевикам, но и по отношению к русским вообще. Члены советской комиссии по переселению обратились к нам с предложением поработать в качестве писарей. Требовались люди достаточно грамотные и знающие местные условия. После короткой беседы писарями отобрали троих – П. Массыру, Юлиана Громосяка и меня. Так мы стали советскими служащими, формально

будучи подданными Германии. Вопросы жилья, питания (в то время немецкими властями были введены продовольственные карточки) представители советской комиссии отрешировали с немцами сами.

В нашу задачу входила регистрация на специальных бланках, отпечатанных на русском и немецком языках, лиц, желающих выехать в СССР. Кроме обычных данных, на каждого члена семьи (фамилия, имя, дата рождения, пол, национальность, социальное положение, профессия) в списки нужно было занести: адрес, данные об имуществе (земля, строения, сельхозорудия, количество оставляемого скота). Эти данные были необходимы для оценки оставляемого имущества и получения соответствующей компенсации по приезде на новое место жительства. Записи велись на русском языке, уточнялись затем с немецким военным переводчиком, офицером арбера, прекрасно владеющим русским языком.

Работы было много, трудились даже по выходным, потому что желающих выехать было очень много, а тут ещё одного из нас, Юлияна Громосяка, внезапно арестовало гестапо. Арестовали его прямо на вокзале в Кринице, куда он приехал в субботу вечером. Видимо, за ним велось наблюдение давно, но в Новом Сонче, где находилась советская комиссия, арестовать его было несподручно, вот и дождались удобного случая, когда он на выходные приехал домой. Что послужило поводом для ареста, так и осталось невыясненным. Арест вызвал энергичный протест советской комиссии, и через две недели Юлиян был освобождён из застенков гестапо, ещё со следами побоев на лице. При освобождении с него потребовали расписку о том, что он под угрозой смертной казни никому, даже родной матери, не расскажет о том, что видел в тюрьме гестапо. Но Юлиян

всему эшелону рассказал обо всём сразу же, как только поезд, увозивший нас в СССР, пересёк германо-советскую границу и на подножках вагонов краснозвёздные пограничники в полушибаках сменили немецких пограничников в шинелях мышиного цвета. Рассказал Юлиян о побоях и пытках, жестоких и изощрённых, о ежедневных поверках, во время которых отсчитывали обречённых на смерть: каждого десятого казнили. И так каждый день – eins, zwei, drei, ... zehn (это – смерть!), elf, zwölf, dreizehn, ... zwanzig (смерть!) и т.д. Машина смерти работала без перебоев, с немецкой точностью. Страшно было слушать рассказ Юлияна Громосяка.

Я уже писал о том, что в октябре 1939 г. гестапо арестовало основателя Карпаторусского Совета Лемковской области, коммуниста-подпольщика Сергея Дуркота. Этот мужественный человек взял всю вину за создание Совета и выпуск листовок на себя и тем самым спас жизни остальных членов Карпаторусского Совета. Он всё ещё находился в застенках гестапо. Мы обратились к членам советской комиссии по переселению с просьбой потребовать от германских властей освобождения Дуркота. Рассказали, что этот человек всю свою жизнь посвятил лемковскому народу. Ещё гимназистом он вместе с родными был отправлен австро-венгерскими властями в концентрационный лагерь «Талергоф»; перенёс весь ужас пребывания в этом лагере смерти, где его брат, тоже гимназист, сошёл с ума. После распада Австро-Венгрии Дуркот стал членом Коммунистической партии Польши, несколько раз подвергался арестам. С трудом находил работу, хотя имел высшее инженерное образование. По-видимому, бывал в Советском Союзе. В середине 1930-х гг. организовал сбор подписей под обращением к правительствам СССР и Польши о переселении лемков в

Советский Союз. Написал брошюру «Лемковина – Сибирь» (под псевдонимом Сергей Зинин), где рассказывал об условиях жизни трудящихся в СССР. С этой брошюрой мы познакомили советских товарищей. О создании Карпаторусского Совета промолчали: в то время мы уже понимали, что это была авантюра. Надеялись, что рассказанного нами о Дуркоте вполне достаточно для ходатайства об его освобождении. Однако наткнулись на неожиданное препятствие – социальное происхождение Дуркота. Узнав о том, что он сын священника, «комиссары» наотрез отказались предпринимать какие-либо шаги по его спасению. Все наши уговоры и аргументы наталкивались на эту преграду – сын священника. Мы были в отчаянии. Однако, как это часто бывает, помог случай: кто-то из крестьян принёс листовки, выпущенные Карпаторусским Советом, и передал их членам комиссии. Видимо, он же и рассказал о самом Совете и о роли в нём Дуркота. И вот в одно прекрасное утро – оно действительно оказалось прекрасным – советские товарищи заходят в помещение, где мы работали, необычно весёлые и показывают нам наши же листовки и удостоверение члена народной гвардии, подписанное Юлианом Громосяком, и спрашивают: «Ваша работа?» «Наша», – говорю, а самому стыдно. Побрали нас, конечно, за такую «революционную» прыть.

– Ведь вас немцы могли передавить, как щенят, – строго смотрит на меня товарищ Поворов.

– Могли, – соглашаюсь.

– Разве так ведут себя революционеры-подпольщики?

Разве так учил Ленин? Вы хоть знаете, кто такой Ленин?

– Знаем, – отвечаю с гордостью.

– А портрет его видели?

– Не приходилось, к сожалению.

И тут товарищ Поворов достаёт банкноту с изображением Ильича.

— Вот, это — Ленин, Владимир Ильич, — говорит и тут же продолжает:

— Ну, а вашего Дуркота постараемся вызволить.

И вызволили. В конце февраля 1940 г. последним эшелоном Сергей Дуркот с женой и ребёнком покинули Краковское генерал-губернаторство и выехали в СССР. С этим же эшелоном уехал и я, и мои родные.

На новом месте судьба Дуркота сложилась трагически. Работал он горным инженером на одной из шахт Львовщины. Во время войны его замучали украинские националисты. О судьбе его семьи узнать мне ничего не удалось.

Однако вернёмся к работе комиссии по переселению. Интерес к ней со стороны населения городов и сёл уезда был огромен. С утра до вечера в помещении, где она работала, толпился народ, в большинстве своём крестьяне, рабочих было меньше. Это и понятно: население Лемковины в основном сельское, рабочая прослойка незначительна. Интеллигенции было мало. Заходили и священнослужители, просто так, ради любопытства; уезжать в СССР они не собирались, некоторые пытались навязать советским товарищам дискуссию по вопросам религии. Такие попытки вежливо отвергались.

Приходили евреи (во время пребывания в Новом Сонче советских представителей еврейские погромы в городе были приостановлены), среди них было много учёных. Они приносили с собой какие-то разработки, чертежи изобретений, печатные работы. Все умоляли зарегистрировать их на выезд в СССР. Безуспешно: комиссия строго выполняла условия соглашения. Часто наведывались советские журналисты, видимо, аккредитованные при комиссии. Они бесе-

довали с кандидатами на выезд. Ежедневно заходили немецкие офицеры, старались вести себя неофициально. Видимо, серьёзные вопросы решались вне стен помещения, где мы работали. Общались через немецкого переводчика (офицера).

Далеко не всех желающих регистрировали на выезд в СССР. Бесспорное преимущество имели рабочие. Из крестьян отбирали бедняков и середняков, богатым отказывали, да те, как правило, и не торопились переезжать. Охотно брали специалистов инженерных профессий, учителей, врачей. К сожалению, этих было мало.

Сейчас я не помню, сколько было зарегистрировано желающих выехать в СССР по нашему Новосонченскому уезду. С уверенностью могу сказать, что выехать смогли далеко не все, кто уже был оформлен на выезд.

Дело в том, что срок переселения был ограничен 1 марта 1940 г. К тому же переселение проводилось не одновременно с немецкой и советской стороны, а поэтапно: сначала уехали немцы из Западной Украины и Западной Белоруссии, а затем началось переселение из оккупированных немцами польских областей. Да и с подачей железнодорожного состава немцы «запаздывали».

Насколько я помню, из Новосонченского уезда было отправлено 5 эшелонов с переселенцами. Сколько уехало из других уездов Krakowskого генерал-губернаторства, не знаю.

Последний транспорт отправился 21 и 22 февраля 1940 г. Ехали в пассажирских вагонах. На остановках подкармливали: раздавали горячий черный кофе. В каждом вагоне солдаты вермахта. Настроение у переселенцев грустное и тревожное: что их ждет в таинственной стране – России? Да и с Карпатами расставаться и с веками нажитым совсем, оказывается, не легко. Тревожно было на душе у от-

ной войны. Уже в первые дни войны националистические молодчики устраивали охоту на сельских активистов, членов партии, комсомольцев. С ними жестоко расправлялись, девушек насиловали на глазах родителей, убивали и издевались даже над убитыми. Многие переселенцы не выдерживали этого разгула и произвола – по своей природе крайне жестокого – и возвращались домой, в родные Карпаты. Но и там ждала их не лучшая доля: дома их и поля были заняты теми же националистами-січовиками.

Часть переселенцев из Лемковины ушла во время войны в сектантство. Это неудивительно. Веками этот народ, практически лишённый образования, был связан с церковью. Священник в лемковских сёлах – это и духовник, и первый советчик, зачастую врач. А тут, на Западной Украине, церковь во время войны предстала в другом виде – проповедником нацистской идеологии. Да и священники оказались другими. Эти, как их называли, «птенцы из гнезда Львовского митрополита Андрея Шептицкого», проповедовали не столько слово божье, сколько заквашенный на фашизме украинский националистический бред. Нередко молодые униатские священники являлись резидентами германской разведки. Сам митрополит Шептицкий сотрудничал с оккупационными властями Германии, за что и предстал после войны перед судом в Париже.

Одним словом, церковь – в первую очередь униатская – потеряла среди переселенцев всякий авторитет. Этим воспользовались представители религиозных сект, в первую очередь, тех, которые вообще не признавали христианской церкви и её канонов. Одной из таких сект являются «Свидетели Иеговы», или, как их в народе называют, «иеговисты». Свою духовную жизнь свидетели Иеговы пытаются строить исключительно на основе Библии. Они не признают ни

цов семейств, тревожно за судьбу детей. Я старался, как мог, успокоить людей, вселить в них надежду на лучшее. Наивен был, смотрел на всё со своей колокольни. Мне было просто расставаться с прошлым. Мне нечего было терять, у меня не было ни земли, ни хозяйства; я – пролетарий и расставался лишь с лишениями и нуждой. А впереди? Впереди надежда на учёбу, на работу ради общего блага. Я искренне верил, что мой народ наконец-то заживёт достойно.

Случилось так, что я очутился в купе один на один с немецким офицером. Довольно долго ехали молча, и вдруг мне взбрело в голову сказать какую-то фразу по-немецки. Офицер оживился, видимо, обрадовался, что появился собеседник, тут же затарахтел и стал отговаривать меня от переезда в СССР. Нашёл во мне какие-то признаки германской расы, сулил всякие блага, членство в гитлерюгенде и затем – блестящую карьеру. Не постеснялся изобразить «мрачную перспективу» (*trübe Aussichten*), которая ждёт меня в СССР. «Вы тут едете в пассажирских вагонах, а переседете границу, вас повезут в вагонах для скота», – пугал офицерик. Я изрядно переволновался, боялся, а вдруг вздумается ему перед самой границей арестовать меня. Старался быть предельно осторожным в беседе. Рискнул всё же произнести такие слова: «Почти шестьсот лет мой народ находился под иноземным игом. Мы благодарны теперь правительствам обеих стран за предоставленную возможность выехать к своим братьям. Выехать – это мой национальный долг». Тут немец замолчал,глянув в окно, попрощался, вышел. Я облегчённо вздохнул.

Спустя несколько минут поезд притормозил, в вагоне началась какая-то суматоха, яглянул в окно и увидел на подножках красноармейцев в полушибуках и будёновках. Значит – свершилось, мы в СССР! Тревожное ожидание

сменилось всеобщим ликованием. Люди обнимались, по-здравляли друг друга, молодёжь пела «Интернационал».

Студёным февральским утром наш эшелон прибыл в Подгайцы, районный центр Тернопольской области. На вокзале нас ожидали представители от райкома партии, комсомола и райисполкома. Краткий митинг, приветствия, ответное слово от переселенцев. Выступил с ним житель Криници Владимир Гойняк, долгое время проживший в США, наживший там тяжелое заболевание и вернувшийся в родное село. Его речь, умная и эмоциональная, произвела на всех большое впечатление.

После митинга переселенцев усадили в сани и повезли в сёла, определённые им для места жительства.

Поселили нас в дома, принадлежавшие каким-то польским помещикам, бежавшим на Запад. Дома, точнее хаты, беднее тех, которые переселенцы оставили в Карпатах. Приличной была лишь усадьба, довольно просторное каменное здание, одноэтажное, о четырёх комнатах. Половина здания была передана семье ветеринара, а другая половина отдана под начальную школу, заведование которой было доверено мне. К весне каждая семья получила земельный надел с учётом количества членов семьи и ссуду на обзаведение семенами.

Жилось поначалу трудно. Не было ни тягловой силы, ни коров. Сказалась ошибка, допущенная комиссией по переселению. Надо было рекомендовать крестьянам забирать с собой весь скот, а не оставлять его немцам.

Но худшее – отношение части местного населения к переселенцам. Первая фраза, которую я услышал на вокзале в Подгайцах от какого-то «панича»: «Чому ви приїхали до більшовиків?» Много зла пришлось вынести переселенцам от западно-украинских националистов во время Отечествен-

церкви, ни священнослужителей, ни церковных обрядов, ни креста, ни крещения, ни исповеди, ни причастия, ни загробной жизни, ни священных таинств – никакой христианской символики и обрядов. Ждут царствия Божия и второго пришествия.

Свидетели Иеговы заявляют об аполитичности своей религии. Это либо непонимание, либо лицемерие. Непризнание государства как органа власти («на земле не должно быть другого царства кроме царствия Божия») – уже это политика; отказ от участия в голосовании на выборах в государственные органы власти и призыв своих членов не голосовать – это тоже политика, а не религия; отказ от военной обязанности – разве это не политика, не нарушение закона данного государства?

Секта имеет свои отделения практически по всему миру. Центр её в США. Издаёт газету «Башня стражи», а также многочисленную литературу на разных языках, не только религиозного характера, но и научно-популярную. Последняя имеет электрический характер. Её задача – убедить читателя в том, что мир создан Богом. Кроме того, издаётся масса брошюр, содержащих разного рода противоречия. Весь этот материал рассыпается бесплатно в отделения секты, а оттуда специальные курьеры, своего рода миссионеры, распространяют его по городам и весям. При этом «миссионеры» не прочь рассказать о Библии и «правде», которую они познали. Периодически собираются международные конгрессы членов этой секты.

В сети этой секты попали многие лемки-переселенцы во время войны. И поплатились за это. Не за то, что верили в Библию, а за агитацию, за распространение литературы. Многие семьи были высланы в Иркутскую область, среди них и неверующие родственники. Некоторым пришлось

отбывать длительное наказание в лагерях заключённых. Это произошло в конце 1940-х гг., в период резкого обострения отношений между СССР и США.

В «хрущёвскую оттепель» все они были реабилитированы, могли выбрать себе любое место жительства, сейчас пользуются установленными законом льготами.

Выше уже упоминалось, что было и второе переселение лемков в СССР, на сей раз по соглашению 1945 г. с Польшей. Со стороны властей тогдашней, казалось бы, демократической Польши это было уже принудительное переселение карпатороссов. Нежелающих выехать в СССР польские власти выселяли в западные и северные области страны, на бывшие немецкие земли, отошедшие после Второй мировой войны к Польше. Этой депортации подверглось не только русинское население, но и украинское, проживавшее в Карпатах. Сёла же и города, где раньше жили лемки, были заселены поляками.

Сейчас лемки в Польше проживают в разных районах запада и северо-запада страны среди украинского ипольского населения. Составляя меньшинство, они постепенно ассимилируются, хотя пытаются сохранить то, что возможно: обряды, обычаи, песни.

Следует признать, что украинские культурные деятели оказывают им в этом отношении посильную помощь. Украинская газета «Наше слово», выходящая в Польше, выделяет одну страничку (рубрика «Лемківска сторінка») под лемковскую тематикой. Публикуется на этой странице, как правило, фольклорный материал: песни, пословицы, поговорки, присказки, описания обрядов, анекдоты. Его редакция стремится преподнести по возможности на лемковском диалекте, используя орографию украинского языка.

Сейчас, спустя десятилетия, я часто мучительно ищу ответа на вопрос: не была ли ошибкой сама идея переселения лемков в СССР. Будучи одним из активных сторонников и в какой-то мере активным проводником этой идеи в жизнь, я в то время руководствовался чувством патриотизма и чувством солидарности с советским народом и страной социализма. Желая лучшей доли для своего народа, я не предвидел одного: насколько болезненной является для людей резкая ломка привычного образа жизни, её векового уклада. Да и само прощание с родными местами, прощание навсегда, и с веками нажитым оказалось для большинства переселенцев невыносимо тяжёлым.

В поисках лучшей доли многие лемки уезжали, чаще всего в Америку. Но к старости они возвращались к родным местам, к родным горам, с долларами и без долларов, зачастую в одной кожаной куртке или с набором слесарного инструмента. А тут уезжали навсегда, без надежды вернуться. И эта тоска по родному терзала не одного лемка, особенно людей старшего поколения.

Ностальгия усугублялась ещё и тем, что переселенцы, очутившись на территории Западной Украины, в среде, исключительно враждебной не только ко всему советскому, но и к русскому вообще, встретили далеко не дружелюбное к себе отношение.

К издержкам переселений следует отнести и время их проведения. Исторически сложилось так, что и первое (1939–1940 гг.), и второе (1945–1947 гг.) переселения произошли в самое неблагоприятное время: в последний предвоенный и первый послевоенный год. Трудности, непосредственно связанные с переселением как таковым, многократно усилились трудностями материального характера, вызванными войной и её последствиями. Наиболее пагубно,

однако, проявили себя результаты переселений (включая и депортацию лемков в Польше) в другом: исчезает карпато-русская этническая группа с её самобытной культурой, языком, обычаями, фольклором. Лишённые возможности компактного проживания, лемки ассимилируются. Исчезает целый культурно-этнический пласт. Потеря эта невосполнима.

Таковы негативные последствия переселения лемков. А что же приобрёл этот народ? Многое.

Впервые за всю свою историю лемко почувствовал себя полноправным и равноправным гражданином. Избавился от синдрома национальной и социальной недостаточности, ущербности. Почувствовал себя личностью. Эти перемены духовного становления произошли, разумеется, не сразу; потребовались годы и десятилетия, пока лемко в Советском Союзе по-настоящему расправил плечи.

Второе, что приобрёл лемковский переселенец, это великие права, о которых он не мог мечтать и за которые все ещё борются миллионы и миллионы трудящихся в капиталистическом мире.

Имею в виду право на труд, на бесплатное образование и бесплатное медицинское обслуживание – права, которые обязательно реализовались в советской стране. Советский человек никогда не мог по достоинству оценить всю важность этих прав по простой причине: он не знал, что значит не обладать ими.

Когда в ноябре 1939 г. в польском городе Новым Сонче советские товарищи сказали мне, что в СССР высшее образование бесплатно, а хорошо успевающие студенты получают ещё и стипендию, я возмутился, посчитав, что меня агитируют. Я так и сказал:

довоенное западно-украинское село: нищее, с низенькими хатами, крытыми соломой. Нынче в этих сёлах – дома-хоромы, как правило, кирпичные.

Труднее пришлось переселенцам-сектантам, высланным в конце 1940-х гг. в Иркутскую область. Они перенесли много невзгод. После реабилитации многие переехали на Ставрополье и в Краснодарский край. Здесь они быстро освоились, купили или построили добротные дома, обзавелись дачными участками. Благодаря трудолюбию они желанные работники как в сельском хозяйстве, так и на стройках. Словом, живут зажиточно, собственная машина у них не редкость.

Подводя итог, очень хотелось бы дать ясный ответ на мучительный для меня вопрос: переселение лемков в СССР – благо или ошибка? Увы, ответа найти не могу. Лично я убеждён, что это историческое событие – счастье для карпатороссов. Но это мнение моё, субъективное, а какую оценку даст история?

Несколько слов о судьбе лемков во время Великой Отечественной войны.

Сразу оговорюсь, что для освещения этой темы располагаю весьма скучным материалом. Эта тема требует отдельного исследования.

События первых недель войны развивались настолько стремительно, что в областях Западной Украины, где проживали переселенцы, практически не была проведена мобилизация. Многие из молодёжи, особенно комсомольцы, уходили с отступающими частями Красной Армии и воевали вместе с ними, овладевая винтовкой на ходу, под пулями.

Оставшаяся молодёжь делила участь тех, кто остался в оккупации, страдала, но в украинские националистические военные формирования не вступала.

Нет у меня сведений об участии переселенцев в партизанском движении. Скорее всего, они в нём не участвовали, поскольку в условиях Западной Украины такое движение возникнуть не могло, особенно в первые три года войны.

А вот лемки в Карпатах, которые не успели выехать в 1939–1940 гг. в СССР, в партизанах воевали. С некоторыми из них (братья Ваврики из Криницы) мне посчастливилось побеседовать. Они называли деревни, жители которых поддерживали связь с подпольщиками и воевали в партизанских отрядах, создаваемых в Карпатах и руководимых советскими военными специалистами. В Новосонченском уезде Krakовского генерал-губернаторства это были сёла Солотвины, Мохначка Нижняя, Мохначка Верхняя, Тылич, Мушинка, Криница, город Мушина. Особую активность проявляли партизаны после перелома в войне, при подходе советских войск.

Лемковский поэт и публицист Нестор Жилич в очерке «Над Білою Рікою»¹ рассказывает о партизанах и подпольщиках в Новосонченском уезде. Называет ряд имен: Николай Габура, Владимир Поруцидло, его брат Данило, Ярослав Вислоцкий, Антон Мациевский, братья Вильчацкие, Василь Дубец. Осенью 1943 г. они создают партизанский отряд «За Родину» под командованием Владимира Поруцидло, который проводит ряд успешных операций против фашистов на территории Новосонченского уезда, в том числе освобождение 97 советских военнопленных из лагеря в Новом Сонче.

Летом 1944 г. этот отряд объединился с советскими партизанскими подразделениями под командованием Ивана Золотаря и начальника разведотдела Первого Украинского фронта подполковника Афанасия Гладилина. О совместной

¹ Газета «Ленінський Прапор», орган Пустомитівського райкому КПУ, Львівський области, от 18 марта 1978 г.

борьбе советских и карпатских партизан рассказывает И. Золотарёв в своей книге «Друзей познаём в беде».

Сражались на фронтах Великой Отечественной войны и мои друзья. Как правило, это были добровольцы. Ушёл добровольцем Петро Станко, застенчивый, скромный юноша, талантливый музыкант и дирижёр. Это он дирижировал хором на памятном мероприятии, посвященном 100-летию со дня смерти А.С. Пушкина, в 1937 г. в Кринице. Погиб Станко в бою под Киевом.

Добровольцами ушли на фронт три брата Ворона – Аполинарий, Иван, Александр. Двое пали смертью храбрых, Александр вернулся инвалидом.

Храбро сражался мой сосед и друг детства, с которым когда-то вместе играли, вместе пасли скот, вместе учились в школе, да что там – вместе росли, Миша Граб (Михаил Тимофеевич). Ко многим боевым наградам он прибавил и награды трудовые, в их числе орден Ленина. В послевоенные годы имя этого славного земляка-лемка было известно по всему Кузнецкому бассейну. Об этом талантливом бригадире проходчиков писали газеты, его опыт и методы проходки изучались в шахтёрских коллективах, обобщались в брошюрах. Даже стихи слагали поэты о Грабе. Диву даёшься, как этот крестьянин из далёких Карпат, окончивший всего шесть классов сельской школы, смог овладеть шахтёрским мастерством, причём в области, требующей инженерной смекалки.

Коль зашла речь о шахтёрах, то следует, пожалуй, рассказать ещё об одном закадычном друге, тоже сыне Бескидов, посвятившем свою жизнь этой героической профессии. Расскажу об Алексее Тимофеевиче Громосяке. Да, о том Алёше, потомке известного на Лемковине рода Громосяков, внуке Николая Громосяка. Того Громосяка, который в 1913 г. отправился в Татры на поиски «пророка» Ленина;

того Громосяка, смертной казни которого на процессе в Вене в 1916 г. требовал австрийский прокурор и который произнёс тогда в своё оправдание самую короткую на процессе речь: «Я ничего не знаю. Знаю только одно: я – русин, родился русином и умру русином!»

Н. Громосяк после распада Австро-Венгрии продолжал бороться за автономию Лемковины и был одним из учредителей «Русской Рады», разгромленной польскими властями.

Понятно, что патриотические идеи деда продолжали жить в семье юного Алёши и повлияли на формирование его общественно-политической позиции.

Алексей Тимофеевич Громосяк был личностью исключительно одарённой. Учёба в школе, а затем в гимназии давалась ему на удивление легко. Причем по всем предметам, как гуманитарным, так и естественным. Обладал абсолютным слухом, играл на нескольких духовых и щипковых инструментах, овладел дирижёрским искусством, занимался аранжировкой народных мелодий для хора. Честный, скромный.

В СССР приехал вместе с переселенцами в начале 1940 г., служил некоторое время в Красной Армии, затем, окончив горный техникум, был направлен в Караганду, где и работал начальником участка на одной из шахт. Пользовался большим уважением среди шахтёров и среди местного казахского населения. Это был удивительный шахтёр. Шахтёр, обладающий энциклопедическими познаниями. Шахтёр, владевший польским, немецким, словацким языками и читающий наизусть на латыни отрывки из Овидия, Вергилия, Горация. А как он воспроизводил первую речь Цицерона против Катилины! Заслушаешься! И это уже в пенсионном возрасте!

А его письма! Добрые, остроумно-искромётные, сдобренные афоризмами на польском или латинском языках. По Карпатам страшно тосковал. Скончался 21 мая 1993 г.

Ушли уже из жизни Миша и Алёша, мои самые дорогие спутники-друзья. Рано ушли, оставив после себя добрую память да восхищение. И ещё тоску, щемящую до боли тоску...

Считаю своим долгом рассказать ещё об одном славном сыне Лемковины, о поэте Несторе Дмитриевиче Жиличе Любомире Камьянском (19 мая 1914 г. – 6 февраля 1989 г.). Познакомился я с поэтом в начале 1980-х гг. заочно. В то время он учительствовал в селе Водяном Львовской области, был активным членом литературного объединения «Обрій» при редакции «Ленінський прапор» – органа Пустомитовского райкома КП Украины. Встретиться не пришлось, несмотря на обоюдное желание, переписка продолжалась вплоть до последних дней поэта. Рассказ об этом народном поэте хочется озаглавить словами, высказанными в его адрес друзьями по перу: «Вірність на все життя...»

«Верность на всю жизнь...»

Верность Родине – Карпатам, которые вскормили его, суровой красотой которых поэт не переставал восхищаться, которых он воспевал, по которым тосковал; верность народу, обездоленному, забитому, нищему, который он любил, за лучшую долю которого боролся и страдал в польских тюрьмах и фашистских застенках.

Родился Нестор Жилич 19 мая 1914 г. в села Камьянна Новосонченского уезда Krakowskого воеводства (нынешняя Польша) в крестьянской семье. Детство было тяжелым: четыре года было ребёнку, когда умерла мать. У мачехи он тепла не нашёл, наоборот, она почему-то невзлюбила пасынка. Жизнь в отцовском доме стала невыносимой, и девя-

тилетний мальчик нанимается пастухом к зажиточным крестьянам. Тяжёлыми были те годы для ребёнка, но именно они сформировали патриота и поэта. Ведь родная природа – горы, леса, полонины, – с которой он оставался наедине, заменила ему материнское тепло и была для него единственной отрадой. В то время зарождается в душе ребёнка то неиссякаемое чувство любви к родной Лемковине, которое он сохранил до последнего часа своей многострадальной жизни.

Будучи мальчиком одарённым и любознательным, Нестор Жилич успешно заканчивает начальную школу в родном селе Камьянна, затем, несмотря на тяжелейшие материальные условия, продолжает учёбу в семилетней школе в местечке Мушкина и завершает образование в учительской семинарии в Самборе. Сколько трудностей и упорства стоило Нестору это образование, советскому человеку не понять!

Ещё юношей Нестор Жилич активно включается в общественную жизнь лемковской молодёжи. Работая на лесозаготовках в курортном местечке Кринице, а затем в Поворознике, он объединяет вокруг себя молодёжь, становится её вожаком в борьбе за национальные и социальные права. К его голосу прислушиваются и крестьяне старших возрастов. Общественной деятельностью юного Нестора заинтересовалась и полиция Пилсудского. За просоветскую агитацию его бросают в тюрьму.

Во время фашистской оккупации Польши Нестора Жилича по доносу провокатора за «большевистскую агитацию» схватила украинская националистическая полиция – січовики (Hilfspolizei). Свыше трёх лет истязаний в гестаповском застенке в Новом Сонче не сломили молодого патриота. Наоборот, в нём «укрепилась вера в лучшую долю

лемковского народа в братской семье народов Страны Советов» (цитата из его письма ко мне).

В 1944 г. Нестору Жиличу удаётся бежать из гестаповских застенков, он добирается до Львовской области, где находит убежище у русинской семьи Дидкевичей, проживавших в mestечке Буск по ул. Шевченко, 17. Здесь он дождался прихода Советской Армии.

Литературным творчеством по-настоящему активно Н. Жилич стал заниматься в 1950-х гг., работая учителем в селе Водяном на Львовщине. Многие его стихи и рассказы появляются под литературным псевдонимом Любомир Камьянский (в украинском написании Любомир Кам'янський). Под этим псевдонимом вышли два сборника «Карпатські думки» и «Лемківські сміховинки» (около 500 стихов). Лирические стихи Н. Жилича часто помещали на своих страницах газеты «Ленінський прапор» (Пустомити Львовской области); «Вільна Україна»; журнал «Жовтень». Некоторые опубликованы в сборниках издательства «Каменяр» (Львов).

В 1965 г. (дату называю по памяти, возможно, неточно) лемковская диаспора в Бельгии на средства пожертвований издала сборник лирико-патриотических стихов «Поэты-крестьяне». В нём опубликованы и некоторые, очень хорошие, стихотворения Н. Жилича: «Моя люба Лемковино», «Лемковина», «Могила партизана», «Образ Тылича», «Флоринка», «Сян», «Лемковской матери», «Суседу», «Славянам».

Через всю лирику Н. Жилича красной нитью проходит идея любви к обездоленной и оставленной её сыновьями родной Лемковины. И как бы ни развивалась автором лирическая тематика, – будь это тоска по родному краю горца-лемка, будь это неподдельный восторг и восхищение природой Карпат, или страстный монолог влюблённого, или грустью овеянные воспоминания о детстве, а то и про-

питанные народным юмором «смешинки», а также лирические раздумья, – всюду главенствует именно эта идея.

Лирика Н. Жилича своеобразна; она пронизана высоким гражданским пафосом. Стихотворений сугубо лирических у поэта немного. В большинстве из них личные переживания переплетаются с судьбой лемковского народа, с его жизнью, бедой, борьбой, трагической судьбой. А трагедия этого народа состоит в том, что он, на протяжении веков страстно стремящийся к воссоединению с матерью-Русью, оказался в итоге на обочине. Не помогло ему ни переселение в 1939–1940 гг. на Западную Украину, ни переселение 1945–1946 гг., а депортация лемков из Карпат в северо-западные области Польши 1946–1947 гг. окончательно погубила этот народ как этническое объединение. Вот и обвиняет поэт русских дипломатов за то, что они согласились на установление государственной границы по реке Сан и не дали возможности Красной Армии пойти дальше на Запад, туда, к Лемковине, где её так ждали лемки-карпатороссы.

Не понятно: чому, за што
Русски дипломаты
Одвѣчному ворогови
Лишили Карпаты (Оставили Карпаты)

И далее:

Срѣбный Сяне, окаянный,
Волъл быс пропасти, (Лучше бы тебе исчезнуть)
Як мал еси меж русскими
Границу покласти.

«Сян».

Да, поэт бывает порой бескомпромиссным: он не считается с историческими условиями и возможностями. Для него важно одно: историческая справедливость по отношению к его народу.

Иногда поэт выходит за рамки своей главной темы – Лемковины. Его интересует и общеславянская тема. Она чётко обозначена в стихотворении «Славянам». В нём находим такие призывные строки:

Чи ты сербин, чи болгарин,
Чи ты русский, чи поляк,
Чи хорват, чи лужичанин,
Чи ты чех, чи ты словак, –
Все одно! Долонь¹ до згоды
Другови, друг, протяни
И могучий гимн свободы
Повной грудью затяни!

Заканчивается стихотворение призывом:

Будьме разом! Жайме в миръ,
Дѣти матери одной,
Будьме дружны, будьме щирь
В сильной Славии родной!

Из сборника «Крестьяне-поэты».

Было бы ошибочным полагать, что лирика Н. Жилича наполнена только грустью. Почти в каждом стихотворении читатель встретит оптимистическое начало – веру в силу народа, в его будущее.

Поэзия военных лет представлена в творчестве Н. Жилича не столь широко. Это неудивительно: в то время поэт находился в фашистской тюрьме. В стихах того периода – сжатых, лаконичных, гневных – отражены боль и страдания народа, призыв к борьбе с фашизмом, а также личные переживания поэта-пленника.

В 1943 г. появляется стихотворение «Яничари». В нём разоблачается подлая роль украинских националистов в порабощении и уничтожении лемковского народа:

¹ Долонь – ладонь.

Кров з Бескидів в кришталь-чари (хрустальные чаши)
Зливали невинну.
Звідки взялись яничари
В горах Лемковини?

И далее:

В'яжуть людей безневинних,
У тюрми кидають.
В бідне тіло Лемковини
Тризуби впивають.

К поэзии этого же цикла следует отнести стихотворения «Лист з неволі», «Голос народу», «До Батьківщини», «Вистоїмо», «Лемковина», «В партизані», «Могила партизана», «З днів фашистської неволі». В каждом из этих стихотворений – боль и страдание. Но не только: каждое из них – это призыв к борьбе и вера в победу. Они оптимистичны.

Следует упомянуть ещё одно произведение исключительной выразительности и силы. Это – поэма, посвященная воссоединению Закарпатской Руси с советской Украиной. Прочитать её полностью не пришлось. Даже названия её не знаю. Может быть, это произведение, которое упоминается в сборнике «Поэты-крестьяне»: поэма «За Русь, волю и правду». Я же читал её в отрывках, опубликованных в газете «Ленінський прапор»¹ от 24 марта 1975 г. Общее название этих стихов – «Чорне Сонце». Если судить по отрывкам, поэт развивает в поэме две сюжетных линии: одна сугубо автобиографичная – переживания, физические и духовные, узника польской тюрьмы для политзаключённых «Картузска Береза», и другая, общественная, историческая, – воссоединение Закарпатья: «...узник взял из рук своего брата // Мечтой овеянное Красное Знамя».

¹ Орган Пустомытовского райкома Компартии Украины и районного Совета депутатов трудающихся Львовской области.

Жаль, что не пришлось прочитать поэму целиком, но даже из небольшого отрывка, опубликованного в газете, видно, сколь талантливо она написана. Взять хотя бы начальные строки:

Похмурий кут. Понурі кроки
У скроні б'уть, і б'уть, і б'уть...
Комусь зозулі лічать¹ роки,
Багато літ комусь кують.

Не могу удержаться от искушения перевести эти слова на русский язык, хотя понимаю – перевод этот не передаст и сотой доли выразительной силы оригинала. Делаю это для того, чтобы читатель, не знающий украинского языка, понял, о чем стихотворение:

Хмурый угол. Мрачные шаги
В виски бьют, и бьют, и бьют...
Кому-то кукушки года считают,
Многие годы кому-то куют.

Особое место в поэтическом творчестве Н. Жилича занимают «Карпатские смешинки», по-украински «сміховинки». Это своеобразные стихотворные миниатюры, искромётные, лаконичные, настоящие на здоровом народном юморе. Их множество, свыше 500. Некоторые вошли в сборник «Весёлый букет», вышедший в издательстве «Каменяр» в 1978 г. Многие опубликованы в газете «Ленінський прапор».

Н. Жилич – автор целого ряда публикаций в прозе. Это очерки, рассказы, новеллы. Тематика их различная – лемковский быт, лемки-партизаны, фашистская неволя.

Отпечаток лемковского крестьянского быта носит на себе рассказ-очерк «Никифор». Это повествование о художнике-самоучке, проживавшем в Кринице у крестьянина Ивана Петровича Гриняка. После Второй мировой войны

¹ Лічать – считают.

Никифор становится одним из известнейших представителей изобразительного искусства Польши. Этот сын глухонемой нищенки Одохи Дровняк, сам тоже глухонемой, вплоть до окончания войны жил за счёт рисунков и небольших картинок, написанных маслом или акварелью на кусках картона, которые продавал за гроши панам, приезжавшим для лечения на курорт Криницу. Понятно, что денег на пропитание не хватало. Выручали крестьяне. Голодный художник заходил в хату, и тут для него всегда находилась миска супа и кусок хлеба. Во время фашистской оккупации эти же лемки прятали его от немцев, которые могли уничтожить его как человека неполноценного.

Я знал Никифора, бывал вместе со сверстниками первым ценителем его новых рисунков; может быть, удастся рассказать о нём ещё кое-что. А пока спасибо Нестору Жиличу за то, что написал такой замечательный очерк. Он опубликован в газете «Ленінський прапор» за 5 и 10 июня 1971 г.

Тяжёлая жизнь лемков в неволе, их мечтания о свободе, о воссоединении с русским народом отражены в большей или меньшей степени во всей публицистике Н. Жилича. В рассказе «Пошуки пророка» («В поисках пророка») автор повествует о том, как летом 1913 г. группа крестьян по поручению схода отправляется в Поронино на поиски «пророка» – Ленина. Рассказ опубликован в газете «Ленінський прапор» № 128 за 29 октября 1970 г. В документально-правдивом очерке «Ото колись були "права"» («Ленінський прапор» за 17 декабря 1977 г.) описана тяжкая доля крестьянина в бывшей панской Польше. Быту карпатских горцев посвящён лирический очерк «Квітка мужніх» («Цветок мужественных»). Это описание старинного обряда, бытующего в Нижних Бескидах, – посвящения юношей, достигших 18 лет, во взрослые. После свершения такого обряда юноша

становился полноправным членом общества. Но нет счастья у героя очерка, Любомира: он – бедняк и не может жениться на любимой девушке, Антонине. Судьба Любомира – это судьба тысяч и тысяч карпатских юношей, детей бедняков, которые в условиях классового общества были лишены элементарных прав, в том числе права на любовь. Искали они легендарный «цветок мужественных» – эдельвейс, но счастья он им не приносил.

Ряд публицистических произведений Н. Жилича относится к циклу «З днів фашистської нівлі». Часть из них опубликована в сборнике «Пост імені Ярослава Галана» (издательство «Каменяр»), в газетах «Вільна Україна» и «Ленінський прапор». Это рассказы, очерки, новеллы. Они сугубо документальные, материалом для их написания служили реальные события, наблюдавшиеся автором в период оккупации Лемковины немецкими фашистами. Писатель-гражданин выступает здесь как страстный разоблачитель звериного обличия фашизма и предательской роли украинского национализма и униатства в истреблении собственного народа.

Во всех произведениях этого цикла Н. Жилич присутствует не только в качестве публициста как такового, а в качестве публициста-поэта. В большинстве из них – будь это очерк, рассказ, новелла – автор развивает две сюжетных линий – лирическую и общественную. Лирическая – это поэтическое описание чудесной и неповторимой красоты Карпат; общественная – страшных злодеяний фашистов и их подручных, украинских сечевиков с трезубцем на фурражке и свастикой на рукаве. На фоне чарующей природы совершается кровавое преступление против Человека, страдания которого ощущаешь почти физически, когда читаешь рассказы этого цикла.

К циклу «З днів фашистської неволі» слідует отнести документальний очерк «Над Білою рікою». Всё в нём – правда. Все фамилии подлинные. Ни одного вымыщленного лица. И места, где действовали карпатские партизаны, указаны точно.

О судьбе другого карпатского партизанского вождя, Григория Ивановича Водзика, повествует рассказ «Тих днів не змовкне слава», опубликованный в газете «Ленінський прапор» № 3 за 1 января 1970 г.

Водзик погиб в бою 24 апреля 1943 г. на горе Магура. Его памяти посвящено стихотворение Любомира Камьянского (Н. Жилича) «Могила партизана».

30 ноября 1968 г. партизану Водзiku был открыт в Польской народной республике памятник.

О трагической судьбе учителей из местечка Мушина Новосонченского уезда Krakowskого воеводства – сестры и брата Вислоцких (Александры Алексеевны и Мирослава) – читаем в волнующем рассказе «Герої орлиного племені» («Ленінський прапор» № 141 за 28 ноября и № 142 за 1 декабря 1970 г.). Оба подпольщики погибли. Мирослав был расстрелян в 1943 г. в тюрьме Нового Сонча, сестра – зверски замучена в 1944 г. в горлицком застенке.

Рассказ полон страсти и боли. Ведь фашистские палачи пытали и мучили, бросили собакам на растерзание сельских учителей, которые «...не одну слезу вытерли на лице ребёнка-сироты».

Кровью сердца написана лирическая новелла «Три подруги» («Ленінський прапор» № 112 за 22 сентября и № 113 за 24 сентября 1970 г.). Новелла автобиографична. Возникла она под впечатлением автора от концерта лемковского трио сестёр Бойко, передаваемого по львовскому радио. Чудесное пение напомнило ему события тридцатилетней давности.

Тогда он, узник гестаповской тюрьмы в Новом Сонче, тоже слушал пение, но другого трио – трёх девушек, узниц женского корпуса этой же тюрьмы. Это были лемкиня Мариечка, полька Ганя Кужей из Нового Сонча и еврейка из Криница. Начальник тюрьмы Йоганн любил песни, к нему каждый вечер приводили этих девушек и заставляли петь. Грустные песни пели они, но пели чудесно, и в это время тюрьма затихала: узники слушали. Но однажды на заре прогремели выстрелы, и песня оборвалась. Навсегда.

О тяжкой доле горца-бедняка повествует документальный рассказ «Зелена Яворинка» («Ленінський прапор» № 23, 24 за 21 и 23 февраля 1974 г.).

Зелена Яворинка – название горы, что возвышается над речкой Мушинкой. Место чарующей красоты. Но нет счастья у вдовца Сидора, бедняка, отца двух малолетних дочерей. Единственная радость – самодельная скрипка да песни. Ходит отец с дочками от села к селу, веселит сельчан, зарабатывает кусок хлеба. Но нагрянули фашисты, а с ними и приказ: нищих, бродяг и цыган уничтожать! Исполнители нашлись – «жёлто-блакитники» с трезубцем и свастикой. Повели палачи отца и девочек на гору с поэтическим названием Зелена Яворинка, заставили отца копать могилу. Для себя и детей. Сидору удаётся спастись. Услышав отчаянный зов детей: «Тату, де ти?», он бросается с лопатой на полицая, убивает его и, захватив его автомат, расправляется с двумя другими. Уходит с детьми туда, где воля – на Восток.

13 июня 1974 г. в 25-ом выпуске органа литературного объединения при редакции газеты «Ленінський прапор» – «Обрій» – появился документальный очерк Н. Жилича «Як їх называть?» Название очерка – перефразированные слова Ярослава Галана «у них не має імені», высказанные им в адрес украинских буржуазных националистов.

Очерк повествует о зверской расправе украинских сечо-
виков над двумя парнями из Криницы – братьями Влади-
миром и Петром Носалями. В дни фашистской оккупации
братья отправились на поиск партизанского отряда, дейст-
вовавшего, как говорили, в лесах Горлицчины. Ребята попа-
дают в руки провокатора Петрушки, который привел их к
украинским полицаям. Здесь, в селе Снитнице Горлицкого
уезда братья Носали приняли мученическую смерть после
трёхдневных истязаний.

Кровь застыает в жилах, когда читаешь о не поддаю-
щихся представлению зверствах трёх полицаев, когда они
на тела полуживых хлопцев положили борону, на неё доску
и на этой доске отплясывали гопака под националистиче-
ские песни.

Очерк исключительной изобличающей силы. В нём со-
единились раздумья о судьбе Карпатского края и тоска по
нему, и описания его красоты, и трагическая история его
народа.

У меня этот очерк вызвал в душе страшную, непреодо-
лимую боль. Ведь я знал Володю и Петра, дружил с ними.
Они были младше меня, но бывали на наших сборах, слу-
шали наши беседы. Они помогали осенью 1939 г. распро-
странять листовки Карпаторусского Совета. Не предали,
хотя знали многое. Не пойму, почему во время переселения
они не выехали в СССР. Об их судьбе узнал лишь из этого
очерка.

Есть у Н. Жилича очерк, не относящийся к циклу «3
днів фашистської неволі», но продолжающий тему разо-
блачения и осуждения украинского национализма. Это до-
кументальный очерк с поэтическим названием «Гілка ши-
пшини» («Ветка шиповника»), опубликованный в «Ленінсь-
ком прапоре» № 49 от 24 апреля 1976 г. Это рассказ о зло-

деяниях бандеровских банд на Западной Украине в послевоенные годы. Тех самых националистов, которые в пьяном угаре горланили песню:

Прикажет Бандера – отца зарежу,
Сестру изнасилую, брата повешу!
Прикажут – родную мать не пожалею,
Колючей проволокой с радостью задушу

(Перевод мой – П.Ш.)

Вот эти-то ублюдки в г. Оброшине в 1940-е гг. убили 7 человек. О судьбе одной из них, комсомолки Катруси Миклош, и её мученической смерти рассказывает автор. Клеймя позором бандитов, писатель призывает хранить память о жертвах, поставить им памятник в Оброшине. Этого ждёт слепая сестра Катруси, Марийка – единственная оставшаяся в живых из семьи Миклошей. Она хранит ту, сорванную когда-то сёстрами ветку шипшины с восемнадцатью ягодами – парным счастливым числом, – чтобы положить её к подножию памятника.

Заканчиваю своё неуклюжее повествование о поэту-патриоте, певце Лемковской Верховины, Несторе Жиличе. После побега из тюрьмы, казалось бы, доля ему улыбнулась. Он находит любимую работу учителя, пользуется уважением, занимается литературным творчеством. Пишет много, но тут как раз начинается самое страшное для поэта: негде печатать. Никто не заинтересован издавать произведения на лемковскую тематику. Тем более на диалекте. Часть написанного удается напечатать в «Календаре» и газетах «Карпатская Русь» – изданиях Лемко-Союза в Америке, но это – капля в море. А в СССР, точнее в УССР, возможность печататься практически равна к нулю. Спасибо газетам «Вільна Україна», «Ленінський прапор», издательству «Каменяр», которые нет-нет да и оказывали поэту под-

держку. Конечно, ему приходилось всё переводить с диалекта на украинский язык, и надо сказать, делал он это блестяще. Хотя, если задуматься, можно было найти выход – отвести в газетах одну страничку для лемков, своего рода «Лемківську сторінку». В своих письмах Н. Жилич горько сетовал на это безвыходное положение. Горы написанного, в том числе «Антология лемковских поэтов и прозаиков», пылятся в ящике стола.

В своём прощальном предсмертном письме он пишет: «...В моей беде светит мне искра надежды, что всё-таки не-напрасно прожил, хоть маленький, но оставил след в нашей лемковско-карпатской литературе...» И далее: «По причине болезни я не успел упорядочить свои работы так, как хотелось, довести их до читателя; может, в будущем судьба повернёт лицо к нам, кто-то сделает это, и свершатся мои скромные желания».

Н. Жилич страстно, до боли, любил свой родной край – Лемковину. В аллегорическом стихотворении в прозе «Кохана» («Любимая») он сравнивает её с женщиной, которую «...он знал задолго до того, как понял и постиг её разумом. Ещё с колыбельными песнями матери она приходила к нему...». С ней он шёл по жизни, разделял с нею счастье и беду, радость и горе.

Поэт тосковал по Родине, по Карпатам, тосковал до отчаяния, сетовал на то, что политики «матери-Руси» так и не сумели исправить шестивековую несправедливость и освободить Карпатский край от иноземного ига.

О Кринице, себе, друзьях

Криница – знаменитый курорт Польши, расположенный в предгорье Западных Карпат, примерно в 30 км юго-восточнее города Нового Сонча. Южнее Криницы городок Мушина, а там до границы со Словакией – рукой подать.

Славится курорт лечебными минеральными водами. Целебных источников здесь много, у каждого своё имя, некоторые щеголяют именами царственных особ, например, «Источник Марии-Терезы» или «Источник Франца-Йозефа» (до 1918 г. Krakowskie воеводство входило в состав Австро-Венгрии).

Курорт широко известен и за пределами Польши, поэтому сюда приезжают на лечение богачи практически со всех стран Европы.

Привлекает Криница и спортсменов. Относительно мягкий климат, обилие снега, горный рельеф создают хорошие условия для проведения международных соревнований по зимним видам спорта: прыжки с трамплина, слалом, санный спорт, хоккей на льду.

Расположена Криница примерно на высоте 600 м над уровнем моря, у двух рек – Криничанки и Чёрного Потока. Первая протекает с севера на юг, вторая с северо-запада на юго-восток; в районе села Криницы они соединяются и вместе текут на юг, чтобы вливаться в большую реку Попрад, а оттуда в Дунаец и Вислу.

Река Криничанка грязная: она протекает через курортную зону и уносит с собой все её нечистоты. Чёрный Поток, который берет начало у подножья горы Яворина (1116 м от уровня моря), – зеркально чист. В нём водилась даже форель – рыба, которая любит чистую воду.

Места вокруг Криницы живописные. Зелёные холмы, поляны, летом красные от земляники или иссиня-чёрные от

черники, обилие ручейков, источников со щавелевокислой холодной шипящей водой – всё это создаёт прекрасные условия для активного отдыха. Лесов много. Преимущественно это хвойные леса: сосна, ель, смерека, можжевельник. По оврагам вдоль ручейков растут ольха, орешник, тополь. У подножья гор – дуб, ясень, явор (канадский клён), дальше в горах – бук. Самая высокая гора в окрестности Криницы – Яворина. Овеянная легендами, она манит туриста своей красотой и таинственностью.

Фауна представлена сравнительно бедно: куропатка, заяц-русак, белка, серна, куница, рысь. До Первой мировой войны в лесах было много волков и кабанов. В моё время они уже не попадались.

Криница состоит из двух административных единиц – Криница-село (*Krynica-wieś*) и Криница-курорт (*Krynica-zdrój*). Между ними проложена условная граница. Здесь, на этой «границе», периодически появлялись санитарные посты муниципальной полиции, которые проверяли качество молока, поставляемого сельскими женщинами в виллы и отели курорта. Молоко с заниженной жирностью, нестандартное, тут же выливалось в ручей. Это в лучшем случае, а то хозяйку могли и оштрафовать. Хозяйки боялись этой «границы»: как угадаешь, какое молоко у твоих коров? Лактometров у крестьян не было.

До Второй мировой войны в селе Кринице проживало лемковское население. Поляков было всего две-три семьи, две еврейских семьи, на бросовых землях возле Чёрного Потока обосновались цыгане. В курортной зоне постоянно проживающего лемковского населения было около 50 %, другую половину составляли поляки и евреи.

После войны состав населения изменился: евреев и цыган фашисты истребили, лемки выехали в СССР, оставших-

вало из надписи у входа, под покровительством святого Антония. Тут же у входа висело объявление, что в гимназию принимаются лица римско-католического вероисповедания, то есть евреям, русским, русинам, украинцам вход сюда был запрещен. Трагикомедия, да и только. Тем более что профессор Арецкий по происхождению украинец. Но женился на польке, принял католицизм и стал рьяным поляком-шовинистом. Гимназия просуществовала всего два года. Её участь и судьба её питомцев оказались трагичными. В первый же месяц фашистской оккупации группа гимназистов исписала классные доски антифашистскими лозунгами. Об этом узнали германские власти, гимназию закрыли, гимназистов арестовали – среди них и сына профессора Арецкого – и куда-то увезли. Об их дальнейшей судьбе мне ничего не известно.

В начале 1930-х гг. курорт Криница стал быстро расширяться. Популярность его среди лечебниц Европы всё возрастила. Возникла необходимость в развитии инфраструктуры, прежде всего жилья. Начался настоящий строительный бум. То и дело появлялись новые отели и виллы. Строили, правда, летом, зимой стройки замирали, и рабочие оставались без средств к существованию. Благо крестьяне, у которых они снимали жильё, за время безработицы денег с них не требовали: долг возмещался в рабочий сезон.

Крестьяне Криницы жили немного лучше жителей других сёл Лемковского края. Благодаря курорту у них была возможность получать дополнительные доходы. Другие сёла с завистью смотрели на криничан.

Развитие курорта объективно повлияло на становление классового самосознания крестьянина. Появился рабочий класс с его организованностью: профсоюзами, забастовками, маёвками. Хотя первомайские демонстрации в панской

ся польские власти депортировали на север страны, а в их дома вселились поляки.

В селе была большая униатская (греко-католическая) церковь, большое двухэтажное здание священников с большим фруктовым садом, двухэтажная каменная семилетняя школа с деревянным домом для учителей, водяная мельница, две лесопилки, небольшой кирпичный завод, три лавки, одна хлебопекарня. Лечебных заведений в селе не было, роды принимала сельская акушерка, зубы удалял один из крестьян, население часто обращалось к знахарам, а в тяжёлых случаях к врачам города.

Обучение в школе велось по общеобразовательным предметам на польском языке, кроме уроков русинского языка, в последнее время – лемковского, и религии.

Курорт Криница имел хорошо развитую лечебную базу, были созданы все условия для лечения и отдыха как летом, так и зимой. В этом отношении его можно было сравнить с Кисловодском. Различие лишь в том, что в Кисловодске приезжающие размещались в санаториях и домах отдыха, а в Кринице они проживали в частных виллах и отелях, коих было, да и ныне, множество. Кроме того, в Кисловодске в советский период лечились и отдыхали трудящиеся бесплатно или за символическую плату, а в Кринице набиралась сил и здоровья польская и европейская аристократия и буржуазия. Для трудового народа такая «роскошь» была недосягаемой. Но водички можно было попить, если ты достаточно прилично одет. Даже бесплатно.

Курорт имел свой театр, размещался он в большом красивом здании. Пьесы ставились на польском языке. В летний сезон в этом здании ставила спектакли опера из Виль-

но, так называемая «Императорская опера»¹. Имелся ещё еврейский любительский театр, ставивший пьесы на идиш.

В курортной зоне было два культовых здания – красивый римско-католический костёл и построенная из кирпича еврейская синагога. Последнюю осенью 1939 г. гитлеровские молодчики заставили евреев собственными руками разрушить. Практически голыми руками, без каких-либо орудий.

Четыре учебных заведения существовали до 1939 г. на территории Криницы-курорта: одна семилетняя школа, две частные гимназии и школа для еврейских мальчиков (хедер). В школе-семилетке обучались дети поляков и евреев; дети русинов (лемков) посещали сельскую школу, где обучали родному языку. Однако в конце 1930-х гг., когда в стране во властных структурах усилилось влияние польского национал-шовинизма, детям русинов, проживающих на территории курорта Криницы, запретили посещать сельскую школу, лишив их тем самым возможности учиться родному языку.

Гимназии были частными. Первую открыл доктор философии Роман Моленда, своего рода «белая ворона» в буржуазном обществе. «Белой вороной» называю его, потому что он не побоялся открыть двери гимназии для детей крестьян и рабочих любой национальности. Социалист по убеждению, он оказал большое влияние на нас, гимназистов, проповедуя уважение к трудовому человеку. Гимназия просуществовала до начала войны. Уже после войны я узнал о трагической судьбе этого мудрого, высокообразованного человека: он умер от голода во время фашистской оккупации.

В 1937 г. открыл свою гимназию профессор Арецкий, крупный ученый-славист. Называлась эта гимназия «Providentia» («Провидение») и находилась, как это явство-

¹ Город Вильно (или Вильнюс) до 1939 г. принадлежал Польше. «Императорская опера» – это опера эмигрантов из России.

Польше были запрещены, но такие акции, как сбор на улицах пожертвований в фонд пролетариата или первомайские митинги в закрытых помещениях, власти запретить не решались. Вспоминается, как в один из первомайских дней нам, гимназистам, по дороге в гимназию активистки рабочего движения прикрепили к курткам красные гвоздики. Мы гордо шли с этими символами борьбы рабочего класса до здания гимназии. У входа пришлось снять гвоздики: попросил директор.

Словом, с появлением рабочего класса в Кринице ослабло межнациональное противостояние, усилилась солидарность трудового крестьянства и пролетариата.

Семья моего дяди, Михала Шевчика, в которой я рос и воспитывался, проживала в селе Кринице. До сих пор перед глазами та первая деревянная, крытая гонтом хата с двумя большими и двумя маленькими комнатами да земляным полом. Хата была ветхой, дядя построил новый деревянный дом, поближе к тракту, а в старой некоторое время проживала семья сапожника Михаила Селезня. Михаил был сапожником средней руки, новой обуви делать не умел, а старые башмаки чинил добросовестно. Зарабатывал он мало, потому что по призванию был артистом, страстным поклонником театра и большую часть времени уделял расписыванию ролей, переводу украинских или лемковских пьес, поступавших к нам от «Лемко-Союза», на польский язык да репетициям театрального кружка при местной читальне. Это был незаурядный, талантливый, грамотная человек. Я часто ещё ребёнком забегал к нему, нарезал ему буковые шпильки, которыми в то время прибивали подметки, а он читал вслух роль какого-нибудь персонажа их пьесы. Позже, уже повзрослевшим, участвуя в спектак-

лях, я не переставал удивляться режиссерскому и артистическому таланту этого сапожника-неудачника.

Бросил Михаил Селезень своё ремесло, перебрался в город, нашёл работу рассыльного в сберегательном банке, но от театра не отступил. Городской театр курорта приобрёл в его лице талантливого актёра.

Новый деревянный дом был красивым и светлым. В двух больших и двух маленьких комнатах вполне могла разместиться наша большая семья, да вот беда – деньги нужны. Приходилось половину дома сдавать квартирантам. Семья ютилась в двух комнатах – большой и маленькой. Работник (батрак) летом спал на сеновале, зимой в коровнике на нарах.

С двух резных балкончиков дома можно было наблюдать суету единственной и потому главной улицы прикурортного села. Ранним утром видишь вереницу бричек с тюками и сидящими на них еврейскими купцами, отправляющимися на ярмарку в Мушину, с покрывалями в белую и черную полосы на плечах и деревянными колодками на лбу. Купцы усердно молятся, тела их в непрерывном движении вперед-назад, вперед-назад, вправо-влево, вправо-влево, губы шлют к Яхве просьбы об удачном гешефте.

Летом торжественно проследует по улице открытый лимузин, а в нём красавец-цыган в безукоризненно сшитом по последней моде костюме с бело-красной лентой через плечо, с надписью «Михал Квек – король цыган всей Польши». Король рукой приветствует зевак, в то время как его придворные дамы и кавалеры наслаждаются отчаянной пляской.

В мои детские годы с нашего балкончика зимой можно было лицезреть живую легенду Речи Посполитой – маршала Юзефа Пилсудского. «Дзядусь» (дедушка) – как его с лю-

бовью называли патриоты – покидал иногда палаты варшавского Бельведера, приезжал в Криницу подлечиться, а заодно поглядеть на провинцию. Ездил он в открытых санках, при полном параде без какой-либо охраны, с одним лишь адъютантом.

Любил я эти балкончики в доме № 78.

В этом доме прошло моё детство, отрочество и юность. Случилось так, что у мамы создалась новая семья и она стала жить в курортной зоне, а я остался на попечении её брата. Да ещё бабушки, которая меня очень любила и очень баловала. Небезоблачной была судьба этой прекрасной женщины. Происходила она из села Мохначки. Овдовев, вышла замуж за моего деда Антона Шевчика, тоже вдовца, на руках которого осталось пятеро детей. Её собственные дети уехали искать доли в Америку. Приёмные выросли, Михал прозябал в итальянском плену, Андрей скитался где-то по Чехословакии, убежав от призыва в польское войско, дочери повыходили замуж, и тут умирает дедушка Антон. Бабушка овдовела вторично. Единственной отрадой для неё стал я. Меня-то она и лелеяла, и оберегала, ухитрялась одеть и обуть ещё спящего, когда мне надо было ранним утром уходить на пастбище. Всё ей казалось, что тётя и дядя меня обижают (чего никогда не бывало) и ссорились с ними. Два, а то и три раза в год получала письма из Америки от детей, а в них два-три доллара. С долларами я бежал в город, в Сбербанк для размена, покупал бабушке «ледяной сахар» от кашля, начиналось угощение. Святая была женщина. Похоронили её рядом с могилой дедушки, рядом дядя Михал посадил ёлочку, у меня до сих пор перед глазами эти могилы.

Детство моё прошло в доброй, дружной, трудолюбивой семье. Оно ничем не отличалось от детства сотен и сотен де-

тей карпаторусской семьи среднего по тем меркам достатка. Мы рано познали труд. До восхода солнца вставали шестилетние пастухи и, перекинув через плечо торбу с завтраком (обычно хлеб и сало), гнали свои стада на пастище. Надо было торопиться, особенно ученикам. Занятия в школе начинались в 8 часов, за опоздание на урок наказывали. Я часто опаздывал: жалко было отрывать коров от сочной травы, да и не так просто это было сделать. Вот и доставалось. Приходишь в класс, становишься на колени возле кафедры, крешишься, шепчешь «Отче наш», протягиваешь руку и получаешь прутом или линейкой положенное по ладошке. В те времена первый урок всегда начинался с молитвы; никаких икон в классах не было, молились на портрет президента или белого на красном поле орла – герба Речи Посполитой.

Пастушки будни мне нравились. Никто тобой не понукает, хочешь – носишься со сверстниками по лесу, хочешь – приляжешь у костра, рассказ старшего пастуха послушаешь, взгрустнёться – на «пищалке» (свириели) или губной гармошке поиграешь, песенку затянешь. Песен пели много – лемковских, украинских, русских, польских, словацких, даже цыганских...

А сколько радости получаешь от общения с лесными обитателями! Всякий раз открываешь что-то новое – новое гнездо, новую беличью семью; стадо косуль выбежит на полянку с рогатым самцом во главе, заяц прошмыгнет мимо тебя, а над головой высоко в небе плывет орлиная пара. Радостно и легко на душе! Бывает, правда, и страшновато. Особенно в тех местах, где водится «нечистая сила». Например, в лесу с названием «Шалене» («Бешеный»). В нём «водит», попадёшь туда – не выберешься. Надо идти за скотиной – она выведет тебя на дорогу домой: на коров колдов-

ство не действует. А когда будешь на поляне Щавична, то остерегайся лесных русалок, они живут неподалеку в овраге и выходят оттуда в дождливую погоду. Увидишь такую в белом, перекрестись и громко произнеси: «Помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его!» Русалка и убежит. А услышишь, как кто-то кричит: «Ксту! Ксту!»¹, так знай – это душа ребёночка, который умер без крещения. Набери тогда из ручейка водички, покропи ею в ту сторону, откуда слышишь просьбу, и произнеси: «Крещается раб божий Павел или раба божья Мария во имя Отца и Сына и Святого духа; аминь». Так напутствовала меня тётя Ксандра (Александра), отправляя на пастище. Разумеется, никаких привидений и лесных русалок я не встречал, и не «водило» меня, и томившихся душ не крестил, но какая-то боязнь перед таинственным долго меня не покидала, пока не повзросел.

Тяжёлым было детство лемковских детей. Рано появлялись на их ладошках мозоли, а на пятках жгучеболезненные ссадины. Бегать-то приходилось, как правило, босиком. Ненадолго хватало лаптей из сыромятной кожи, они быстро протирались на горных каменистых стёжках. Ботинки стоили дорого, и их надевали лишь по праздникам. Мне, правда, повезло: я считался полусиротой и один раз в два года получал от благотворительного общества пару юфтовых башмаков и пару штанов из «чёртовой кожи» – разновидности грубой материи. Священник выдавал мне красивую бумагу с надписью золотыми буквами «*Testimonium paupertatis*». С этой дорогой бумагой я отправлялся в город в магистрат, где мне вручали башмаки и портки, а в ближайшее воскресенье я гордо шагал в обновке в церковь. Смущало лишь, что штаны при ходьбе шуршали – шир-шир, шир-шир... А что такое «*Testimonium*

¹ Ксту! – Крещения!

раупертатис», я в то время не знал. Узнал позже, когда учил латинский язык, что означает это «Свидетельство о бедности». Так, уже в детстве я получил документ, причисляющий меня к сословию бедноты. На классической латыни! Золотыми буквами...

И всё же, несмотря ни на что, вспоминаешь детство с какой-то щемящей грустью. Вспоминаешь вечера, когда в избе собирается вся семья, приходят соседи, каждый чем-то занят, дядя строгает гонты для крыши или шьёт лапти для всего семейства, прекрасные лапти; женщины прядут льняное волокно, а бабушка наматывает нитки из веретена на «мотовило» и считает «один, два, три... семнадцать», дальше почему-то «без двух двадцать», «без одного двадцать», потом – «двадцать один»... и опять «без двух тридцать» и «без одного тридцать» (вместо «двадцать восемь» и «двадцать девять»). Я удивляюсь, где бабушка научилась так странно считать. Нигде больше, ни в одном известном мне славянском языке, такой манеры счёта я не встречал. И только позже узнал, что так считали древние римляне. В латинском языке числа 18, 19, 28, 29, 38, 39 и т.д. называются duodeviginti, undeviginti, duodetriginta, undetriginta, duodequadra-ginta, undequadraginta, что в переводе, соответственно, «без двух двадцать», «без одного двадцать».

По-своему бабушка считает и нити: 36 ниток связывает в «пасмо», а 16 пассм в «локоть»; «локоть» снимает с «мотовила», связывает его в какую-то хитрую косичку и вешает на колышек в каморке.

И вот в один из зимних дней дядя выносит из чердака какие-то детали из букового дерева, возится с ними, прикладывает, и через час в избе вырастает ткацкий станок с двумя педалями («лапами»), валиками, шестерёнками – всё из бука, скреплённое деревянными штырями. Нам, детворе,

поручается интереснейшее дело – с большой крестовины размотать нитяной «локоть», намотать на коловороте нити на катушки, а с катушек на маленькие «шпульки», которыми заряжается ткацкий челнок. Тётя садится за станок, заправляет нить, ногами нажимает педаль и рукой перебрасывает челнок – слева направо, справа налево. Челнок бегает, нить ложится на основу, рождается полотно. Чудо! А ноги и руки в беспрерывном движении, каждый шаг на педали – это прирост полотна на величину, равную толщине нити. Сколько таких шагов приходится сделать крестьянской труженице, дабы соткать десятки и десятки метров льняного полотна!

Только сейчас, по истечении десятилетий, оглядываясь на пережитое, я могу по-настоящему оценить и осознать, сколь тяжела была жизнь лемковской крестьянки тех времён, какое огромной тяжести бремя несла она на своих плечах. В то время, время детства, мы не замечали этого: у нас были свои заботы и свои радости.

Радостью для нас, детворы, бывала встреча с Никифором – глухонемым художником-самоучкой. Заходит он в хату, этот немолодой уже, среднего роста человек, одетый в чёрный потёртый костюм и белую рубашку с неизменной чёрной засаленной «бабочкой», как-то робко, стеснительно. Садится на лавку, снимает свою вечную чёрную шляпу и открывает, пока тётя готовит ему еду, маленький ящичек. Это для нас, малышей. И начинается чудо. Никифор вынимает из ящичка «малюнки» (картинки), яркие, весёлые, написанные маслом или акварелью. Детвора радуется, восторгается, обсуждает, Никифор доволен, под короткими чёрными усиками вспыхивает улыбка, глаза теплеют. Для него это счастье – его рисунки нравятся, приносят радость, пусть пока детям. Со взрослыми не так: они смотрят «малюнки» и ста-

раются угадать, какая это церквушка или костёл изображены на рисунке, но восторга Никифор не замечает, глаза его становятся грустными. Он пытается объяснить, но понять его трудно: он не может произнести слова полностью, пропускает целые слоги, некоторые звуки искажает, ведь он – глухонемой. По-видимому, когда-то в детстве он жил (а это могло быть ещё до Первой мировой войны) в заведении для глухонемых детей, скорее всего, при католическом монастыре, потому что свои рисунки подписывал по-польски, но писал так, как говорил, пропуская целые слоги. В том же заведении он, вероятно, познал азы рисунка. Достоверных сведений об этом нет, это только моё предположение. Не помню, ставил ли Никифор автограф на рисунке.

Мы, дети, да и взрослые, кто с ним долго общался, понимали этого глухонемого косноязычного художника.

Писал обычно Никифор на небольших, размером в 40 × 30 см кусках картона. Предпочитал краски яркие, сочные. Излюбленная тема – церкви, костёлы, каплицы, их фрагменты, интерьер, какой-нибудь уголок села, домик в деревне. Людей изображал редко. В начале 1940 г., когда многие лемки из Криницы покидали родное село, уезжая в СССР, Никифор дарил им «на память» рисунки с изображением их хат. Много позже я узнал, что эти рисунки разыскивали лемки-эмигранты, проживающие в США, предлагали за них большие деньги. Но это было позже, намного позже, а пока мы, дети, стояли возле художника, разглядывали его картинки, удивлялись, восторгались.

Никифор доволен. А тётя тем временем ставит на стол тарелку с борщом, кладёт металлическую ложку, хлеб, зовёт художника кушать. В те времена мы все ели с миски и деревянными ложками. Для Никифора делают исключение: ему подавали тарелку и ложку металлические, иначе

есть не будет: «Я – пан!». Никифор обычно не побирался, жил за счёт рисунков, которые продавал курортникам, но, если денег не было, заходил в крестьянскую хату. Хозяйка уже знала: раз пришёл Никифор – значит, голоден, старалась накормить его. Просить же он – никогда не просил.

Сведения о детстве Никифора весьма скучны. Матерью его была нищая женщина из села Поворозника, что возле Криницы, по имени Одоха. Тоже глухонемая. В одно время она жила с нищим по фамилии Дровняк. Считали, что он мог быть отцом Никифора, но это лишь предположение. Когда мальчик подрос, Одоха перебралась с ним в село Криницу, где их приютил лемковский крестьянин Иван Петрович Гриняк. В этой семье Никифор проживал и после смерти матери.

На становление Никифора как художника оказал большое влияние художник из Львова Роман Турин, находящийся на лечении в Кринице. Он первый обратил внимание на глухонемого, угадал в нём самобытный талант и некоторое время направлял его творчество.

В годы фашистской оккупации Никифор оставался в Кринице. Местные крестьяне – Иван Гриняк, семьи Громосяков, Русиняков – помогали ему выжить, прятали от фашистов¹.

Последний раз я видел Никифора осенью 1939 г. И вот неожиданная встреча. На сей раз – заочная. В 1964 г. в одном из кинотеатров Веймары (ГДР) я смотрел документальный фильм об изобразительном искусстве Польской Народной Республики. Каково же было моё изумление, когда один из кадров был посвящен ему – Никифору! Он ничуть не изменился, такое же лицо, грустное, задумчивое, с таки-

¹ Эти сведения о Никифоре я заимствовал из очерка Нестора Жилича «Никифор», опубликованного в газете «Ленінський прапор» от 5 и 10 июня 1971 г.

ми же усиками, как у Чаплина. И картина, над которой он работал, тоже до боли знакомая. Оказалось, что Никифор – величина европейского масштаба, проживает в Варшаве, его картины выставлялись во многих салонах не только Польши, но и Европы и даже Америки. Разумеется, с того счастливого для меня вечера я постоянно следил за публикациями в польской прессе о своем земляке из Карпат такой удивительной судьбы. Радовался на сей раз его счастью. Но недолго. Из газеты «Trybuna ludu» узнал, что 10 октября 1968 г. Никифора не стало.

Удивительно свойство человеческой памяти. Из-под залов событий, фактов, впечатлений, сведений, слов, лиц, звуков она вдруг высовчивает что-то совершенно незначительное, с точки зрения другого человека – пустячное, но для тебя очень важное, вечное. Казалось бы, что особенного в том, когда я мальчишкой гонялся на лужайке за сереньким зайчиконком. Зайчиконок был маленький, быстро бегать не мог и, выбившись из сил, присел в какую-то ямку. Я уже было протянул руки, чтобы его поймать, но, увидев, как он дрожит от страха, ушёл. Стыдно стало, наверно, ужасно стыдно, раз я запомнил на всю жизнь и это утро, и лужайку, и дрожащего зайчиконка. Навсегда запоминаешь то, что с тобой случилось в состоянии какого-то аффекта, восторга или возмущения. Пушкинскую поэму «Полтава» я прочел впервые, будучи учеником 6 класса гимназии. Красота и благозвучие стихов так потрясли меня, что тут же после двукратного прочтения запомнил «Посвящение»: «Тебе – но голос музы тёмной...». И не только стихотворение, но и тот яркий июльский день, и то место на вырубках, и даже тот пенёк, на котором сидел, читая поэму. Всё это живо перед глазами, как будто было вчера. (Поэму читал в лесу, где пас коров.)

И ещё об одном событии, оставившем вечный след в душе ребёнка, хочется рассказать. Мне уже шесть лет, знаю – в этом году должен пойти в школу. Конец лета. Мы с Мишой Грабом уже пригнали с пастища коров, играем на брёвнах. Скучно что-то стало. Миша говорит: «Пойдём в школу, запишемся в первый класс». И пошли, никого не спросив, без каких-либо справок, прямо к директору: «Учиться хотим!» Директор засмеялся, расспросил об имени и фамилии, возрасте, умении считать (мы с гордостью просчитали до 10) и, получив искренние заверения в хорошей учёбе, «записал» нас в ученики. Да ещё подарил по два яблока. Так без всяких формальностей мы – школьники. Да ещё с подарком! Позже, как и всякий человек, я получал множество разных подарков, большинство из них позабыл, но эти два золотисто-красных яблока, полученных от директора, пана Суходольского, я не забуду до конца дней своих. Это был подарок найдрагоценнейший. И этого счастливейшего для меня дня записи в школу не забуду. И добрую улыбку директора школы вижу и сегодня.

Большого сердца был этот стройный, всегда подтянутый, безукоризненно одетый, седоусый учитель. Своих детей у него не было, и он находил счастье в общении с нами, мужицкими детьми. Поляк по происхождению, он редко разговаривал с нами по-польски, чаще пользовался украинским языком, а то и лемковским диалектом. Население обожало его. К сожалению, мне не пришлось учиться у него: он работал в классах постарше, да и то недолго. Однажды директор Суходольский пришёл к нам во второй класс, стал о чём-то рассказывать и вдруг закашлял. Достал из кармана белоснежный платок, сплюнул в него, посмотрел и спокойно продолжал беседовать. А сплюнул-то он кровью,

я это видел, знал, что это – чахотка. В том году он перестал бывать в классах, а вскоре мы попрощались с ним навсегда.

Пришли нам нового директора, тоже поляка. Но это был уже совсем другой человек: мужиков презирал и высмеивал, хотя, судя по фамилии (Юзеф Хмель), сам вряд ли был дворянского происхождения.

В школу ходил я с удовольствием. Мне нравилось бывать в этом добротном двухэтажном кирпичном здании, ещё «австрийской» постройки, со светлыми классами, изразцовыми печами, кафедрами учителей и длинными, на 4 человека, до блеска отполированными штанами многих поколений партами. Нравился школьный сад, заложенный ещё директором Суходольским, ухоженный, благоухающий цветами и манящий чудными яблоками.

Нравилось забираться на чердак, разбирать всякий хлам, бумаги, протезы рук и ног (в Первую мировую войну в школьном здании был госпиталь), книги. Здесь я подобрал две книжечки на немецком языке, напечатанные готическим шрифтом: одну о Китае, вторая – рассказы Конан Дойла о Шерлоке Холмсе.

Любил я эту школу, несмотря на строгие порядки и телесные наказания. В моей жизни она сыграла огромную роль. С неё началось становление меня как личности, человека, решившего посвятить себя служению социальному и политически угнетенному карпатскому народу.

В пору ранней юности многие пытаются сочинять стихи. Я тоже делал такие попытки, хотя поэт из меня не вышел. Наплёт виршей, да и тут же забыл. И хорошо, что забыл: нечего отягощать память незрелыми поделками. Но об одном стишке жалею, что запамятаовал. Помню лишь первую строчку: «Для тебе народ мій, жити я прагнү...» (Для тебя, народ мой, жить я жажду). Этую искорку любви к на-

роду зажгли во мне те шесть лемковских учителей, которые учили меня с первого по шестой класс. Это были учителя-подвижники, которые оказывали благотворное влияние на учеников не только на уроке, но и во время общественной деятельностью среди крестьянской молодежи. А давалась им эта деятельность нелегко: приходилось оглядываться на власти, которым далеко не по вкусу было проявление общественного сознания у русинов. Можно было и без куска хлеба остаться. В то время – эпоху бесшабашной полонизации русинского и украинского населения панской Польши – требовалось мужество для того, чтобы рассказывать детям о предках, история которых начиналась в недрах Древней Руси. Иногда приходилось прибегать к хитрости. Так, учительница Трохановская, образованнейший человек, решила обучить нас, учеников четвертого класса, переплётному делу. Получив от директора согласие, она, наряду с нужным для переплёта материалом, приобрела где-то несколько экземпляров «Истории Руси» автора Дуда. Это были толстые, в 1000 страниц книги, напечатанные на малороссийском (украинском) языке, без обложек, ещё не разрезанные и не переплетённые. Приводя эти книги в порядок, ученики, конечно, читали их. Так впервые я познакомился с историей своего народа: от Древней Руси – до Первой мировой войны. «История Руси» написана кровью сердца. Автор не холодный наблюдатель-аналитик, а человек страстный, разделяющий и горе, и радость народа, о судьбе которого повествует. Он обращается не только к рассудку и разуму читателя, но и к его сердцу. Я, ученик четвёртого класса, читая «Историю Руси» Дуды, не только радовался и восхищался подвигами предков, но и плакал. Плакал, когда узнал о княжеской междоусобице, привед-

шёй к распаду государства и иноземной неволе. До сих пор помню строки из «Истории Руси» о том смутном времени:

Взяли мене поломали
И в пучочки пов'язали.
Така доля моя.

Прочитав «Историю Руси», я стал по-другому оценивать себя и свой народ. У меня окрепло чувство национального достоинства. Спасибо замечательной учительнице Трохановской, сестре коммуниста-подпольщика Сергея Дуркота, за то, что дала мне такую книгу. Впрочем и за всё многое, что она сделала для меня и после окончания школы.

Время шло, и сельская община стала задумываться над моей судьбой. Парнишка, мол, работящий, старательный, а будущего нет: нет ни клочка земли, и не предвидится. Дядю Михала собственными детьми бог не обидел, у отчима желающих заполучить клочок земли тоже хватает: Петру светит судьба батрака. Ему нужно ремесло. Портняжное, например. Будет свой портной в селе. С затеей ничего не вышло: еврей-портной, который обшивал мужиков, ладил им нехитрую рабочую одежду из домотканого сукна, запросил слишком дорогую плату за учёбу.

Появилась, к счастью, другая возможность. На сей раз мне была уготована стезя скульптора. В селе появляется некто Жароффé, поляк по национальности, француз по фамилии, художник по призванию. Он открывает при сельской школе класс скульпторов, набирает желающих. Обучение бесплатно. Класс оборудован прекрасно: верстаки, токарный станок, разные молоточки, пилки, стамески, долота – всё, что нужно для творчества. Да ещё доски из дерева разных пород, начиная с местных – липы, явора, клёна, букса, дуба, кончая заморскими – красным и чёрным.

Сам Жароффé подобен колдуну. На твоих глазах из чурбака вырезает головы и фигурки местных горцев – смешных, печальных, весёлых, хитрых, злых и добрых. Приезжающие в Криницу курортники и туристы раскупают их нарасхват. Жароффé доволен.

В классе скульпторов занималось около 20 мальчишек, по-настоящему одарёнными были человек 5, остальные – балласт, в их числе и я. Сработав какую-то пепельницу в виде яворового листа, я рас прощался с мастером, действительно талантливым скульптором, потому что на горизонте появилась гимназия, первая в Кринице.

А скульптурный класс просуществовал ещё некоторое время; Жароффé почему-то запил, приходил на работу на веселе, распевал какой-то шлягер, всегда один и тот же, а вскоре и совсем закрыл свою школу. А жаль. Хотя бы ради тех пяти талантливых крестьянских хлопцев. Впрочем, некоторые из них стали хорошими скульпторами.

Почему запил Жароффé, этот всегда уравновешенный и талантливый наставник, – неизвестно. Может быть, потому, что в Кринице появился знаменитый на всю Польшу скульптор Ярош и Жароффé позавидовал его славе.

А Ярош прибыл в Криницу зимой, чтобы создать на главной площади курорта ансамбль из ледяных скульптур. С этой задачей он справился блестяще! В короткое время на Дептаку (так называлась площадь) появились одиночные и групповые скульптуры: «Рождество Христово», Ганди Махатра («Великая душа») с любимой козой, император Эфиопии Хайле Селассе I под зонтиком. Это было время увлечения молодежью философией М. Ганди и время протesta передовых слоев интеллигенции против захвата и по-рабощения Муссолини Эфиопии (Абиссинии) – единствен-

ного остававшегося независимым государства на африканском континенте.

Мне пришлось наблюдать, как работал скульптор Ярош – человек, казалось, отрешённый, хмурый, одетый в чёрное, в чёрной шляпе демагога. Один-два удара топориком (он работал топориком) – и из ледяной глыбы вырисовывается фигура человека или животного.

Жизнь этого человека оборвалась в печах Освенцима.

Итак, после окончания шестого класса в моей судьбе случился резкий поворот: я поступил в третий класс местной, только что открывшейся гимназии. Гимназия была гуманитарного типа. Физико-математические дисциплины изучались в ней в меньшем объёме, чем в гимназиях соответствующего профиля. От классических же гимназий она отличалась тем, что в ней не преподавался древнегреческий язык, да и программа по латинскому языку была немного сокращена.

Гимназия была частной, «без прав»: выдаваемые ею документы не имели юридической силы. Учащимся приходилось после окончания каждого класса уезжать в город Новый Сонч для сдачи экзаменов. Это было настоящей пыткой: в течение двух дней нужно было сдать экзамены по всем изучаемым в классе предметам: в первый день письменно, во второй – устно. Особенно изматывающим был первый день, ведь приходилось сдавать иногда по три-четыре письменных экзамена, например, по польскому, по латинскому, по немецкому языкам и по математике. Никаких экзаменационных комиссий на переводных экзаменах не было, система экзаменационных билетов тоже не практиковалась. Устный экзамен проходил в форме беседы ученика с преподавателем: он задаёт вопросы – ты отвечаешь. Времени на подго-

товку к ответу не давали. Понятно, что при такой системе наши ответы выглядели далеко не блестящими.

После первого экзамена наш любимый директор был очень расстроен. Но не результатами экзаменов, а нашим неуклюжим поведением за столом во время обеда в ресторане. Он не подал виду, но после возвращения в родную гимназию продемонстрировал, как мы ели, как держали в кулаках вилку и судорожно пытались разрезать непослушным ножом отбивную, как иной ухитрился есть ножом, а не вилкой, и пить чай, не вынимая ложечки из стакана. Всё это он изображал очень наглядно, а сынки и дочери буржуев злорадно хихикали. Нам, мужицким детям, было очень обидно: откуда мы могли знать, как пользоваться вилкой и ножом и как вытираять рот.

Но директор, человек дела, тут же составил и отпечатал правила поведения за столом (да и поведения вообще), велел вклеить вкладыши в дневники и выучить этот «культурный минимум». Он находил время и для соответствующей практики. Спасибо ему, удивительному учителю-социалисту, доктору философии!

За учёбу в гимназии надо было платить, и немало: в зависимости от материального состояния – 15–25 золотых в месяц. С меня брали 15. Но и эти золотые ложились тяжким бременем на скучный бюджет дядиной семьи. Ведь год учёбы стоил 150 золотых, столько составлял годовой заработок батрачки у богатого крестьянина. Не видать бы мне гимназии, если бы директор не достраивал виллу и дядя Михал не привозил ему стройматериалы. Так он своим горбом расплачивался за мою учёбу. Собственным детям образования дать не смог.

Я, конечно, старался внести свою лепту, чем мог: давал уроки ленивым гимназистам, по воскресеньям работал сче-

товором в крестьянском кооперативе «Прогресс», но денег всё равно не хватало. С тревогой ждал первого числа месяца, когда директор заходил в класс и шевелил пальцами, показывая: «Надо платить!». Однажды в такой несчастный день, когда в доме не было ни гроша, и у родственников занять было нечего, и мне угрожало исключение из гимназии, родились отчаянные строки, почему-то на немецком языке:

O mein lieber Kamerad
Tu' etwas Gut' für mich!
Du bist ja ein reicher Mensch
Ich bin leider unglücklich.

И сегодня испытываю чувство стыда за эти унизительные строки. Хорошо ещё, что никому их не показал. До чего же может довести бедность!

Учёба давалась мне легко. На родительских собраниях хвалили. Дядя Михал эти собрания посещал с удовольствием. Ещё бы! Сидеть мужику среди панов, когда хвалят твоего племянника, а панычей, как правило, бранят!.. Возвращался он с собрания в приподнятом настроении, частенько навеселе, с каким-нибудь нехитрым для меня подарком. Я тоже был доволен. За то, что удалось принести хоть несколько минут счастья этому замечательному человеку – Михалу Шевчику.

Гимназия, несмотря на её молодость, почти полное отсутствие оборудования и лабораторий, при нехватке квалифицированных преподавателей естественных дисциплин дала мне очень многое. Она, по сути, предопределила мою судьбу. Ведь тот факт, что я почти через 7 лет после окончания гимназии, пережив перипетии войны, смог работать учителем иностранных языков в школе, а через 15 лет преподавать в педагогическом институте латынь, – это заслуга скромного заведения в далёкой Кринице.

товарной продукции, оно «съедало самоё себя». Единственным продуктом, который крестьянки приносили в кооператив, были яйца. Закупать же продукцию, требующую переработки (свиней, телят), кооператив не мог, поскольку у него не было своих складских помещений. Не реализовалась и вторая задача – продавать крестьянам продукты и товары первой необходимости по более низким, чем у частника, ценам: конкуренция была жёсткой.

Кооператив с самого начала был обречён на прозябанье. Основанный на паях вкладчиков, он не имел исходного капитала, необходимого для противостояния конкурентам-частникам. Несмотря на то, что расходы на его управлении были минимальными (зарплату получали лишь председатель правления, продавец и символическую – счетовод), приходилось прибегать к векселям. Наличных денег для закупки товаров всё не хватало. Положение усугублялось ещё и тем, что покупатель был бедным, приходилось отпускать товар в кредит, причем беспроцентный. Нужно было «вертеться». За время работы в кооперативе появились на висках первые седые волосы. Это в 19-то лет. Но работу я любил. Открывал магазин обычно в 7 часов, летом раньше; закрывал в 23 часа. Воскресные дни – выходные. Получал 40 золотых в месяц. На такую сумму можно было купить 38 кг сахарного песка.

Но кооператив – это не только магазин. По вечерам сюда заходила молодёжь, заходили и люди постарше: посудачить, потолковать о разных делах, чаще всего о политике. Бывали среди посетителей и крестьяне, которым надо было помочь написать прошение властям о снижении налога или штрафа. Сочинял такие прошения я, а чиновники, к которым они попадали, наверное, животы надрывали от смеха: столько в этих просьбах было слёз и стенаний. Я же

Однако из сказанного не следует делать вывод о том, что учащиеся польских гимназий получали более широко образование, чем учащиеся средних школ в Советском Союзе. Наоборот. В этом я убедился, когда познакомился с работой советских школ. Для советской школы характерна фундаментальность, умение проникнуть вглубь изучаемого предмета, умение анализировать те или иные явления или события, с которыми знакомится ученик. Этими умениями выпускник советской средней школы выгодно отличался от выпускника польской гимназии.

Но есть один предмет, который является «ахиллесовой пятой» советской средней школы, – иностранный язык. При обучении этому предмету в советской средней школе несопротивленно большое внимание уделялось образовательной стороне, изучению теории, грамматического строя языка. А ведь иностранный язык – предмет особый: чтобы им овладеть, нужна не теория, а практика, то есть формирование разговорных навыков и умений. Это должно быть основной задачей общеобразовательной школы при обучении иностранному языку. Но для практики времени учителю не хватало – из-за стремления вооружить ученика теоретическими знаниями.

О судьбе большинства моих друзей по гимназии ничего не знаю. Удалось ли кому-нибудь продолжить учёбу – неизвестно. Разве только детям из буржуазных семей, да и они смогли проучиться от силы год-два: вскоре началась Вторая мировая война, высшие учебные заведения на оккупированной немцами территории Польши были закрыты. Гимназисты из крестьянских семей вернулись к плугу.

Я остался не у дел. Земли у меня не было, по-прежнему жил в семье дяди, помогал, чем мог, по хозяйству, но совесть мучила. Чувствовал, что становлюсь обузой для семьи,

хотя никто меня ни в чём не попрекал. Найти хоть какую-то работу было невозможно: в стране – безработица. По пропекции родителя одного из моих бывших учеников мне удалось получить место служащего в местном филиале туристического бюро «Орбис» с трехмесячным испытательным сроком, но без содержания. Работа несложная, я быстро стал ориентироваться в соответствующих справочниках, обслуживал туристов и спортсменов, говорящих на русском или немецком языках. На работу являлся исправно, с нетерпением ждал вызова в Варшаву в центральное отделение «Орбис» для сдачи экзамена и получения аттестата кадрового работника фирмы, а с ней и права на зарплату. И дождался. В конце третьего месяца стажировки шеф вызвал меня к себе и показал телеграмму из Варшавы. Читаю и глазам не верю: «Пана Шевчика уволить». В телеграмме предлагалось оформить на работу с трехмесячным испытательным сроком без содержания другого «пана» (фамилия указана), окончившего два курса университета.

Опять поиски работы. К счастью, недолгие. Предлагают место продавца в кооперативе «Прогресс», в том самом крестьянском кооперативе, где я ещё гимназистом по вечерам приводил в порядок деловую переписку и бухгалтерские дела. Кооператив влакил жалкое существование. Идея его создания была благой: во-первых, крестьянину предоставлялась возможность сбывать свою продукцию на более выгодных условиях, чем это предлагал перекупщик, и, во-вторых, необходимые крестьянину товары продавались в кооперативе по более низким ценам, чем в частных магазинах. На практике, однако, обе эти задачи осуществить оказалось невозможным. По целому ряду причин крестьянское хозяйство, даже с 20 га земли, в условиях Северного Прикарпатья не в состоянии было произвести сколько-нибудь

не юрист. Конечно, крестьянин мог обратиться к адвокату – их в Кринице была уйма, – он бы изложил просьбу по всем правилам юриспруденции, но адвокату надо платить, а Петро сочинит бесплатно да ещё с большущим удовольствием. Вот так и получалось: вручают мужу извещение на уплату штрафа, а жена советует: «Іди до Петра!» Говорили, что сочинённые мною прошения помогали.

Работа продавца интересна. Интересна, прежде всего, общением с людьми. Кооператив был расположен в городской черте, у границы, разделяющей село Криницу и курорт. Район бедный, заселённый крестьянами, мелкими чиновниками и рабочим пролетариатом. Бедным был и покупатель. Бедным, но своеобразным. Кто только не захаживал в кооператив! Приходил сельский люд со своими радостями и бедами; постоянными покупателями были рабочие, смирные, когда была работа, и бунтующие, когда голод брал за горло, бастующие, когда приходилось работать за гроши. Не обходили кооператив стороной и женщины лёгкого поведения и их сожители-воришки – эти вечные спутники курортов. Не брезговали кооперативом и другие личности, которых манил к себе курорт: девицы и кавалеры, выдающие себя за отпрысков знаменитых графских фамилий и после очередного посещения «файфа»¹ просящие отпустить в долг булочку и 50 г масла; неудачники-литераторы и философы; недоучившиеся студенты и деятели украинского движения (руха); бродячие артисты и факиры; контрабандисты и наступающие им на пятки тайные полицейские. Последние приходили в кооператив взвешивать конфискованный контрабандный товар, чаще всего чешские зажигалки, подрывающие польскую государственную спичечную монополию. И, конечно, не могу не упомянуть

¹ Вечеринка, начинающаяся в 5 часов, называемая по-английски five o'clock

нуть постоянного покупателя – знаменитую гадалку, женщину уже в годах, всегда одетую во всё чёрное, начиная от шляпы с вуалью и кончая чёрными туфлями, чёрноволосую, с обжигающе-чёрными глазами, называющую себя на французский лад «широманткой» (а не «хироманткой») и всякий раз подчёркивающую, что она изучала оккультизм и хиромантию не где-нибудь, а в Сорбонне. Я было попытался заговорить с ней по-французски, но она на мою любезность не реагировала. Видимо, мой гимназический французский отличался от того – «сорбоннского». Приходили и уходили покупатели, каждый со своими радостями и горем, мыслями и мнением, поучениями и наставлениями, и мне скучать не приходилось.

Об одном покупателе хочется рассказать особо. Фамилию его уже не помню. Это был немецкий коммунист, бежавший из рейха. Снимал комнатушку в этом же доме, где располагался кооператив, работал фотографом. По вечерам приходил в магазин, рассказывал о жизни в Германии, о борьбе немецких антифашистов. Хорошо знал историю германского рабочего пролетариата. Он скучал по родине, часто напевал революционные песни. Некоторые помню по сей день, хотя никогда не записывал. Запомнились, потому что произвели на меня в то время сильное впечатление. Например, песня-марш «Красный Веддинг» (*«Der Rote Wedding»*). Красный Веддинг – квартал Берлина, прославившийся революционными выступлениями немецкого пролетариата.

Вот слова этой песни, как они мне запомнились:

Links, links, links und links!
Trotz Zörrgiebel-Polizei.
Links, links, links und links!
Wir denken an den Ersten Mai
Die herrschende Klasse,

Ihr blutiges Gesicht,
Den Roten Wedding.
Vergeßt ihn nicht!
Eine Schande der SDP!
Roter Wedding, wach seid, Genossen!
Haltet die Fäuste bereit!
Haltet die roten Reihen geschlossen,
Dann unser Tag ist nicht weit!
Drüben da stehen Faschisten,
Schweine! Hunde!
Drüben am Horizont.
Proletarier, ihr müßt rüsten!
Rot-Front! Rot-Front!

Для тех, кто не знает немецкого языка, постараюсь перевести эту песню, разумеется, не в стихотворной форме:

Левой, левой, левой, левой!
В пику цергебельской полиции.
Левой, левой, левой, левой!
Наши мысли о Первом Мая.
Не забывайте Красный Веддинг!
Позор СДП!
Красный Веддинг, будьте бдительны, товарищи!
Кулаки к бою готовьте!
Красными рядами сплочённо шагайте,
Наш тогда скоро настанет день!
Там на горизонте стоят фашисты.
Свиньи! Собаки!
Пролетарии, вооружайтесь!
Рот Фронт! Рот Фронт!

Уже после войны, знакомясь с творчеством немецкого поэта-антифашиста Эриха Вайнерта, я наткнулся на его стихотворение «Der Rote Wedding», по форме и по содер-

жанию совпадающее с приведённой выше марш-песней. Конечно, стихотворение Вайнера длиннее, богаче идеями, призывнее, но в нём встречаются те же строки, даже целые куплеты. «Der Rote Wedding» Вайнера датирован 1931 г. Неизвестно, что возникло раньше – песня берлинского пролетариата или вариант поэта. Вполне возможно, что пролетарский марш появился в 1929 г. во время первомайской демонстрации рабочих в Берлине, расстрелянной цергебельской полицией. По-видимому, этот вопрос еще ждёт своего исследования.

И ещё об одном антифашистском сатирическом куплете, который пели подпольщики в Германии в конце 1930-х гг. Пели его на мелодию гимна «Deutschland, Deutschland über alles». Построен он на многозначности глагола erhalten – 1) поддерживать (помогать) и 2) получать.

Вот его слова:

Gott, erhalte Doktor Goebbels!

Gott, erhalte Doktor Ley!

Den Röhm hast du schon erhalten.

Gott, erhalte alle drei!

Перевод:

Господи, поддерживай (прими) доктора Геббельса!

Господи, поддерживай (прими) доктора Ляя!

Рэма ты уже поддержал (принял).

Господи, поддерживай (прими) всех троих!¹

¹ Геббельс Йозеф – один из самых оголтелых подручных Гитлера, инициатор и организатор тяжайших преступлений против человечества. С 1928 г. возглавлял Министерство пропаганды фашистской Германии. В марте 1945 г. покончил с собой, предварительно заставив врача умертвить всех членов своей семьи. Лей Роберт – фашистский политик, партийный функционер, военный преступник. Опасаясь наказания за преступления, в октябре 1945 г. повесился. Рэм Эрнст – сподвижник Гитлера, партийный функционер, шеф фашистских штурмовиков (SA), расстрелян по приказу Гитлера в июне 1934 г.

Много интересного я узнал у этого стойкого немецкого коммуниста об истории, жизни, культуре его народа, о борьбе рабочего класса за лучшую долю. Главным, однако, было то, что он помог мне осознать опасность фашистской идеологии, её человеконенавистническую суть. Это было важно: не следует забывать о том, что мы жили в стране, где фашистской идеологией была заражена большая часть буржуазной молодежи.

Меня поражала стойкость этого человека, его непоколебимая вера в идеалы коммунизма. Я забыл его имя (и это стыдно!), летом 1939 г. он уехал, пути наши разошлись, но след в моём сознании он оставил навсегда. К тому времени я и мои друзья твёрдо стояли на позициях интернационализма и классовой борьбы. К этому привела нас сама жизнь в такой стране, как Польша тех лет. Мы видели, как поляк-помешник одинаково эксплуатирует безземельного украинца и такого же безземельного соплеменника – поляка. И в нашем селе мы наблюдали, как крестьянин побогаче нанимал в батраки своего же собрата-мужика, только безземельного, платил ему в лучшем случае 250 золотых в год, заставляя работать по 15–16 часов в сутки. Женщины-батрачки получали обычно 150 золотых в год. Это менее 50 грошей в день; на эти деньги можно было купить 6 коробков спичек.

Несколько лучше было положение рабочего класса, он был более организован, у него, по крайней мере, был нормированный рабочий день. Но тут другая беда – хроническая безработица. Рабочий класс в отличие от сельских батраков боролся, защищался, устраивал забастовки. На формирование нашего классового сознания борьба рабочего класса не могла не оказывать влияния. Значительную роль сыграла в этом отношении польская социалистическая

пресса – «Robotnik» и «Tydzień robotnika». Говорю «польская», потому что на языках национальных меньшинств газет социалистической направленности не было. Не было и сколько-нибудь объективной информации о жизни народов Советского Союза. Враждебной – сколько угодно. На всех языках. Замалчивались даже поразительные достижения страны социализма в области образования, науки, искусства. Единственный советский фильм, который демонстрировался в 1930-е гг. в кинотеатрах Польши, – «Весёлые ребята». Фильм полюбился польской публике, мелодия песни «Легко на сердце...» стала весьма популярной. Не помню, была ли переведена эта песня на польский язык, но мелодия звучала повсюду.

Оголтелая травля Советского Союза в прогосударственной и желтой польской прессе, в националистических украинских газетах, в белоэмигрантских журналах и газетах, в церковных печатных изданиях, в откровенно фашистских листках вызывала, как ни странно, обратную реакцию у значительной части рабочей и крестьянской молодёжи. Интерес к Стране Советов возрастал. Хотелось получать информацию непосредственно оттуда. Это было бы возможным, будь у нас радио. Но этого-то «чуда» даже во второй половине 1930-х гг. в нашем селе ни у кого не было. К счастью, нашёлся умелец-самоучка, сумевший построить маленький приёмник, по которому можно было слушать Москву. Правда, через наушники. В свободный вечер кто-нибудь из ребят, понимающий русский язык, слушал последние известия, записывал сообщения и песни, передаваемые московским радио. Чаще всего это был конструктор приёмника – Мирослав (Славко) Алексеевич Громосяк, родной брат Юлиана Громосяка и двоюродный Громосяка Алексея Тимофеевича, одного из лучших моих друзей, по-

Ymetchini 3aecb 6yater krasatb heksoabko corb o6 ymon-
Aekeea, boraarabameero 6 1930-x rr. ceapkyio yutpaby (mn-
hytix 6parbaa Minpoccaare n 10nanee Lpomocakx, chirobax
cepaile. Baro4apa 3tomy maehpomy ipnemhnyk mbi bri-
yuan «Lhrephauhnoha», mohine coertkne mechn, mohro
yuan o 6yahx, yctpemahnx, tpy4obrix no4antax coert-
ekto hapoaa. Be 3t0 nyctho pacipocphahaoch no cteam n
becan lermorhnyi; coertkraa necia 3abbheea ha krioxax
12. Minpoccaab (Carbro) 6ba 6pian ctapue mena aer ha 10-
pehbin: pe3ank no Apeby, my3irkhat, xyAokhny. He hoy-
rosahne. Bonnn shahnann oh uleapo aeanaea c hanu,
tanhancam, yanbara hac nxi ravyonhon. Brree4et, briaao,
ge3ogaa4hoh honbjo aeperehcnix maphunek sa orkany n
yunt nxi opethnporke no 3rie34am. Byayin 3aa4abm oxothin-
kom n uporo4aa mohro bpemenh n ecax, oh hayanaca oupeae-
arts bpema no hegedhlm cretniam, oundagach x y4aumen cay-
jae minyt ha 10. Oshakomna hac c 3roaionmohon reopenei
Japania — o6actrio, arbabmeica 4aa hac raly. Ho camon
baahpih nm pa4nompnemhnyk, no kotopony mbi no beqepam
sobponon 3acayton Carbro Lpomocakr 6ba tot ckrochtpynpo-
cario. Bpar ero, 10nanee Lpomocakx, kpacnppin, ctponhpih, c roh-
nak Tephonapckon o6acatin Ykpantia, 3ahnnaca knboroni-
gbia ayumon iohomectra. Ha hero bce parhuanec, ero o6ookaan,
knnn qeptramn annia, napheh bcer4a no4atayhpih, pabrec4apin,
em y no4anhuanec. He4apom ocehpio 1939 r. Kapnatoypccknin

Совет Лемковской области поручил ему создание народной гвардии, в задачу которой входила защита лемковского населения от происков украинских националистов и польских фашистов. Юлиану не везло: дважды ему пришлось побывать в гестаповских застенках, первый раз по ложному доносу польского эндэка (фашиста-национал-демократа), другой раз по доносу украинского полицая. Освободить его вторично из фашистского застенка удалось, как я уже рассказывал, лишь по настоянию советской комиссии по переселению, работавшей в 1939–1940 гг. в Новом Сонче Краковского генерал-губернаторства. В феврале 1940 г. Ю. Громосяк приехал в СССР, проживал в Подгайцах. После войны работал председателем Подгаецкого горисполкома. Это был умный и справедливый руководитель. Много добра сделал для народа, особенно для переселенцев. Ему пришлось возглавить власть в городе и районе в самое трудное послевоенное время, в период послевоенной разрухи и борьбы с бандами, бесчинствующими в те годы на Западной Украине. Люди с благодарностью вспоминают этого доброго и стойкого человека, на долю которого выпало столько испытаний, особенно во время фашистской оккупации. С благодарностью его вспоминаю и я, в тяжелое для меня время всегда получал от него поддержку и мудрый совет.

В СССР семья Громосяков прибыла вместе с нами и другими односельчанами морозным февральским днём 1940 г. В Подгайцах наши пути разошлись: нам определили разные сёла для постоянного места жительства. Семьи Шевчиков и Олесневичей поселили в посёлке Червень Гнильчевского сельсовета. В семье Олесневичей, то есть в семье мамы, я жил уже давно, с тех пор как начал работать в кооперативе. В семье нас было 8 человек: отчим, мама, че-

тыре сестры, брат Володя и я. На новом месте (в посёлке Червень) мы получили недостроенный одноэтажный кирпичный дом. В двух его комнатах мы и разместились.

Через несколько дней после прибытия в СССР, точнее 28 февраля 1940 г., мне вручили приказ по Подгаецкому району о назначении меня заведующим начальной школой села Червень, Гнильчевского сельсовета. Чудом сохранился этот документ за подписью «зав. РВНО Хороліч», без штампа и печати, поскольку таковых к тому времени на Западной Украине изготовить ещё не успели.

Школа находилась в трёхстах метрах от нашего дома. Это было одноэтажное кирпичное здание, одну половину которого занимала семья сельского ветеринара. Одна классная комната. Занятия в две смены: утренняя – 1 и 3 классы (вместе), вторая – 2 и 4 классы (тоже объединённые). Коллектив – два учителя и сторож. С первой сменой занимался сын священника, окончивший 6 классов гимназии, со второй – я. Один другого лучше: ни опыта, ни педагогических знаний, ни методики обучения. Один энтузиазм. Было очень трудно, тем более что заниматься приходилось в объединённых группах. Нелегко приходилось и детям. Позже, когда случалось встречаться с бывшими учениками того времени, мне всегда хотелось попросить у них прощения за перенесённые страдания.

Большую методическую помощь местные учителя получали от товарищей, направляемых сюда из восточных областей советской Украины, на учительских конференциях, сборах, курсах усовершенствования. Это были высококвалифицированные учителя. Каждая встреча с ними, беседы, советы были для меня радостью. Радостью познания нового, радостью открытия. Я не переставал удивляться тому, как далеко шагнула советская педагогическая мысль. Много

работал над собой, ночами сиживал над книгами, пытался заполнить зияющие пробелы в знаниях. Ведь всё было новым, незнакомым для меня: новый политический и общественный строй, новое искусство, литература, философия; во всём надо было разобраться.

Если учителем я был неважным, то заведующим школы – совсем никудышным. И неудивительно, что к началу нового учебного года по линии района получил выговор. Выговор за то, что не истратил выделенные по смете на ремонт школьного помещения деньги. Нет, ремонт-то я сделал, помогли родители учеников, но денег истратил мало, лишь на материал, а за работу родители платы не требовали. Думал, сделал доброе дело, сэкономил государству деньги, а оказалось, этого делать нельзя, потому что существует какой-то «остаточный принцип», на основе которого финотдел снял со счета района сэкономленную сумму. А я-то ждал благодарности.

А учительствовать мне нравилось. Если бы не Семенюк. Кто такой Семенюк? Это «голова сільради» (председатель сельсовета). Когда осенью 1939 г. на Западной Украине формировались органы советской власти, в селе Гнильче, к которому был приписан наш посёлок Червень, кто-то на должность сельского совета предложил безземельного бедняка Семенюка, человека совершенно неграмотного. Кандидатура прошла, Семенюк стал «головой», научился выводить на бумаге свою фамилию – что стоило ему огромных усилий – и постепенно стал зазнаваться, хуже того – начал выпивать. Нужна подвода для поездки в район по делам школы или какая-нибудь бумажка за его подписью, он намекает на угождение. Это, конечно, раздражало, случались конфликты. Была у Семенюка и другая страсть – посещать уроки учителей. Нет, не ради контроля: ему очень хотелось

хотя бы немного, но поучительствовать. Без разрешения учителя он мог войти в класс во время урока и начать поучать учеников. Такое самодурство возмущало учителей. К счастью, продолжалось оно недолго. Вмешался зав. районо, издав приказ, запрещающий учителям пускать на свои уроки лиц, не имеющих педагогического образования. Даже если эти лица направляются с целью контроля.

По вечерам приходилось заниматься с допризывниками, не знающими грамоты. Таких в сёлах Западной Украины было множество. Жаль было этих здоровых, красивых, голосистых парней, не умеющих даже расписаться. Крестик вместо подписи. И это в 1940 г.! В центре Европы! С большим удовольствием я работал с ними. Между тем положение переселенцев в посёлке Червень к весне 1940 г. стало тревожным. Не только из-за враждебного отношения к ним части местного населения. Это можно было преодолеть. Сложнее было с обустройством, с хозяйством. К весне бывшую помещичью землю распределили. Каждая семья получила определённое количество гектаров пашни. Однако обрабатывать эту землю было нечём и не на чём. Переселенцы оставили свой скот там, в Карпатах. Им было обещано, что такое же количество скота они получат в месте поселения. Этого не произошло. Правда, некоторые дальновидные не поверили обещаниям и забрали своих коров и лошадей с собой. Им было тяжело, потому что германские власти вагонов для перевозки скота не дали, пришлось гнать его своим ходом до границы. Но зато сейчас у них было и своё молоко, и своё тягло. В посёлке таким счастливцем был лишь один человек; перед остальными встал вопрос – на чём пахать землю. Местная власть помогать не собиралась: мол, землю вам дали, выходите из положения. Пришлось писать жалобу в Москву Сталину. Письмо к Ста-

вались над их мёртвыми телами. Если советских, партийных и комсомольских работников, направленных ранее из Восточной Украины в западные области, удалось вывезти в первые дни войны, то активистов из местного населения ожидала неминуемая расправа.

Со второго дня войны я включился в агитационную работу. Вместе с начальником лагеря ездил по сельским клубам и рассказывал крестьянам о том, что из себя представляет германский фашизм. Фактов у меня было предостаточно, тем более что почти полгода я жил на оккупированной немцами территории Польши.

Я – на сцене. Рассказываю, фашистов не жалею, начальник лагеря рядом, в руке у него карабин, в зале тишина, крестьяне слушают внимательно, лица хмурые, вопросов не задают, уходят молча. Какая-то настороживающая атмосфера. И так каждый раз. Я не мог понять, в чём дело. Может рассказчик из меня никудышный, а может, карабин мешает?.. На душе как-то тревожно...

В первых числах июля детский лагерь постепенно свёртывал свою работу. Ежедневно приезжали за детьми их родственники. Уехал и начальник лагеря, забрав с собой комсомольцев, жителей восточных областей Украины. Из воспитателей остался я один. С мест боёв никаких достоверных сведений не поступало: радио не работало. А слухи – тревожные. Верить им не хотелось, но вскоре через село потянулись отступающие части Красной Армии: уставые, израненные. Тяжело и больно было смотреть. И ещё – стыдно. За себя стыдно. И когда возле колодца остановилась группа красноармейцев, я решил попросить у командира разрешения к ним присоединиться. Документов у меня не было никаких, кроме комсомольского билета и случайно оказавшегося в кармане приказа района о направлении на

лину вряд ли попало, но через несколько дней приехала комиссия из района, которая обязала сельсовет обеспечить переселенцев тягловой силой для проведения посевной. Собрали в 1940 г. хороший урожай, а весной 1941 г. было уже легче: переселенцы стали обзаводиться своим скотом

В марте 1941 г. я вступил в комсомол, шёл мне тогда 22 год. Для меня это было важным событием. Получил первое комсомольское поручение: в каникулы поработать воспитателем в летнем лагере школьников в селе Божиков. Воспитателем, у которого, кроме энтузиазма, никакого опыта, мало того, никакого понятия о формах и методах воспитания детей не было. Спасибо комсомольцам, направленным на эту же работу из Восточной Украины. Помогали, советовали, учили.

Для советского человека, воспитанного на традициях октябрят, пионерии, комсомола, трудно представить себе, чтобы двадцатидвухлетний учитель не имел понятия о воспитательной работе со школьниками в летнем лагере. А для человека, только что перешагнувшего из капитализма в социализм, всё это было в диковинку. Ведь там не было ни детских садов, ни оздоровительных детских лагерей, ни детских организаций. Воспитание сводилось в доме – к ремню, в школе – к розге. Да ещё к поучениям священника. Были, конечно, воспитатели-профессионалы – гувернантки, бонны, но это для избранных слоёв общества.

А я понемногу осваивал азы воспитания. Нравилось. Но наступило утро 22 июня 1941 г. Оно выдалось удивительно ярким. У меня настроение радостное: накануне заведующий лагерем привёз мне из райкома комсомола комсомольский билет. Дата выдачи – 20 июня 1941 г. Заиграл горн. Детвора выстраивается в саду на зарядку. Но что это? Пролетает самолёт. С чёрными крестами на крыльях. Свист пуль. Пули

секут ветки деревьев и кустов смородины. Это я отчётиво замечаю, а метрах в двухстах раздаётся взрыв, облако пыли поднимается вверх: это самолёт сбросил бомбу на мельницу. К счастью, обошлось без жертв. Таков был этот первый день войны.

То, что Советскому Союзу рано или поздно придётся воевать с фашистской Германией, ясно было практически каждому советскому человеку. Германский фашизм, подчинив себе почти все страны Западной, Центральной, Южной и Юго-Восточной Европы и шагнувший даже в Африку, уже не мог остановиться: ему нужно было расширение «лебенсраума» (жизненного пространства) на Восток. Но никто не предполагал, что это случится так скоро. И так вероломно. Не подозревал советский народ и того печального факта, что страна и её армия не были подготовлены к такой войне.

Первые поражения Красной Армии и стремительное наступление фашистов – столь стремительное, что в некоторых областях Западной Украины даже не была проведена мобилизация, – вызвали растерянность и недоумение советского народа.

Население Западной Украины отнеслось к войне по-разному. Для одной его части – к ней относились и переселенцы – поражение Красной Армии стало настоящей трагедией, у другой – вызвало ликование, дало возможность мстить своим идеяным противникам. Вот эта-то часть населения, притихшая и замаскировавшаяся после объединения Украины, с началом войны ожила и активизировалась, начала свою кровавую расправу с людьми, лояльными к советской власти. Расправа эта проводилась с крайней жестокостью, присущей украинскому национализму. Уничтожались советские активисты, представители советской власти, члены партии и комсомольцы. Их пытали, убивали, изде-

работу. После непродолжительной беседы, вопросов, ответов, уточнений, командир разрешил мне присоединиться к отряду. Выручил, конечно, комсомольский билет. Хотя, как я понял, он же вызвал некоторую настороженность: смущала дата выдачи билета – 20 июня 1941 г.: за два дня до начала войны. Тут пришлось многое объяснить. Повлияло на решение командира и то, что он понимал, какая участь ожидает коммуниста или комсомольца, оставшихся на Западной Украине после ухода советских войск.

Отряд насчитывал 30 бойцов. Это были остатки миномётной роты. Номер роты, так же как и номер райдивизии, в состав которой она входила, забыл начисто. К стыду своему не могу вспомнить и фамилии тех славных и добрых командиров, которые приютили меня: командира роты, молоденького командира взвода и старшину, который не поленился и научил меня обращаться с трёхлинейкой. Никогда не думал, что забуду их имена, а вот забыл!

После короткого отдыха отряд направился в сторону райцентра Подгайцы. На подходе к городу нам повстречались трое мужчин. Один из них был мой хороший друг, тоже учитель, Пелячик Владимир Якимович. Двое других – его земляки, тоже переселенцы из Карпат. Командир разрешил и им присоединиться к отряду. Одновременно было решено использовать нас в качестве своего рода разведчиков. Дело в том, что в то время немецкие части, чаще всего это были десантники, оказывались впереди наших разрозненных отступающих подразделений. Нам ставилось задание – разведать обстановку в населённых пунктах, через которые должен следовать отряд, и своевременно предупредить об опасности. Это было нетрудно делать, поскольку мы были в гражданской одежде, к тому же знали язык местного населения.

В Подгайцах фашистов не было, но и власти – никакой. На зданиях вывешены белые флаги – символ сдачи города врагу (заранее сдали, до прихода немцев!). Мародёры грабили магазины и склады. Страшная картина!

Первая стычка с немецкими мотоцилистами произошла за селом Вільхівці (Ольхівці) Бучачского района. Случилось это так: командир роты поручил нам, «гражданским», зайти в село и разведать, нет ли в нём фашистских солдат. При малейшем подозрении мы должны были немедленно вернуться назад. Если же ничего подозрительного не заметим, то нам следовало выйти за село к дороге на Бучач и ждать подхода отряда. В селе оказалось всё спокойно. В крайней хате мы попросили молока, немного посидели, хотели расплатиться за молоко, хозяйка от денег отказалась. Прошли село, людей на дороге почти нет, но это нас не удивило: лето – крестьяне в поле. Но на выходе из села нас останавливает толпа мужиков, все, как водится на Западной Украине, в «капелюхах» (шляпах), некоторые босиком. Среди них двое парней, одетых в форму офицеров бывшей польской армии, на ногах сапоги, тоже офицерские, в руках – карабины, видимо, тоже из арсенала польского войска. Меня это не удивило: знал, что осенью 1939 г., когда польская армия бежала на Запад при подходе Красной Армии, многие мародёры из числа местных жителей нападали на бежавших, разоружали и раздевали их. Охотились, в первую очередь, на офицеров.

Мужики останавливают нас: «Кто такие? Откуда? Куда? Почему на Восток?» Отвечаем: «Бывшие заключённые, ушли из лагеря, что около Подгаец, во время бомбёжки, идём в Бучач, на Восток».

– Документы!

– Документов нет, какие документы у бежавших из лагеря?

– Брешете!

– Правду говорим, товарищи. Что вы нам не верите?!

– Нема товарішів, пани є!

Тут мы только смекнули, что в селе смена власти. Советскую уничтожили, свою «панскую» восстановили. Все настойчивее требуют предъявить документы. Положение скверное: догадайся они проверить наши карманы – и расправа неминуема. Ведь там у меня комсомольский билет. Оплошность-то какая! Одна надежда на подход нашей части. Стаемся затянуть разбирательство. Я называю улицу и даже дом в Бучаче, где я, мол, проживаю. Бучач, к счастью, я знал хорошо: летом 1940 г. обучался там на курсах переподготовки учителей. «Дядьки», похоже, не знают, что с нами делать. Посылают за старостой. Приходит пьянький. Допрашивает. Вдруг к нему подбегает мальчик лет 10 и что-то шепчет на ухо. Выслушав, староста машет рукой и говорит: «Ну ідіть з богом!» Пронесло, не верится! По-видимому, их разведка обнаружила нашу часть на подходах к селу. Этого они не ожидали, наверно, полагали, что советских войск больше нет в этом районе. Группа прошла через село без приключений, подошла к условленному месту, мы доложили командиру роты о происшедшем. Он заподозрил сразу что-то неладное, дал команду подготовиться к бою. И не ошибся. Не успели развернуться, как из села застрочили пулемёты. Оказалось, в селе был спрятан десант фашистских мотоциклистов. Открыли огонь и наши бойцы, однако пришлось отступить: у нас были только винтовки и два автомата, пулемётный огонь немцев был намного плотнее. Мы отошли, противник тоже решил не испытывать

судьбу. Для меня это стало боевым крещением, до этого я не стрелял даже из охотничьего ружья.

Случившееся в селе Вільхівці заставило нас быть бдительнее, смотреть в оба. Недалеко от г. Каменец-Подольского случилась беда с Володей Пелячиком: его ранило в ногу. Произошло это так. Среди красноармейцев был один подросток, лет примерно 15, своего рода «сын полка». Видимо, когда-то красноармейцы приютили его, подобрали по росту форму, дали в руки винтовку, и он шагал с ними. Парнишка разбитной, смелый, всё порывался в разведку, приходилось порой удерживать его, потому что вёл себя крайне неосторожно. И вот этот Вася однажды при появлении над нами вражеского самолёта выстрелил. Ему показалось, что стреляет по самолёту, а попал он в Володю. Володя упал, мы поначалу ничего понять не могли, потому что из самолёта не стреляли. Вася сразу сознался, заплакал, командир схватил автомат, грозился расстрелять парнишку, Володя стал умолять: «Не наказывайте его, товарищ командир, ребёнок ведь!» Васю не наказали, а Володю отвезли в Каменец-Подольский, оставили в больнице. Немцев в городе тогда ещё не было. Дальнейшая судьба Володи мне неизвестна.

Так нас осталось трое, трое земляков-лемков в отряде приютивших нас красноармейцев. Трое, всё ещё в гражданской одежде. Красноармейскую форму надели лишь в августе.

Добрались до Полтавской области. Здесь в mestечке Карловка ещё действовал военкомат, который направил нас в запасной полк, сформированный из разрозненных, отступавших частей. Я попал во взвод связистов. Связистом не стал, не успел: через каких-то десять дней нас перевели на передовую, на пополнение стрелкового полка № 1133. В первый же день прибытия в расположение этой части я стал

полковым разведчиком. Произошло это очень просто. Командир полка, выступая перед строем, ознакомил нас с общей обстановкой на данном участке фронта и задачами, поставленными перед полком, особо подчеркнул, что часть крайне нуждается в двух родах войск – истребителях танков и разведчиках. Не скрывая, что эти воинские специальности не только крайне необходимы, но и крайне опасны, он выразил пожелание, чтобы в данные подразделения вступали добровольцы, в первую очередь коммунисты и комсомольцы. Так я стал разведчиком – «глазами и ушами полка». Настали беспокойные будни. У разведчиков было отдельное помещение, бывшая конюшня. Здесь мы отдыхали после возвращения с задания, сушили и приводили в порядок одежду, чистили оружие, вели споры и даже читали. Да, были здесь и такие как, к примеру, интеллигентный инженер-нефтяник из Бессарабии, работавший когда-то в Плоешти в Румынии и проходивший практику во Франции, страстный поклонник Лафонтена. С томиком баснописца он не расставался, даже отправляясь на задание. Он страшно любил читать вслух и радовался, когда ему казалось, что его слушают. Неважно, что никто ничего не понимал, поскольку стихи французском на языке. Главное – был слушатель.

Или Ваня, колхозный паренёк, заветной мечтой которого было стать трактористом. Пособие по тракторам всегда было при нём, наравне с винтовкой. Как только удавалась свободная минута, он тут же углублялся в чтение. Не знаю, осуществилась ли его мечта: Ваню ранило в том же бою, что и меня, пуля попала в кисть.

Два опытных разведчика обучали нас военному ремеслу: ориентировке на местности, по плану и карте, приёмам маскировки, нападению, защите – всё на примерах из своей практики. А практика у них была большая: один, уже в ле-

так, был разведчиком ещё в Гражданскую войну, у второго за плечами – дальневосточные события и Финская кампания. Разные по возрасту, по темпераменту, они исходили из разных принципов воспитания разведчиков. Если первый учил нас выдержке, вдумчивому подходу к выполнению задания («семь раз отмерь...»), то второй своим кредо избрал другой принцип: «Разведчик должен быть дерзким и даже нахальным». Кто прав? Видимо, оба, они дополняли друг друга. Старший мечтал обучить нас ставить мины. Не успел: в последней разведке боем, когда и меня ранило, оба попали в плен. Отбить их не удалось.

В то утро, 7 ноября 1941 г., моя фронтовая жизнь закончилась. Потом был медсанбат, полевой госпиталь в г. Шахты, эвакогоспиталь в Сталинграде и, наконец, эвакогоспиталь № 3264 (ныне – больница им. Соловьёва) в Астрахани.

Поезд с ранеными прибыл в Астрахань декабрьским вечером 1941 г. На вокзале мы узнали о первой большой победе Красной Армии под Москвой. Не передать словами, с каким ликованием раненые встретили это известие! Все невзгоды, горе, боль, увечья отодвинулись, ушли куда-то, осталась только радость. Радость и надежда на скорую победу. Не предполагали мы тогда, что путь к победе будет архитяжелым и продлится годы.

Мы попали в хороший госпиталь. Дружный его коллектив делал всё возможное – и даже невозможное – чтобы облегчить страдания раненых, многих вернуть в строй. До сих пор не могу понять, откуда у этих простых полуолодных людей – медсестёр, врачей, санитарок – брались силы для тяжелейшего самоотверженного труда. Ведь подлечить раненого, облегчить его физическую боль – это половина дела. А как вылечить его душевную боль? Многие потеряли семьи, нажитое веками, у многих оставались престарелые

родители, жёны, малолетние дети там, на занятой врагом территории, и мысли об их судьбе не давали покоя ни днём, ни ночью. Случалось и такое, хотя и редко, когда искалеченный защитник Родины получал от молодой жены страшное письмо со словами «зачем ты мне такой нужен...». Да, бывало и такое. И не следует удивляться, когда у иного не выдерживали нервы и он замахивался на врача костылём. Сколько выдержки, терпения, такта и умения требовалось от целителей и их помощников, дабы успокоить такого несчастного, приглушить его душевную боль!

Ныне я склоняю голову перед памятью этих героев в белых халатах. Их уже нет в живых. Нет ни начальника госпиталя, военврача 3 ранга Якиманского, скромного и добрейшего человека, ушёл из жизни начмед госпиталя, умный и заботливый хозяин и крупный учёный, профессор Илья Миронович Бураков; в разные годы умерли Раиса Абрамовна Гердт, заведующая отделением госпиталя, врач Эмма Семёновна Бабаева, после войны доцент Астраханского мединститута, и Клеопатра Николаевна Жукова (Прохватылова), тогда совсем молодая, но очень способная врач-терапевт и человек удивительной душевной красоты и большого сердца.

14 октября 1998 г. умерла у меня на руках в этом же здании бывшего госпиталя № 3264 моя жена, Рита Соломоновна, в те военные годы инструктор по лечебной физкультуре и комсорг госпиталя. Прекрасный это был человек – безгранично добрый, отзывчивый на чужую беду, всегда готовый и умеющий помочь другому. Её девичья фамилия – Вельдман.

Надо бы добрым словом помянуть и тех девушек и женщин, на долю которых выпадало самое тяжёлое – уход за больными: медсестёр и санитарок. И до боли обидно, что

не могу назвать их фамилии. Почему-то запомнились лишь имена: Аня, Женя, Тося, Катя, Верочка или – тётя Даша, тётя Дуся, тётя Маруся. Обидно за них! Знай я тогда, что придётся писать воспоминания, я бы постарался запомнить их фамилии. Они это заслужили.

И ещё об одном добром человеке хочется сказать пару слов. Это комиссар госпиталя – старший политрук Куликов. Тот самый товарищ Куликов, который умел находить подход к любому больному, утешить, успокоить и ободрить его. Тот самый товарищ Куликов, которому раненые поверяли свои секреты и просьбы, и он всегда старался помочь им. Большой груз обязанностей и ответственности лежал на плечах этого уже немолодого человека, но он всегда находил время для раненого бойца.

В госпитале не только залечивали раны; партийная и комсомольская организации заботились и о духовной жизни ранбольных. Работала библиотека, устраивались диспуты, соревнования шахматистов, лекции, музыкальные вечера. Гордостью был хор, хороший хор, в котором участвовали не только работники госпиталя, но и раненые. И неважно, что иной солист самозабвенно пел на сцене, опираясь на костыль, а другой, долговязый, в сером госпитальном халате до колен и белоснежных кальсонах до пят да тёплых тапочек стоял рядом с нарядной медсестрой, бросая в притихший зал могучее «Реве та стогне Дніпр широкий». Они пели, им аплодировали и даже не обижались, когда в стенгазете «В боях за Родину» появлялся дружеский шарж с шутливой надписью: «Она ревёт, а он от неё стонет».

Удивительно, как отчетливо сохранила память эти тёплые вечера самодеятельности. Вот выходит, опираясь на трость, капитан Гофман. Тот самый Гофман, который, услышав однажды, как я читаю моего самого любимого по-

эта, возмутился: «Да разве так читают Маяковского? Это же поэт трибун!». Вижу как сейчас, он стоит на сцене, и не скажешь, что он ранен; могучий бас гремит: «Левой! Левой! Левой!..» И ты забываешь, где ты. И шагаешь в плотном строю могучих людей, стараясь держать верный шаг...

«Левый марш» прогремел, за рояль садится молодой врач Клеопатра Николаевна, берёт первые аккорды, и снова звучит бархатный бас капитана Гофмана. На сей раз «Каховка». Как он пел эту песню!

Тут на сцену торопится Рита Вельдман, несколько секунд молчит, будто с мыслями собирается, и начинает читать светлое стихотворение А. Жарова «Голубая майка».

А там опять песня. Звонкая. Чудесно поёт медсестра Тоня Леонтьева! Мой сосед по палате, Борис Флегонтьевич Кравченко, старший лейтенант, артиллерист, читает свои стихи. Хорошие стихи, созданные здесь же, в госпитале. О войне, о солдатах, о своей родине – Сибири. Ему ещё тяжело ходить: перенёс тяжелейшее ранение (у артиллеристов ранения всегда тяжелые), чудом удалось сохранить ногу, передвигаться ему ещё трудно. А читает он замечательно, завораживающе. Да и стихи пришли впору: это о них стихи, о тех, кто сейчас так внимательно слушает и находит в них что-то своё, сокровенное. Замечательный это был человек – поэт, художник, солдат и горный инженер по профессии. Ещё и учёный. До войны он занимался вопросами подземной газификации угля. Прочитал в госпитале несколько интересных лекций, из которых я понял, что уже предпринимались какие-то практические шаги по претворению этой заманчивой идеи в жизнь. Жаль, что осуществить её не удалось.

Лекции в госпитале читали часто. Тематика самая разная – медицина, философия, авиация, литература, искусст-

во. Я с удовольствием посещал их, для меня всё было интересно, всё ново, ведь прожил-то я в СССР всего два года. Подумать только: только там, в госпитале, узнал, кто такие Есенин, Козловский, Лемешев.

Была в госпитале и своя стенная газета. Называлась она «В боях за Родину». Мне посчастливилось войти в состав редколлегии. Большую помошь в подготовке газеты оказывал Борис Флегонтьевич Кравченко. Он автор многих статей и стихов, и художник, и доброжелательный советчик. Газета помещала рассказы раненых об фронтовых буднях, стихи, заметки о текущей госпитальной жизни, размышления и мечты о будущем, юморески. И пусть эти статьи и заметки были иной раз наивными, пусть в них встречались языковые погрешности и даже орфографические ошибки, но в них было одно – оптимизм и вера в победу. Вера в победу несмотря ни на что! Эта вера придавала идею иного рассказа силу предвидения, пророчества. Так, в аллегорическом рассказе «Днепр хохочет», помещённом в одном из мартовских номеров газеты в 1942 г., эта древняя река взрывает ледяные оковы, бурно радуется, предчувствуя встречу с краснозвёздными воинами. В другом рассказе «Карпатский орёл» (май 1942 г.) изображена картина событий конца войны: расцвеченные красными знамёнами вершины Черногории и Карпатских Бескидов и ликование народов Чехословакии и Балкан под звуки «Интернационала». А ведь это было написано в тяжелейшее время для нашей страны – 1942 г.

Доставалось и фашистам в этой газете – в юморесках, карикатурах, фельетонах. Вспоминается фельетон «Эрзац-любовь», где автор едко высмеивал господствовавшую в фашистской Германии теорию и практику подбора семейных пар не по любви, а по расовым признакам.

Прошли ещё месяцы, пока меня демобилизовали. Осокаровский военком, который иногда посещал мои занятия с допризывниками, предложил мне поступить в школу офицеров, однако врачебная комиссия не пропустила. Вскоре вышло постановление правительства о демобилизации учителей, и в марте 1946 г. я приехал в Астрахань, ещё по зимнему одет – в полушибутке, кубанке, неуклюжих американских ботинках, с запасом солдатского белья в вещмешке.

Тяжёлым был послевоенный 1946 г. Страна только начала оправляться от ран, нанесённых войной. Ещё существовала карточная система распределения продуктов. Их дневная норма была весьма скучной, например, хлеба для работников физического труда полагалось 600 г, для работников умственного труда – 500 г, для иждивенцев – 300 г.

Были трудности с работой. В школах города вакантных мест для учителей иностранных языков не оказалось. Первые недели мы вчетвером жили на скромную пенсию тёщи и зарплату Риты – в то время инструктора по пропаганде обкома ВЛКСМ. Стыдно было жить иждивенцем в семье, я готов был взяться за любую работу, даже чернорабочего, но наталкивался на категорический протест родных.

Дело все же нашлось. Несколько месяцев работал счетоводом в подсобном хозяйстве МВД в селе Началово, рядом с Астраханью, а в сентябре 1946 г. областной отдел народного образования предложил нам с женой место учителей в городе Степном. До войны это была столица Калмыцкой АССР – Элиста, город, по рассказам местных жителей, красивый, процветающий. Мы застали его в развалинах: фашисты при отступлении взорвали практически все каменные строения. К нашему приезду удалось восстановить несколько административных зданий, две школы и театр.

Стенные газеты издавались и в других госпиталях, периодически устраивались выставки, куда приглашались члены редколлегий. На одной из них посчастливилось побывать и мне. Смотр-выставка была проведена в госпитале, расположенному напротив Кремля (сегодня – площадь Октябрьская; после войны там была школа № 46). Выставка очень понравилась, несмотря на то, что газеты нашего госпиталя были далеко не лучшими.

Жаль, что никому из журналистов или ветеранов не пришла в голову идея собрать и обобщить материал, публикуемый в госпитальных стенгазетах времён Отечественной войны. Ведь грядущим поколениям было бы интересно знать, чем жили, о чём думали и мечтали раненые фронтовики.

В начале 1942 г. я выписался из госпиталя с формулировкой «ограниченно годен в военное время – вторая степень». Недельный отпуск, а там направление в Сталинград, дальние нестроевая часть, работа на оборонительных сооружениях в районе Сталинградский ГРЭС – тогда уже под постоянной бомбёжкой. И наконец – железная дорога, точнее, строительство новых железнодорожных путей.

Ещё в Сталинграде застал меня приказ ГКО о снятии с фронта всех лиц, проживавших когда-то за границей и перевод их в так называемую «трудовую армию». Не скрою, вначале было очень обидно – ведь не враг же я. Но потом, поразмыслив, остыл: раз появилось такое решение Государственного комитета обороны, значит – были для этого основания.

Стал осваивать профессию строителя-железнодорожника. Работали в Казахстане, прокладывали вторую магистраль от города Акмолинска до Караганды. Стройка имела стратегическое значение. Военные заводы требовали всё больше угля, его не хватало, Донбасс был занят врагом, Караганда

могла увеличить его поставку, но с перевозкой неправлялась железная дорога. Нужно было форсировать строительство вторых путей. Жилось трудно, как и повсюду по стране в те времена военного лихолетья. Постоянного места жительства, разумеется, не было, кочевали, передвигаясь на юг по мере завершения цикла работ на участках. Ночевали то в палатках, то в землянках, а то и в дощатых бараках-скороспелках. Последним моим местом работы была станция Осокаровка; рядом, в пяти километрах, райцентр с таким же названием. Здесь мы остались надолго. В Осокаровке проживали русские поселенцы, народ трудолюбивый, занимался хлеборобством, основная культура – пшеница. Колхоз крепкий, хороший дом культуры, на сцене которого даже в те военные годы шли спектакли. И, на мой взгляд, хорошие спектакли. Я часто бывал в райцентре, выполнял комсомольское поручение: по вечерам проводил политзанятия с допризывниками.

Осокаровка оказалась для меня счастливейшим местом. Здесь узнали мы об окончании войны и отпраздновали первый День Победы. Здесь летом 1945 г. я случайно узнал, что на одной из шахт Караганды работает уроженец Карпат, Алексей Громосяк. Радость-то какая! В ближайший выходной мы встретились. Из Осокаровки удалось мне восстановить связь с родными на Украине, а через них отыскать свою семью. Рита с матерью должны были еще осенью 1942 г. уехать в Бугуруслан. Условились, что буду посыпать им письма до востребования на главпочтamt этого города. На самом же деле они никуда не уезжали, проживали в Астрахани, только по другому адресу. И лишь после войны сюда, в Осокаровку, пришла радостная весточка: в Астрахани ждёт меня семья – жена, её мама и сын! Вот он сын, Шурик, длиннокудрый, в бархатном костюмчике!

Жуткое впечатление произвёл на нас этот город-призрак из скелетов полуразрушенных зданий.

В городском отделе народа встретили нас очень тепло. Зав. отделом – женщина удивительной честности и доброты – постаралась обеспечить нас на первые дни питанием, что во время разрухи в городе, пережившем оккупацию, было очень тяжело. Нам выделили комнату тут же, в здании недавно отстроенной школы.

Учительский коллектив принял нас дружелюбно. Работалось в этом коллективе легко и приятно. Рита поначалу очень волновалась. Не за себя – за меня. За себя ей переживать не надо было. У неё за плечами институт, довоенный учительский опыт, но главное – она была учителем, что называется, «от бога». Я не переставал удивляться её учительскому таланту. Таланту научать, убеждать, таланту организовывать детский коллектив. У неё не было проблем с дисциплиной, её уроков никто не пропускал, ученики обожали её. Не раз задавал я себе вопрос – в чём же секрет всеобщей любви учеников к своей учительнице? Видимо, в её доброте. Доброте и способности к состраданию, к сопереживанию. Она чутко улавливала чужое горе и тут же старалась помочь. Она знала, чем живёт и как живёт каждый её ученик, в чём он нуждается. Спустя много лет я случайно узнал, что в трудные голодные послевоенные годы Рита подкармливала иных учеников, причём делала это тактично, незаметно. Улучив минутку, когда ребёнок был на перемене, она клала в его сумку булочку, бутербродик или пару конфеток. Об этом мне рассказывали её бывшие ученицы, которые всегда недоумевали, как они говорили, кто этот таинственный благодетель. Хотя и догадывались.

Мелочь – скажете. Нет, для того тяжкого времени это была не мелочь. Но главное даже не в этом, главное в том,

что эта «мелочь» влияла на становление душевной доброты в ребёнке.

Всё это было позже. А пока Рита волновалась за меня, как встретят меня ученики, как пройдут первые уроки немецкого языка. Но всё обошлось, треволнения оказались напрасными, я был признан учителем.

Нам повезло: попали в хороший коллектив, доброжелательный, дружный. Большинство учителей – местные жители, многие с большим педагогическим стажем. Они охотно делились своим опытом. Учебная нагрузка была большая, школа работала в две смены, даже в три, потому что вечерами занимались с рабочей молодежью. Рите приходилось периодически выезжать в школы района консультировать учителей химии: она в то время была единственным в Степновском районе специалистом-химиком с высшим образованием. С З четверти резко увеличилась и моя учебная нагрузка: ушла из-за болезни учительница французского языка, пришлось взять на себя и этот предмет. Работалось, однако, хорошо, хотя и уставали.

С преподаванием своего предмета больших трудностей я не испытывал. Хуже обстояло дело с педагогикой. Скудных знаний по педагогике и психологии, полученных в гимназии, явно не хватало. Как классный руководитель я был совершенно беспомощен. Выручала Рита. Она была создана для этой работы – талантливый воспитатель, организатор, знающий и теорию, и практику руководства детским коллективом. Если яправлялся с работой классного руководителя довольно сносно, то только благодаря ей, моей жене, её советам, подсказкам, её примеру. Бывали ли между нами как учителями споры? Да, бывали. Из-за оценок по моему предмету в классе, где Рита была классным руководителем. По её мнению, я был слишком требователен.

лен к ученикам. Переживала из-за каждой отрицательной отметки. Наверно, я на самом деле был слишком требовательным учителем. Пройдя трудный путь крестьянского ребёнка в буржуазном обществе и считая, что высшим благом человека является образование, я не в состоянии был понять тех, кто такой возможностью пренебрегает и учиться не хочет. Здесь я был бескомпромиссным. У Риты подход был другим –ialectическим. Она учитывала возможности и условия для учёбы каждого отдельного ученика – его умственные и физические качества, условия жизни, семейные условия, здоровье и т.п. И она была права. В дальнейшем я не раз имел возможность в этом убедиться.

Благо, когда у человека есть дело и оно ему по душе, когда он видит пользу от своего труда не только для себя и семьи, но и для других, для общества, для страны. Благо, когда он живет среди добрых людей, находит у них поддержку, ощущает их внимание и уважение. Все это мы нашли в той, в то время единственной средней школе города Степного.

Однако для жизни человеку нужно еще и другое, первоочередное – хлеб насущный. А его-то в то время ой как не хватало! Мы буквально голодали. Город в развалинах, магазинов, где можно было приобрести продукты, нет; снабжение населения должно было осуществляться по карточкам, но они очень часто не отоваривались. Даже хлеб по талонам выдавали с перебоями, причем неотоваренные талоны аннулировались. Позже, уже после нашего отъезда из Степного, мы узнали о громком процессе над работниками торговли, которые разворовывали продукты, в том числе и хлеб, предназначенный для населения.

Больше всех страдала Рита: она была в положении. Ей как беременной выдавали в столовой горисполкома ежедневно порцию свёклы. В какой-то степени выручал базар.

На нём можно было купить, пусть и очень дорого, мясо. И ещё пшеницу. Её продавали стаканами. Я приобрёл жернов, размалывали пшеницу в крупу, варили кашу. Товарищи по работе старались помочь нам в меру возможностей. Пусть эта помощь была скромной, но она согревала нас, подбадривала. Супруга военкома, узнав, что Рита ждёт ребёнка, часто присыпала кого-нибудь из своих многочисленных детей с кринкой молока. С благодарностью вспоминаю сейчас этих добрых, бескорыстных людей.

Холодным февральским утром 1947 г. проводил Риту в родильный дом. Шли пешком по сугробам – зима была на редкость снежной, машин в то время в городе не было, да и роддом находился в километре от школы. Через три дня родилась Анна. Рита не уходила ни в предродовой, ни в послеродовой отпуск: некому было заменить её в школе.

Учителя восприняли рождение нашей дочери восторженно. На педсовете, посвященном этому событию, много было высказано тёплых слов и добрых пожеланий новорождённой и счастливым родителям. Учительница литературы – натура восторженная и романтическая – сочинила оду, которую так и называла «Ода ко дню рождения Анны Петровны».

А сама виновница торжества лежала себе спокойно на диване в учительской, не подозревая, что здесь истоки её педагогического пути. Очень часто ей приходилось лежать на этом диване, пока родители бывали на уроках, присутствовать на педсоветах, вслушиваться в голоса учителей, то радостные, то тревожные, – словом, дышать атмосферой школы.

Весной приехала к нам мать Риты, Зинаида Исаевна Израилева (Буракова) – человек удивительной душевной красоты, добрый, мудрый. Привезла с собой нашего сына, по которому мы изрядно соскучились. Шурик – ему в то

время исполнилось 4 года – быстро освоился с новой обстановкой, всё ему было интересно: сестрёнка, телята, петух и прочая живность, которая бродила недалеко от школы. Гордо разъезжал он на своём велосипеде, распевая любимую песенку про пилотов, у которых «первым делом самолёты», и трижды сплёывал через левое плечо, потому что так полагалось в песне.

С приездом тёщи жизнь стала легче. Львиную долю бытовых забот она взяла на себя. Аня покинула, наконец, диван в учительской и перешла под опеку бабушки и братика.

В июле мы ушли в отпуск, уехали в Астрахань и в Степной не вернулись. Новый 1947–1948 учебный год начался для нас уже в Астрахани. Рита получила место учителя химии в средней школе № 15, я – учителя английского и немецкого языков в школе № 56 им. А.С. Пушкина. В этом же году я выдержал экзамены и был принят на заочное отделение Первого Московского института иностранных языков (позже этот институт стал называться «Институт иностранных языков им. Мориса Тереза» в память выдающегося французского коммуниста).

Институт окончил в 1954 г. От продолжения учёбы в аспирантуре отказался: устал, да и здоровье ухудшилось. Зато с дипломом в руке работалось веселее, увереннее. Хотя, правду говоря, диплом тут ни при чём, важнее знания, приобретённые во время учёбы, пусть даже заочной.

В 1958 г. мне предложили работу в Астраханском педагогическом институте им. С.М. Кирова, сначала преподавателем латинского языка, а затем и немецкого, методики обучения немецкому языку в школе.

Моя работа в вузе меня не удовлетворяла. Я всё время ощущал ущербность, неподготовленность к преподавательской профессии, отсутствие необходимой широты кругозора.

ра. Если в школе, будучи учителем, я чувствовал себя «на месте», то в институте такой уверенности у меня не было. Не получалось и с научной работой. Видимо, сказалось отсутствие школы. Я скучал по школьной работе, и если иногда удавалось провести урок, то это было радостью. Хорошо ещё, что, преподавая методику, я постоянно был связан со школами и с учительством, когда проводил занятия на курсах повышения квалификации учителей.

Оглядываясь сегодня на пройденный жизненный путь – а пишу эти строки уже на 90-м году, спрашиваю себя, как случалось, что я, когда-то бедный пастух, вырос до преподавателя института. Вопрос для человека, родившегося и выросшего в Советском Союзе, может показаться праздным, странным: ведь для сотен тысяч – если не миллионов – граждан этой страны такой путь был обычным. Для меня, который родился и до 20 лет проживал в капиталистической стране, такой вопрос далеко не праздный: в буржуазном обществе о такой судьбе смеют мечтать единицы выходцев из рабочих и крестьянских семей. Сегодня я с полным основанием, честно, не кривя душой, смею заявить, что лишь в условиях социалистического строя я смог стать тем, кем стал. Потому что только этот строй создавал условия для духовного роста человека. Возможно, удалось бы достичь большего, если бы не война. Не скрою – было трудно, порой очень тяжело. Но я связал свою судьбу с людьми удивительной душевной красоты. Это простая еврейская семья: мать работала на рыбокомбинате им. А. Микояна, дочь – учительница. На плечи этих женщин легла львиная доля трудностей жизни военных и первых послевоенных лет. Благодаря их моральной поддержке и исключительно доброжелательному отношению, вниманию ко мне я смог успешно окончить учёбу в институте и успешно работать над

делом, которое избрал своей профессией. Они стойко и самоотверженно несли груз забот, который свалился на них во время моей тяжёлой и продолжительной болезни. Благодаря их заботе мне удалось победить недуг. И никогда, ни разу я не слышал с их стороны ни малейшего упрёка. Им, в первую очередь, я обязан тем, что мои дети выросли честными, добрыми, вышли в люди.

Был ещё один человек, которому наша семья безгранично обязана. Это Илья Миронович Бураков, крупный учёный, профессор Астраханского медицинского института, создатель астраханской школы врачей-оториноларингологов. Будучи другом нашей семьи, он в трудную минуту всегда спешил на помощь, помогал и делом, и советом. Впрочем, как врач помогал он всякому, кто к нему обращался; астраханцы знали его и уважали. Одовев, Илья Миронович женился на матери Риты, Зинаиде Исаевне.

Профессор Бураков прославился в Астраханском kraе не только как врач, он был также известен как активный общественный деятель, избирался депутатом городского и областного Советов, возглавлял комиссии по здравоохранению. Его мудрость и опыт помогали становлению и совершенствованию этой важнейшей для общества отрасли.

* * *

Donec eris felix, multos numerabis amicos;

Tempora si fuerint nudila, solus eris.

Пока ты счастлив – друзей будет много у тебя,

Нагрянут же смутные дни – одиноким окажешься.

Это по Овидию. У меня же было по-другому. Мои друзья были со мной и в счастье, и в горе; не покидали меня в беде, делились всем, чем могли. Везло мне на друзей и на добрых людей.

Многим, чего удалось достичь мне в жизни, я обязан им и остаюсь в долгу, увы – неоплатном...

Многих, очень многих – даже страшно подумать – потерял; кого-то судьба загнала в далёкие края, кого-то война да болезни навсегда унесли, с каждым днём остаётся их меньше. Тут ничего не поделаешь: таковы неумолимые законы бытия. Больно терять, и те, с кем ещё общаешься, становятся всё дороже, всё чаще думаешь об их судьбе и здоровье, всё чаще тревожишься: «А не случилась ли с ними какая-нибудь беда?»

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1

Склонение личных и возвратного местоимений в лемковском диалекте

Личные местоимения						Возвратное местоимение
Падежи	1 л.	2 л.	3 л. м.р.	3 л. ср.р.	3 л. ж.р.	
И.	Я	Ты	Він	Оно	Она	—
Р.	Мене	Тебе	Його	Сїй	Себе	Собі (си)
Д.	Мі	Тобі (ти)	Йому (му)	Їй (ї)	Собі (ся)	Себе (ся)
В.	Мене (мя)	Тебе (тя)	Його (го)	Сїй	Собом	Собом
Т.	Мном	Тобом	Ним	Ней	Собі	Собі
П.	Мі	Тобі (ти)	Ним	Ній	Собі	Собі
И.	Мы	Вы	Они	Они	Они	Они
Р.	Нас	Вас	Іх	Іх	Іх	Іх
Д.	Нам	Вам	Ім	Ім	Ім	Ім
В.	Нас	Вас	Іх	Іх	Іх	Іх
Т.	Нами	Вами	Нима (ними)	Нима (ними)	Нима (ними)	Нима (ними)
П.	Нас	Вас	Них	Них	Них	Них

Таблица 2

Образцы спряжения глаголов несовершенного вида.

A. Первое спряжение

Неопределенная форма: писати	Мыти	Параллельные формы
1. Я пиш -у	1. Мы -ю	
2. Ты пиш -еш	2. Мы -еш	
3. Він, она, оно пиш -е	3. Мы -е	
1. Мы пиш -еме	1. Мы -еме	
2. Вы пиш -ете	2. Мы -ете	
3. Они пиш -ут	3. Мы -ют	
1. Я писа -в (-л, -ла, -ло)	1. Мы -в (-л, -ла, -ло)	1. Я ем писа -в (-л); я'm писа -в (-л)
2. Ты писа -в (-л, -ла, -ло)	2. Мы -в (-л, -ла, -ло)	2. Ты ес писа -в (-л); ты's писа -в (-л)
3. Він, она, оно писа -в (-л, -ла, -ло)	3. Мы -в (-л, -ла, -ло)	
1. Мы писа -ли	1. Мы -ли	1. Мы сме писа -ли; писа -ли сме
2. Вы писа -ли	2. Мы -ли	2. Вы сте писа -ли; писа -ли сте
3. Они писа -ли	3. Мы -ли	
1. Я буду писа -в (-л, -ла, -ло)	1. Буду мы -в (-л, -ла, -ло)	Буду
2. Ты будеш писа -в (-л, -ла, -ло)	2. Будеш мы -в (-л, -ла, -ло)	Будешь
3. Він, она, оно буде писа -в (-л, -ла, -ло)	3. Буде мы -в (-л, -ла, -ло)	Буде
1. Мы будеме писа -ли	1. Будеме мы -ли	Писати; мыти
2. Вы будете писа -ли	2. Будете мы -ли	Будеме
3. Они будут писа -ли	3. Будут мы -ли	Будет

Продолжение таблицы 2

Б. Второе спряжение

Неопределенная форма: Виды			Стояли	Солити
Eл. н.	1. Я видж -у		Сто -ю	Сол -ю
Eл. н.	2. Ты вид -иш		Сто -иш	Сол -иш
Eл. н.	3. Він, она, оно вид -ит		Сто -іт	Сол -іт
Mh. н.	1. Мы вид -име		Сто -іме	Сол -іме
Mh. н.	2. Вы вид -ите		Сто -іте	Сол -іте
Mh. н.	3. Они вид -ят		Сто -іят	Сол -іят

В прошедшем и будущем времени глаголы II спряжения имеют те же грамматические формы, что и глаголы I спряжения (т.е. те же суффиксы, окончания и вспомогательный глагол «быть»). См. таблицу А.

В. Спряжение глаголов с основой на -а- и окончанием в 1 л. ед. ч. -м

Неопределенная форма: Читали			Мати	Знати
Eл. н.	1. Я чита -м		Ма -м	Зна -м
Eл. н.	2. Ты чита -ш		Ма -ш	Зна -ш
Eл. н.	3. Він, она, оно чита -т		Ма -	Зна -
Mh. н.	1. Мы чита -ме		Ма -ме	Зна -ме
Mh. н.	2. Вы чита -те		Ма -те	Зна -те
Mh. н.	3. Они чита -ют		Ма -ют	Зна -ют

В прошедшем и будущем времени глаголы этой группы имеют те же грамматические формы, что и глаголы I спряжения (т.е. те же суффиксы, окончания и вспомогательный глагол «быть»). См. таблицу А.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>О лемках</i>	3
<i>Талергоф</i>	8
<i>Быт лемков. Праздники. Обычаи</i>	14
<i>Одежда лемков</i>	31
<i>Лемковская свадьба</i>	35
<i>Лемковский диалект</i>	40
<i>Произношение и некоторые особенности морфологических форм и синтаксиса диалекта</i>	44
<i>Проблема правописания и грамматики в лемковском диалекте</i>	52
<i>Общественно-политическая жизнь лемков</i>	59
<i>«Верность на всю жизнь...»</i>	119
<i>О Кринице, себе, друзьях</i>	133
ПРИЛОЖЕНИЕ	194

П.Ф. Шевчик

Воспоминания

Литературно-художественное издание

Редактор *О.В. Якунина*
Компьютерная правка, верстка *Ю.А. Ященко*

Заказ № 1714. Тираж 125 экз.
Уч.-изд. л. 12,4. Усл. печ. л. 11,1.

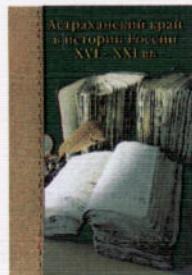
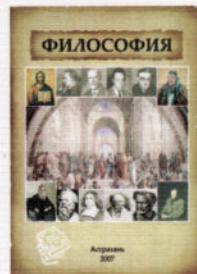
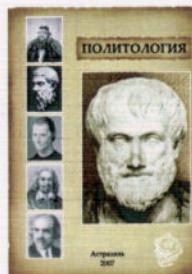
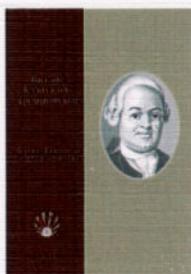
Издательский дом «Астраханский университет»
414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20
тел. (8512) 61-09-07 (отдел маркетинга), 54-01-87, тел./факс (8512) 54-01-89
E-mail: asupress@yandex.ru

Об авторе

ШЕВЧИК Петр Фомич – участник Великой Отечественной войны, педагог, преподаватель иностранных языков в Астраханском государственном университете.

Издательский дом предлагает следующие книги:

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Тел.: 8 (8512) 61-09-07. Тел./факс: 8 (8512) 54-01-89

E-mail: asupress@yandex.ru

"Астраханский университет"